БОЗЕ

КАТАСТРОФА 8 АВГУСТА 1918 г.

ВОЕНИЗДАТ
1937

ВОЕНИЗДАТ

DIE KATASTROPHE
DES 8 AUGUST 1918

Verfasser:
Major a. D. Thilo von Bose.
Bei der Darstellung wurden Vorarbeiten
des Rittmeisters a. D. Konrad
Herrmann verwertet

OLDENBURG i. O./BERLIN 1930
DRUCK UND VERLAG VON GERHARD STALLING

Т. фон-БОЗЕ

КАТАСТРОФА 8 АВГУСТА 1918 Г.

Перевод с немецкого

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА · 1937

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Настоящей книгой, составленной майором Тило фон-Бозе, Германский рейхсархив заканчивает издание серии «Сражения мировой войны»[1]. В книге излагаются события одного дня — 8 августа 1918 г.

8 августа 1918 г. положило начало ряду крупных сражений, которыми окончилась мировая война. Успешная атака союзников 8 августа на «выступ у Амьена» привела к поражению германцев и отходу их на позиции Гинденбурга. В этих боях германцы понесли тяжелые потери; за один месяц боев — с 8 августа по 8 сентября—союзники захватили 150 тыс. пленных (в их числе 3 тыс. офицеров), более 2 тыс. орудий, 13 тыс. пулеметов, огромные запасы имущества и продовольствия. Большая масса этих трофеев была захвачена в первый день сражения—8 августа (стр. 260). 26 сентября союзники переходят в общее наступление, прорывают линию Гинденбурга и рядом успешных сражений приводят германскую армию к капитуляции 11 ноября 1918 г., через 6 дней после вспыхнувшей в Германии революции.

Книга дает представление о том, как протекали бои в последний период мировой войны, когда армии, с одной стороны, имели за плечами 4-летний опыт ведения боевых действий, а с другой — были насыщены достаточно мощной и разнообразной военной техникой. Для извлечения тактических уроков из опыта мировой войны и, главным образом, из последнего ее периода книга дает богатый материал.

Описывая состояние германских войск, автор рисует достаточно пессимистическую картину.

На примере 41-й, 13-й пех. и 43-й рез. дивизий показывается

---

[1] Schlachten des Weltkrieges. In Einzeldarstellungen bearbeitet und herausgegeben im Auftrage und unter Mitwirkunq des Reichsarchivs, Band 36. Die Katastrophe des 8 August 1918.

слабость германских дивизий и неспособность их противостоять сильному натиску превосходящего в силах противника. Но слабость эта происходила якобы лишь от усталости. Автор приукрашивает доблести старых фронтовиков, стараясь изобразить их верными и до конца преданными слугами «отечества», т. е. германского империализма. Революционные настроения уже глубоко охватили солдатские массы. Но лишь в отдельных местах автор невнятно говорит «о деятельности антигосударственных враждебных сил, которые все более открыто требовали переворота и прекращения войны». О политических настроениях в рядах германских солдат, о политическом развале фронта и тыла автор откровенно сказать не решается, хотя многие приводимые им факты говорят сами за себя.

В действиях отдельных частей сказывалась еще прежняя боевая выучка германской армии. Однако, начавшееся ее разложение явно сказалось в большом количестве потерь пленными и гораздо меньшем числе убитыми и ранеными. От общего количества потерь $^2/_3$ падают на пленных и лишь $^1/_3$ — на убитых и раненых.

Только 8 августа показало союзному командованию, чего стоят германские войска и насколько было переоценено их состояние. Генерал английской армии Ролинсон говорит, что «победа 4-й армии у Амьена с захватом 16 000 пленных и 400 орудий была первым указанием на истинное положение вещей в неприятельском лагере».

Германское верховное командование также неправильно оценивало состояние своих войск. До последнего момента, накануне катастрофы, Людендорф все еще мечтал о наступательных операциях.

Недостатком книги является отсутствие описания боев со стороны противника [1].

В сражении 8 августа следует отметить ряд моментов, поучительных с точки зрения оперативно-тактической.

Обороняющаяся сторона не смогла своевременно выровнять фронт, и поэтому к 8 августа его конфигурация сложилась очень невыгодно для германцев. Фронт имел исходящий угол, наличие которого нередко на протяжении военной исто-

---

[1] Описание действий английской армии дано в неизданной на русском языке книге нач. штаба 4-й англ. армии Монгомери.

рии приводило к оперативным неудачам. Чрезвычайная растянутость фронта вызвала нарезку широких участков дивизиям и полкам и сильное разрежение фронта, т. е. слабую насыщенность оборонительных полос живой силой.

Наступающая сторона исключала из своего плана всякие сложные маневры. Прямолинейность движений, точный расчет продвижения огневого вала и пехоты, рассчитанность действий не только по часам, но и по минутам, атаки прямо перед собой в точно вымеренных полосах, резко обозначенных границами, частые предусмотренные планом смены частей по выполнении каждой из них своей небольшой роли в операции — все это характеризует действия союзников.

Англичане тщательно подготовляют атаку 8 августа, показывая отличный пример оперативной маскировки. Приняты были все меры к обеспечению скрытности, даже свои войска до 6 августа ничего не знали. Для сосредоточения используются ночи. Артиллерия располагалась на огневых позициях почти непосредственно перед атакой, а ураганный огонь открывался без пристрелки.

В течение 8 дней 14 дивизий пехоты, 3 дивизии конницы, более 2 000 орудий и около 450 танков сосредоточились на фронте в 15 *км* в непосредственной близости от ничего не подозревающего противника. Союзники имели всего две железные дороги, но за эти 8 дней по ним прошло 230 специальных поездов с войсками и орудиями, более 60 специальных поездов с боевыми припасами и, кроме того, обычное количество поездов с продовольствием и инженерным имуществом. Весь этот поток поездов прикрывался непосредственно в воздухе авиацией.

Артиллерия удачно применила прием «огневого вала». Прием этот довольно точно описывает Монгомери: в начале атаки огневая завеса быстро переносится вперед, затем продвижение замедляется и становится более постоянным по мере хода самого наступления. Иначе говоря, на первых 250—400 шагах завеса продвигается на 120 шагов каждые 2—3 мин., затем быстрота переноса завесы замедляется до 120 шагов в 4 мин. на удобной местности; при наличии же каких-либо искусственных или естественных препятствий быстрота движения завесы еще более замедляется и доводится до 120 шагов каждые 6 или даже 8 минут.

Несмотря на то, что артиллерия лишь 6 августа заняла свои огневые позиции, данные для ведения огня на поражение без пристрелки по германским батареям, пулеметам, командным пунктам и прочим важным целям подготовлялись заранее. Это дало англичанам возможность, несмотря на туман (он оказался лишь выгодным), сразу обрушиться на противника сокрушительным огнем. Германские батареи, огневые позиции которых давно точнейшим образом были нанесены на французские карты, успокаивали себя тем, что они «не обнаружены». Здесь необходимо указать, что лишь наличие большого количества танков позволило англичанам применить новый метод использования артиллерии, уже испытанный французами в предыдущих операциях и не учтенный германцами.

Наряду с отличной работой артиллерии французов и англичан, германская артиллерия в боях 8 августа действовала очень плохо. Заградительный огонь германцами почти не открывался, а там, где он был открыт, он начался с опозданием, когда первые эшелоны атакующего были уже на переднем крае.

В области *связи* опыт 8 августа дает прежде всего тот урок, что в бою, где участвует сильная артиллерия и много танков, самая ненадежная связь — проволочная. Лишь усовершенствованная радиосвязь может служить более или менее надежным средством связи.

Танки, по мнению германцев, являются одним из главных виновников их поражения. Англичане очень серьезно подошли к подготовке танковой атаки. Для достижения прочного взаимодействия пехоты с танками были организованы совместные учения пехоты и танковых частей с использованием опыта атаки австралийцев 4 июля у Амеля. Сосредоточение танков производилось с исключительной скрытностью. В германские штабы проникали отдельные отрывочные сведения о сосредоточении танков, но эти сведения германское командование не сумело должным образом оценить и отнеслось к ним с недоверием.

Обеспечение сосредоточения танков на исходной позиции и непосредственная поддержка танков в бою выполнялись целой эскадрильей № 8, которая еще 1 июня 1918 г. была прикомандирована к корпусу танков и проводила с ним в тылу учения по взаимодействию. 8 августа самолеты этой эскадрильи были в воздухе уже в 2.00 ночи и летали над неприятельскими пози-

циями в течение последнего часа движения танков, для того чтобы заглушить шум их машин. Замаскировав сосредоточение танков на исходной позиции для атаки, эскадрилья высылает новые самолеты, которые систематически сообщают танкам о ходе боя и в дальнейшем поддерживают их бомбометанием с воздуха.

Большую роль в достижении успеха 8 августа сыграло господство в воздухе союзной авиации.

«В предшествовавшие 8 августа недели задачей нашего воздушного флота было завоевание господства над авиацией противника. Это было достигнуто с полным успехом»,— рассказывает Монгомери.

В бою 8 августа авиация выполнила большую непосредственно боевую работу, чем в очень большой степени содействовала наземным войскам в развитии первоначально достигнутого успеха. Если бы не эти боевые действия авиации, возможно, потери англичан в танках были бы больше, а германские резервы были бы подтянуты быстрее и в менее расстроенном виде.

Сражение 8 августа — это сражение армий с высокой материально-технической насыщенностью. Количество войск и технических средств борьбы, сосредоточенных на узком фронте 4-й английской армии, относительно близко к современным нормам насыщения фронта на решающих направлениях. Изучение боевых событий 8 августа в районе Амьена в оперативном и тактическом отношениях представляет большой интерес, поскольку эта операция 1918 г. является одной из наиболее решительных операций в мировую войну.

Глава I.

Развитие общей обстановки на Западном фронте с 21 марта до начала августа 1918 г.

21 марта 1918 г. германские армии Западного фронта начали «великое сражение во Франции». Надежда достичь окончательной победы решительным ударом против англичан имела полное основание. Недаром уже по прошествии первых пяти дней создалось положение, о котором не кто иной, как сам маршал Фош, впоследствии выразился так:

> «Кризис был наиопаснейшим во всей мировой войне, так как германцы могли разбить северный фланг союзных армий, овладеть портами Ламанша и выиграть войну».

Когда затем 30 мая германские ударные дивизии в своем неслыханно быстром победном движении через Шмен-де-Дам, через Эн и Вель вторично появились за время этой великой борьбы народов на Марне, Париж снова затрепетал, и еще настойчивее, чем до сих пор, раздался призыв государственных и военных деятелей Антанты к президенту Вильсону о быстром оказании сильной помощи из-за океана.

В самом деле: германская армия в обеих боевых операциях достигла таких тактических и материальных успехов, которых не удавалось еще достичь ни одной из воюющих сторон. Однако, последний и решительный шаг на пути к достижению оперативной победы она сделать не смогла. Истощенные неслыханным напряжением, наступавшие армии залегли на дугообразном фронте (схема 1), вклинившемся далеко в глу-

бину неприятельской оборонительной полосы между Аррас и Нуайон до рубежа Альбер, Морейль, Мондидье, между Ипр и Ла-Бассе впереди линии Кеммель, Мервиль и между Нуайон и Реймс до лесного массива, что у Виллер-Коттере, вплоть до Марны. Таким образом, протяжение боевых участков фронта увеличилось в 2 и 3 раза; они требовали колоссальных сил и имели уязвимые фланги, условия же подвоза были очень трудные. Если бы достигнутые успехи привели к оперативной победе, то было бы осуществлено уже давно подготовлявшееся второе генеральное наступление против англичан во Фландрии—Фландрская операция[1]. В целях создания благоприятной обстановки для последней верховное командование предприняло новый энергичный нажим по обеим сторонам Реймса. Однако, над ним сияла несчастливая звезда. Как только 15 июля началась атака, противник, будучи хорошо осведомлен о планах германцев, отошел на тыловую позицию к востоку от Реймса. Западнее Реймса, несмотря на настойчивые попытки атаковавших войск, германской армии тоже не удалось сломить хорошо организованную неприятельскую оборону. Уже на следующий день фронт атаки заметно сократился, зато были начаты последние приготовления к Фландрской операции.

Но вскоре (18 июля) германское оружие постигла тяжелая неудача. Развив сильную наступательную операцию против германских позиций на излучине Марны, французам удалось путем удара массированной группы в составе около 350 танков глубоко вклиниться между р. Эн (юго-западнее Суассон) и Урк в расположение 9-й и 7-й армий. Лишь к вечеру следующего дня подоспевшим подкреплениям удалось устранить создавшуюся величайшую угрозу на сделавшемся хрупким фронте. Были понесены большие потери, приходилось бросать свежие силы в ожесточенные бои, не имея в то же время возможности воспрепятствовать непосредственному воздействию противника на главнейшую

---

[1] Фландрская операция в немецком тексте названа условно «операция Хаген» (Hagen-Unternehmen).

линию подвоза восточнее Суассон. На всем дугообразном марнском фронте создалось весьма угрожаю-

Схема 1. Общая схема германского наступления на Западном фронте с 21 марта по 16 июля 1918 г.

щее положение, и верховное командование с болью в сердце вынуждено было решиться на отвод войск с Марны за р. Вель. И хотя ко 2 августа этот тяжелый

маневр, производившийся под сильным натиском противника, был выполнен вполне планомерно и без сколько-нибудь значительных потерь в людях, материальной части и запасах, что дало право Людендорфу охарактеризовать его как «блестящие действия принимавших в нем участие начальников и войск», все же всему миру стало очевидным поражение германцев. В лагере наших врагов слишком скоро осознали значение одержанного ими успеха.

«Благодаря тому, что французы оказались способными провести такое успешное контрнаступление, после того как неоднократно уверялось, что главная масса их резервов уже израсходована, доверие к германскому командованию было значительно поколеблено, притом не только в армии, но и в самом германском народе» [1].

Еще многозначительнее было второе решение верховного командования, которое оно было вынуждено принять 21 июля.

«Наступление во Фландрии не могло привести к быстрому и решительному успеху. По всем признакам противник был к нему подготовлен. Если бы он и здесь отступил, как это было восточнее Реймса, то мы все же не смогли бы достигнуть решительного успеха. Если бы он оборонялся, то его многочисленные резервы были бы в состоянии нас задержать. Верховное командование *решило отказаться от этого наступления* и приказало группе Рупрехта перейти к обороне» [2].

Отказ от Фландрской операции означал не что иное, как конец всего нашего прежнего оперативного плана. План потерпел крушение. Ровно через 4 года после начала войны весь Западный фронт снова застыл в чистой обороне. Главнейшими задачами являлись: дать отдых сильно пострадавшим в июльских боях дивизиям, пополнить их поредевшие ряды (для чего пришлось расформировать около десяти дивизий)

---

[1] *Монгомери*, генерал-майор и начальник штаба 4-й английской армии, История 4-й армии, стр. 17.

[2] *Людендорф*, Мои воспоминания о войне, стр. 543 (немец. изд.).

и укрепить оборону на главных участках фронта. Итак, противник получил полную свободу действий, вырвать которую снова из его рук можно было только решительным наступлением. Была ли способна к нему германская армия? 2 августа 1918 г. верховное командование еще было в этом уверено, что подтверждается его оценкой обстановки:

«После ввода Антантой крупных сил между р. Вель и Марной крупные наступательные операции противника в других местах *в ближайшее время* тем менее вероятны, что противник считается с возможностью контрнаступления... *Позднее* противник, естественно, может начать крупное наступление против всех участков нашего фронта. Наиболее вероятными являются... (следует перечисление пяти участков).

Организуя здесь оборону, мы *одновременно готовимся к наступлению.* Можно предложить следующие его варианты:

1. Фландрскую операцию малого масштаба.

2. Наступление «Курфюрст» по обоим берегам Уазы, примерно, между Мондидье и Суассон.

3 и 4...».

При этом о наступлении в направлении Амьена не упоминается. Но и от него, пожалуй, еще окончательно не отказались.

«Когда майор Ниман, назначенный делегатом связи верховного командования при кайзере, явился в начале августа перед отъездом к Людендорфу, он спросил: «Должен ли я подготовить его величество к тому, что Вы, Ваше превосходительство, собираетесь приступить к сокращению фронта? Мне кажется, что начертание нашего фронта после прекратившегося наступления мало пригодно для обороны и требует чрезмерно больших сил». — «Оборона? Я надеюсь, что мы сможем *продолжать наступление на Амьен,* как только войска мало-мальски отдохнут», — гласил ответ генерала. Его сильная воля стойко боролась против надвигавшейся судьбы»[1].

---

[1] *Фон-Куль,* Мировая война 1914—1918 гг., т. II, стр. 400.

Основанием для таких соображений было убеждение верховного командования, что противник в ближайшее время еще не способен к большому наступлению. В действительности же генерал Фош еще в конце июня считал свою армию достаточно сильной, чтобы начать общее наступление. В мае приток *американцев* повысился до 200 000 человек, а в июле на французской земле уже находилось значительно больше миллиона американских солдат. В сражении 18 июля уже приняли участие девять их дивизий. Их недостаточный боевой опыт компенсировался нетронутой моральной силой и бодрым наступательным духом весьма сильных численно и прекрасно вооруженных частей.

К концу июля *английская* армия тоже настолько оправилась после крупных неудач в марте и апреле, что она, как об этом говорят реляции маршала Хэга, была вполне готова к наступлению. Что же касается *французов*, то 18 июля показало, что, в особенности после значительного пополнения их армии колониальными войсками, они прекрасно умеют действовать при наступлении.

Однако, главное усиление всех неприятельских армий произошло за счет *танков*. В течение последних восьми месяцев они много поработали над техническим усовершенствованием танков, их тактическим использованием и над увеличением их количества. Именно танкам противник в первую очередь обязан своими успехами 18 июля. Несмотря на то, что в некоторые дни было подбито до 40%, а кое-где и сверх 50% этих боевых машин, все же они обеспечили первый решительный прорыв. От них же в первую очередь зависел успех и в будущем.

«При общем ликовании всей Антанты после победоносного сражения между Суассон и Шато-Тьери генералу Фошу было пожаловано звание маршала. 24 июля он собрал в своей главной квартире командующих всеми английскими, французскими и американскими армиями. Он напомнил им о том, каково было положение, когда 4 ме-

сяца тому назад, 27 марта, под гром германских пушек у Амьена был созван в Дулане большой военный совет союзников. С гордостью он мог заявить им, что теперь дело уже идет о том, чтобы начать теснить на всех фронтах и окончательно ослабить утомленного в результате своих наступательных операций противника... пока не наступит тот день, близость которого уже ясно намечается,— день генерального наступления с целью окончательного уничтожения противника, освобождения французской и бельгийской земли, день, когда в триумфальном шествии понесут союзные знамена за Рейн!»[1].

И в этот день, 24 июля, маршал Фош принял решение, которому суждено было привести к «черному дню германской армии в истории этой войны».

---

[1] *Беймельбург,* Заградительный огонь вокруг Германии, стр. 482.

Глава II.

План неприятельского наступления 8 августа и его подготовка.

Карта 1.

8 августа ударом англичан и французов должен был начаться ряд изнурительных атак, имевших целью освобождение железной дороги Париж, Амьен, находившейся в течение долгого времени под обстрелом германской артиллерии. Для этого нужно было достичь линии Морланкур, Мерикур, Арбоньер, Анжест-ан-Сантер. После отхода германцев за р. Вель было приступлено к подготовке второго наступления между Мондидье и Нуайон. Чтобы создать для него возможно более благоприятную обстановку, 5 августа цели первого наступления были расширены и доведены до линии железной дороги Шон, Руа.

Главная задача 8 августа выпала на долю 4-й английской армии. Она начала наступление из района, расположенного между р. Анкр у Дернанкур, и большого государственного шоссе Амьен, Руа, имея 3-й корпус севернее Соммы, Австралийский корпус между Соммой и железной дорогой Амьен, Шон и Канадский корпус на правом фланге. С южным флангом австралийцев и с Канадским корпусом должен был взаимодействовать английский (канадский) кавалерийский корпус. Главный удар наносился между Соммой и государственным шоссе. Далее к югу, до южных окрестностей Морейль, должна была наступать 1-я французская армия, которая для этого была подчинена англий-

скому главному командованию, примыкая своим левофланговым (31-м) корпусом к английской армии[1].

Ударные силы.

4-я английская армия[2]	1-я французская армия
3-й корпус в составе 12-й, 18-й и 58-й дивизий. Австралийский корпус в составе 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й дивизий. Канадский корпус в составе 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизий. Кавалерийский корпус в составе 1-й, 2-й и 3-й кавдивизий. Артиллерия: 2 068 орудий. Танки: 10 батальонов — 360 тяжелых танков и 2 батальона — 96 легких танков; 16 бронеавтомобилей. Авиация: 408 самолетов.	31-й корпус в составе 42-й, 37-й, 66-й, 153-й и 126-й дивизий. Артиллерия: 616 орудий. Танки: 2 батальона — 90 легких танков. Авиация: 60 самолетов; следует также учесть, что 1-й армии подчинялась воздушная дивизия в составе 600 самолетов; несомненно, что значительная часть этой дивизии тоже действовала на участке 31-го арм. корпуса.

Главнейшим шансом успешности атаки считалась ее внезапность для германцев. Соответственно этому все приготовления велись чрезвычайно скрытно, с применением тщательно продуманных мероприятий по маскировке и введению противника в заблуждение. Французы и англичане использовали все, чему они научились в этой области у германского командования. Им в значительной степени благоприятствовало еще то обстоятельство, что они располагали хорошо оборудованной сетью железных дорог и неограниченными транспортными средствами, что позволило им выполнить все перевозки войск и боевых средств непосредственно перед самой атакой в гораздо более короткий срок, чем это когда-либо удавалось германцам. В течение последней недели перед началом наступления через один только район 4-й английской ар-

[1] О задаче примыкавшего с юга к 31-му арм. корпусу 9-го корпуса см. стр. 184.

[2] См. боевой состав в приложении 1.

мии прошло до 230 войсковых эшелонов и свыше 60 поездов с боевыми припасами. Лишь конница, легкие бронеавтомобили и часть артиллерии сосредоточились в исходный для наступления район походным порядком. Помимо этого, противнику сильно помогло его подавляющее господство в воздухе. Перед германским наступлением на Шмен-де-Дам 27 мая 1918 г. было невозможно воспрепятствовать неприятельской воздушной разведке, так как для этого потребовалось бы значительное увеличение количества действовавших в этом районе германских самолетов. Если бы это было сделано, то противник мог бы догадаться о предстоящем наступлении. На амьенском фронте, напротив, противник уже в течение нескольких месяцев располагал столь многочисленными воздушными силами, что они без особого труда смогли иметь господство над слабыми германскими воздушными силами.

> «В предшествовавшие 8 августа недели задачей нашего воздушного флота было завоевание господства над авиацией противника. Это было достигнуто с полным успехом. Количество вылетавших с задачами дальней разведки самолетов противника было невелико, лишь немногие самолеты перелетали через наш фронт и работали над нашим предпольем. При этом наши зенитные средства и воздушные дозоры истребителей препятствовали им извлекать из своей разведки какую-либо пользу или причинять нам сколько-нибудь серьезный вред»[1].

Это подтверждают и германские воздушные сводки; например, в сводке 11-го арм. корпуса от 4 июля говорится:

> «В период с 26 июня по 3 июля представилось возможным произвести первую воздушную фоторазведку, частично, правда, лишь посредством схематических снимков мелкого масштаба. Противник, создав сильную воздушную завесу по обе стороны линии нашего фронта, не давал нашим летчикам заглядывать в его тыл».

---

[1] *Монгомери*, стр. 24.

Эта последняя фраза регулярно повторялась в последующих недельных сводках, а в сводке от 7 августа сказано:

«За время с 1 по 7 августа удалось совершить 37 полетов, из них лишь 7 — с фотографированием и наблюдением. 2 и 5 августа стояла нелетная погода. В восьми воздушных боях был подбит только один наш самолет; 3 августа один неприятельский самолет был принужден к посадке у Асвиллер».

Этим бесспорным превосходством в воздухе были достигнуты весьма благоприятные условия для сохранения скрытности всех приготовлений к наступлению. Само собою разумеется, что все связанные с готовящимся наступлением передвижения должны были совершаться исключительно ночью. Днем же многочисленные леса и неразрушенные селения, окруженные садами и живой изгородью, являлись хорошими укрытиями от наблюдения. Сосредоточивавшимся войскам не приходилось двигаться без дорог, так как все указанные укрытия находились на дорогах, и потому нигде не возникали предательские колонные пути. Вдобавок весь район сосредоточения противника тщательно охранялся авиацией. Участвовавшая в наступлении артиллерия заняла свои позиции в основном лишь в последние две, самое большее три ночи. Пристрелки нигде не производилось. Работы по укреплению тыловых позиций велись беспрерывно.

Таким образом, германцы вначале могли предполагать о предстоящем наступлении лишь по одному признаку: по шуму, вызванному подвозом в расположенные в непосредственной близости от передовой линии фронта склады огнеприпасов и прочих боевых средств. Особенно был слышен этот шум у Виллер-Бретонне, а также на многих других участках фронта 2-й армии. Войска принимали его за шум, производимый танками, и впоследствии бросали резкие упреки высшим штабам, что те не верили их донесениям о готовящейся танковой атаке и, более того, считали их «химерой» или объясняли их «нервозностью» войск. Этому

противоречит указание штаба 2-й армии от 3 августа, что:

> «замеченные войсками движение и шум моторов дают возможность предполагать готовящуюся танковую атаку из района Виллер-Бретонне».

Аналогичное указание имеется также в боевом приказе 41-й пех. дивизии на этот день. Правда, ни штаб армии не предпринял со своей стороны никаких особых мер, ни командование 41-й пех. дивизии не смогло сделать для подготовки к отражению танковой атаки больше того, что уже было сделано или что было намечено сделать. Повидимому, шум моторов, о котором шла речь, слышанный еще до 6 августа, производился не танками, так как противник благоразумно остерегался подводить их столь преждевременно в непосредственную близость к передовой линии фронта.

> «Чтобы заглушить шум двигавшихся только по ночам танков, применялись самолеты. *В ночь на 7 августа* танки были подтянуты по группам в выжидательные районы, находившиеся около двух или трех миль позади фронта. *В ночь на 8 августа* они заняли свои исходные районы около 1 000 ядров позади исходных позиций пехоты... Лишь один непредвиденный случай смог раскрыть сосредоточение танков. Одна рота транспортных танков была сосредоточена в фруктовом саду недалеко от Виллер-Бретонне. 7 августа пополудни в наполненный горючим танк попал снаряд, вследствие чего горючее загорелось. Это привлекло к себе внимание германских артиллеристов; они открыли по фруктовому саду сосредоточенный огонь. Вся рота в составе 25 танков вместе с их грузом была целиком уничтожена» [1].

И все-таки, несмотря на господство противника в воздухе и на все примененные противником приемы маскировки и принятые меры предосторожности, один бравый германский летчик обнаружил движение танков, что должно было бы заставить германское ко-

[1] *Монгомери,* стр. 28.

мандование призадуматься! В изданной штабом фронта кронпринца Рупрехта сводке за 6 августа «Обстановка к 12.00. 6 августа» говорится: «Данные разведки: на дороге Айи, Моризель обнаружено около 100 танков»[1].

Повидимому, это донесение в тот же день дошло до 2-й армии, так как 7 августа этими сведениями уже располагал штаб 51-го арм. корпуса.

> «Штаб армии подсмеивался над все время проявлявшейся нервозностью находившихся в окопах частей, как только речь заходила о танках... Но вот в оперативной сводке армейской группы появляются сведения, что один летчик видел на дороге Айи, Моризель колонну около 100 танков. И никаких комментариев! Даже не предлагали усилить бдительность! Мы беспокоились, так как движение 100 танков вряд ли преследует цель увеселительной прогулки. Однако, штаб армии сохранял поразительную беззаботность» (записки одного штабного офицера 51-го арм. корпуса).

Так как до сего времени внутренние фланги 4-й английской и 1-й французской армий находились у самой южной окраины Виллер-Бретонне, а Канадский корпус находился в районе, расположенном значительно севернее, необходимо было выполнить большую перегруппировку. Она должна была быть согласована с тщательно продуманными мероприятиями по введению противника в заблуждение. В ночь на 31 июля 3-й английский корпус растянул свой фронт от р. Анкр до Соммы, сменив своими резервами ранее стоявших здесь австралийцев. В следующую ночь 4-я австралийская дивизия приняла от французов участок от южной окраины Виллер-Бретонне до дороги Амьен, Руа, на котором предполагалось развернуть Канадский корпус. Таким образом, фронт 4-й армии был вначале расширен к югу на полные 6 *км*, причем ни один из ее обоих корпусов не получил ни одной свежей дивизии на усиление. Это мероприятие могло и, естест-

[1] Вероятно, речь идет о приданных 8 августа 153-й пех. дивизии 90 танках (стр. 183).

венно, должно было как в английских и австралийских частях, так равно и на германской стороне, коль скоро оно стало там известно, исключить всякое подозрение о готовящемся наступлении 4-й армии.

Канадский корпус был известен как хорошее ударное соединение. Поэтому неприятельское командование, рассчитывая, что германцы будут ожидать наступления на том участке фронта, где появятся канадцы, расположило 2 канадских батальона с одной радиостанцией у Кеммель. Сосредоточение корпусов в исходных для наступления районах началось лишь 4 августа, притом далеко позади фронта. В ночь на 7 августа канадские части сменили австралийские резервы на их участках фронта, и лишь в полночь с 7 на 8 августа ударные батальоны выдвинулись на свои исходные позиции.

Равным образом и кавалерийский корпус был сосредоточен лишь в последние дни перед наступлением далеко позади фронта, чтобы затем в ночь на 8 августа достичь одним большим скачком района между Каши и Лонго.

Намеченные мероприятия по введению противника в заблуждение удались, поскольку германцы обнаружили канадские части у Кеммель, но не заметили движения всего этого корпуса на юг. И все же 4 августа верховное командование указывало на то, что, повидимому, две канадские дивизии, простояв недолго на своих боевых участках, сменены:

> «Местонахождение их требует исключительного внимания... Особая бдительность необходима на фронте 3-й и 4-й английских армий».

С другой стороны, 1 августа германцы захватили у Сайи-Лорет пленных 18-й английской дивизии и 4 августа у Урж (на государственном шоссе) — пленных 4-й австралийской дивизии. 2-я германская армия подробно знала также и остальной боевой состав 3-го английского и Австралийского корпусов. Штаб 2-й германской армии, так же как и штаб фронта и верховное командование, уже раньше оценивал обстановку та-

ким образом, что армии на своем участке фронта не приходится ожидать большого наступления:

> «Англичане на своем южном фланге не введут крупных сил, последние, по всей вероятности, держатся в готовности в первую очередь за фландрским фронтом и у Аррас» (оценка от 20 июля).

Это предположение подтверждалось к тому же тем фактом, что пленным ничего не было известно о готовящемся наступлении. Однако, 2-я армия по факту сосредоточения австралийцев в районе между реками Соммой и Люс, а равно и из наблюдений у Виллер-Бретонне (стр. 22) пришла к выводу, что «вероятность сильной частной атаки у Виллер-Бретонне возросла». Противник блестяще обеспечил скрытность своей подготовки. Войска узнали о намерении начать наступление лишь незадолго перед вечером 6 августа. Кроме того, в руки германцев не попало больше ни одного пленного, несмотря на то, что на фронте 2-й армии для этой цели предпринимались отдельные небольшие поиски. Передовые части противника повсюду отходили.

В отношении боеспособности ударных полков выше всех расценивались канадцы, показавшие себя в предыдущих боях и успевшие как следует отдохнуть. И австралийцы в течение последнего месяца прекрасно натренировались в наступательных действиях и, имея довольно значительные успехи, безусловно достигли морального превосходства над противником (стр. 48). Так как на эти оба корпуса ложилась вся тяжесть наступления, то не имело уже особенного значения, что боеспособность дивизии 3-го английского, а, пожалуй, и 31-го французского корпусов не стояла на той же высоте, но решительных успехов противник надеялся добиться своими танками. Канадскому и Австралийскому корпусам было придано по 4 батальона танков, 3-му корпусу — 1 батальон, и 1 батальон тяжелых танков был оставлен в распоряжении армии. Коннице были приданы 2 батальона легких танков. Из танковой атаки австралийцев 4 июля у Амель (стр. 29) были

сделаны богатые положительные выводы, и с тех пор беспрерывно проводились совместные занятия пехоты с танками. Удалось даже сколотить все участвующие в наступлении батальоны 3-го и Австралийского корпусов, а частично и Канадского, с теми танковыми частями, с которыми им предстояло совместно действовать во время атаки.

Вообще, в течение последних месяцев противник подверг переоценке наступательные средства. Главная роль приписывалась танкам; времена огневой подготовки пехотной атаки продолжительностью в несколько часов отошли в область предания. Уже 18 июля французы начали атаку пехоты с первым артиллерийским выстрелом. Такой способ себя оправдал, так как многие части на линии боевого охранения германцев и даже иногда гарнизоны позиции главного сопротивления оказывались застигнутыми врасплох. Этот способ было приказано в 4-й английской армии использовать и в день 8 августа. Начало атаки было назначено на 5.20. После того как танки, стоявшие в полной готовности позади своих частей, точно рассчитав свое движение, в 5.20 пройдут линию передовых частей пехоты, вся масса артиллерии открывает внезапный огонь, причем около ⅓ всех орудий должно создать заградительный огневой вал, а остальные ⅔ — навалиться огнем на германские артиллерийские позиции, командные пункты, районы сосредоточения, пути подхода резервов, населенные пункты и т. д. Огневой вал должен был держаться в продолжение первых трех минут на передовых германских позициях. В течение этого времени танки и атакующая пехота должны подойти вплотную к огневому валу и следовать непосредственно за ним. (Вал должен был делать скачки вперед по 100 *м* сначала через 2 минуты, затем через 3 минуты и позднее через 4 минуты.)

Неприятельское командование было убеждено в успехе атаки, поскольку германцы были действительно захвачены врасплох. Оно имело совершенно ясную картину того, что германцы в численном отношении значительно уступают союзникам и занимают чрезвы-

чайно плохие позиции. Оно знало, что боеспособность и упорство в обороне германского солдата сильно понизились, и рассчитывало, что он потерял всякую надежду на конечную победу. Господство в воздухе было на стороне противника уже в течение долгого времени. Подготовки атаки могущественной артиллерии, по всей вероятности, было вполне достаточно, чтобы проложить путь пехоте. Если число ударных дивизий на этот раз ни в какой мере не достигало числа их в предыдущих больших наступательных операциях, то теперь пехота, особенно совместно с невиданной до сего времени массой танков, была достаточно сильна, чтобы сломить даже неожиданно упорное сопротивление. Все подготовительные мероприятия были проведены своевременно и планомерно, благодаря чему внезапность полностью удалась.

«Но самым замечательным 7 августа было настроение и величайшее доверие частей всех родов войск. Без преувеличения можно сказать, что эти чувства были настолько сильны, боевой дух был настолько высок, а решимость любой ценой добиться окончательной цели была настолько тверда, что амьенское сражение фактически было выиграно еще до того, как началось наступление»[1].

---

[1] *Монгомери,* стр. 30.

Глава III.

Боевые действия 2-й германской армии до 8 августа, боеспособность ее войск и оборудование позиций.

Карта 1.

Наступление 8 августа была направлено почти исключительно против 2-й германской армии. Во время «великого сражения» победное движение 2-й армии остановилось 4 апреля на общей линии Альбер, Морейль, совсем близко от столь желанной цели — Амьен. Естественно, что именно здесь англичане и французы ввели в дело почти все свои наличные силы и боевые средства, так как владение важнейшим железнодорожным узлом Амьен играло решающую роль для взаимодействия их фронтов севернее и южнее Соммы. «Неприятельское сопротивление оказалось здесь выше наших сил» (Людендорф). Истощенным полкам 2-й армии пришлось создавать свои позиции и убежища под гром непрекращавшейся канонады многочисленных неприятельских батарей. Подвоз для армии снабжения был чрезвычайно затруднен вследствие того, что в ее тылу находился район сражения на Сомме, который был совершенно разрушен и опустошен. Таким образом, именно в первые недели после прекращения наступления на фронте создалась весьма тяжелая боевая обстановка. Однако, надежда все же позднее взять Амьен не была еще потеряна. Для занятия возможно более удобных исходных позиций армия 24 апреля еще раз предприняла наступление на фронте от север-

ных окрестностей Виллер-Бретонне до леса Сенека (4 *км* северо-западнее Морейль) и овладела частью неприятельской территории. Однако, последовавший немедленно затем контрудар противника показал, что тот уже снова сосредоточил свежие силы и отнюдь не имеет намерения терять территорию. Часть захваченной территории и самое селение Виллер-Бретонне пришлось снова очистить. В мае боевая деятельность обеих сторон продолжала оставаться чрезвычайно активной, и, хотя противник лишь 14 мая предпринял сильную атаку северо-западнее Морейль и 19 мая англичане нанесли чувствительный удар у Виль-сюр-Анкр, Морланкур, однако потери армии были весьма значительны, достигая в некоторые дни 500 человек.

После короткого затишья в начале июня, обусловленного успехами германцев южнее р. Эн и на Марне, противник перешел с 11 июня к планомерной активной обороне. Предмостные укрепления у Альбер, позиции под Дернанкур, Морланкур, по обеим сторонам дороги Корби, Бре и Амьен, Руа, а также тет-де-пон у Морейль служили целями частых коротких ударов противника (на участках шириною до 4 *км*).

В дальнейшем обстановка усложнилась. 4 июля противник, введя в дело большое количество танков, повел сильное наступление на фронте от Альбер до Виллер-Бретонне и южнее Соммы, где наступало 6 батальонов австралийцев при поддержке 60 танков, и достиг значительных успехов. Амель и возвышенности восточнее и южнее его были потеряны, причем было много убитых, раненых и пленных. Наступательный порыв противника заметно усилился. Уже 12 июля, а затем 23 июля последовали его новые атаки в районе Морейль, и, хотя эти атаки в общем были отбиты, все же германское командование решило перебросить находившиеся там главные силы на восточный берег р. Авр, оставив на уменьшенном тет-де-поне лишь арьергард, тем более что вопрос об атаке Амьена отпал. В четвертый раз в течение одного месяца неприятельские дивизии 29 июля атаковали между Морланкур и Соммой и вторглись в предполье на

участке шириной в 3 *км*. В перерывы между этими атаками противник многократно производил разведывательные поиски и местные атаки частями силою до батальона при постоянной их поддержке сильным артиллерийским и газометным огнем. При этом большую роль сыграло применение нового ОВ, схожего с ОВ желтого креста[1]. Кроме того, и днем и ночью непрерывно действовали чрезвычайно сильные авиационные эскадрильи. Последние атаковали, главным образом, артиллерийские батареи, батальоны, находившиеся в резерве и на отдыхе, биваки и населенные пункты, занятые нашими штабами и ударными дивизиями. Звучит как будто бы успокоительно, когда говорят: батальон идет на 14 дней на отдых. Однако, действительного отдыха войска не получали. Ему препятствовали неприятельская авиация, а зачастую и дальнобойная артиллерия. Иные испытанные бойцы предпочитали сидеть в окопах на передовой линии, нежели находиться в лагере в тылу. Эти беспрерывные ночные воздушные налеты продолжались до 29 июля, когда на всем фронте армии южнее Соммы наступило странное спокойствие. Наоборот, севернее Соммы наше собственное наступление 6 августа снова привело к жарким боям, затянувшимся до утра 8 августа (стр. 52—53).

Таким образом, передовые дивизии 2-й армии со времени прекращения общего наступления 4 апреля до самого конца июля пережили чрезвычайно тяжелое время. Вряд ли где-либо на другом участке всего За-

---

[1] Германцы в мировую войну ставили на наружной стороне химических снарядов особые марки в виде разного цвета крестов, обозначавших тип ОВ, коим снаряжен данный снаряд. В основном было 3 цвета: синий, зеленый и желтый. Синий крест обозначал снаряды с ОВ чихательного действия (чаще всего применялся дифенил-хлорарсин), зеленый цвет — отравляющего действия (преимущественно хлорпикрин, не сильно ядовитый, но соединявший в себе свойства лакриматсра и вызывавший тошноту; противогазы, защищавшие от хлора и фосгена, не защищали от хлорпикрина) и, наконец, желтый крест — нарывного действия, «иприт» или «горчичный газ». — *Прим. перев.*

падного фронта, если говорить о периодах позиционной войны, противник на протяжении целых месяцев развивал такую усиленную наступательную, огневую и воздушную деятельность, как на амьенском участке. Поэтому совершенно естественно, что боеспособность и стойкость всех частей 2-й армии, находившихся долгое время в передовой линии, понизились, пожалуй, в значительно большей степени, чем у большинства позиционных дивизий, вообще действовавших во Франции и Бельгии. (Обзор боевых действий этих дивизий за период с марта до августа 1918 г. см. в приложении 2.)

Само собою разумеется, что эти особенно сильно пострадавшие войска 2-й армии меньше всего были способны бороться с теми настроениями, которые в то время так сильно угнетали каждого германского фронтовика. Перед 21 марта армия и страна еще раз были охвачены большой надеждой на достижение окончательной победы. С каждой дальнейшей атакой, не приводившей к решительному успеху, эта надежда постепенно угасала, и после 18 июля даже у самых стойких людей возникло опасение, что, пожалуй, борьба ведется лишь за сколько-нибудь сносный конец. Это бесконечно усложнило задачу командования и лишило солдат той базы, опираясь на которую они переносили лишения и тяготы войны. Каждый в отдельности наблюдал своими собственными глазами, как изо дня в день таяли ряды лучших бойцов, и отлично понимал, что потери эти невозместимы, ибо все то, что страна присылала на пополнение, было почти сплошь никуда не годно (стр. 43). И изо дня в день самыми различными путями проникали из тыла на фронт мрачные вести о нужде и лишениях о безнадежном положении и о деятельности антигосударственных враждебных сил, которые все более открыто требовали переворота и прекращения войны. Уже больше не вызывало никаких сомнений, что от союзников Германии нечего больше ждать и что только германская помощь может предотвратить их поражение. Слабые натуры, считая все потерянным, были способны только на тупое подчинение, а крепкие на-

туры раздраженно выполняли свои обязанности, поскольку у них хватало сил.

Многое уже было не таким, каким оно должно было бы быть. Для иллюстрации достаточно привести слова офицера для поручений штаба одного из полков полевой артиллерии:

«В это время были изданы руководящие указания главного командования о подвижном заградительном огне. Дополнения, изданные командными инстанциями, до штаба дивизиона включительно, создали из довольно ясных приемов такую запутанную систему, что командиры батарей никак не могли в ней разобраться. К чему был весь этот ворох приказов, особых инструкций, планов оборудования позиций, проектов планов обороны и т. д., если им было суждено остаться пустыми воздушными замками, ибо ни один человек не был в состоянии проделать все то, что ими требовалось. Присылались карты, на которых очень красиво были обведены синими линиями запасные позиции, непроходимые долины, запасные огневые позиции артиллерии и т. д. На траве были разложены белые полосы, по которым должны были быть созданы все эти объекты. Но где же взять потребную для этого рабочую силу? Все это было очковтирательством. Однако, офицеры и солдаты внутренне страдали от той разницы, которая была между тем, что от них требовали, и тем, что им было по силам сделать. Так постепенно вырастало «наплевательское отношение», сделавшееся лучшим союзником готовившегося к наступлению противника.

Еще хуже обстояло дело с так называемыми «ответственными донесениями». Когда мне пришлось в течение одного дня обрекогносцировать 24 позиции для батарей усиления и при всем моем желании удалось найти лишь половину, адъютант того штаба, которому я должен был представить донесение, сказал мне: «Ну, что же, донесите обо всех. Не имеет значения, чтобы были установлены все позиции, — важно, чтобы мы получили донесение!» Я лишился речи. Но вопрос был ясен. Если штабам необходимо было действительно знать что-нибудь важное, то в приказах указывалось: «Донесения считать ответствен-

ными и прислать с офицером». В этом же распоряжении о рекогносцировке батарей такого указания не было»

Возникает вопрос, имело ли командование 2-й армии ясное представление о том, чего оно могло потребовать от своих войск в случае серьезных боев.

Давая боевую оценку своим дивизиям, командование указывало 3 августа:

27-я и 117-я пех. дивизии вполне боеспособны;

54-я резервная, 108-я, 41-я, 225-я и 14-я баварская пех. дивизии боеспособны лишь в условиях позиционной войны;

13-я, 243-я и 192-я пех. дивизии способны к обороне лишь на спокойных участках фронта;

43-я резервная, 107-я и 109-я пех. дивизии требуют смены.

Таким образом, из 13 дивизий сама армия считала 6 дивизий непригодными для крупного сражения; не нужно никакой проверки, чтобы определить, что данная оценка не является все-таки слишком пессимистичной. Донесения и прочие отзывы с фронта о состоянии дивизий, отмеченных как «боеспособные лишь в условиях позиционной войны», показывают, что их состояние вряд ли чем отличалось от дивизий, считавшихся менее боеспособными. Для сравнения приведем более подробную характеристику 41-й, 13-й пех. и 43-й рез. дивизий, отнесенных к различным из перечисленных категорий, которые могут служить критерием для оценки таких же дивизий.

41-я пех. дивизия только за несколько дней беспрерывных наступательных боев у Аррас в конце марта потеряла не менее 1 500 человек. Еще более высокие потери она понесла в период с 4 апреля по 5 июня к западу от Бапом, почему отдых до 4 июля в глубоком тылу оказался для нее настоятельно необходимым. Когда затем дивизия после получения достаточного пополнения и усиленной боевой подготовки заняла 10 июня важный участок у Марселькав, она имела 644 человека больных в лечебных заведениях и 434 амбулаторных. Это было время, когда распространив-

шийся по всей армии грипп развился до самой высокой степени. Начиная с 15 июля, части этой дивизии постоянно находились в состоянии полной боевой готовности, так как беспрерывно велись более или менее сильные неприятельские атаки. 17 июля противник атаковал на всем фронте дивизии, 22 июля произвел атаку на ее центр. Только за эту неделю (17—23 июля) дивизия потеряла 15 офицеров и 472 унтерофицера и солдата. Командир особенно сильно пострадавшего передового батальона 148-го полка майор Пихт, известный командир «ударной группы Пихта», доносил после этой атаки 22 июля:

> «При повторной более сильной атаке я не могу поручиться, что позиция будет удержана».

Командир полка писал:

> «Командиры батальонов серьезно задумываются, сумеют ли они с войсками, переутомленными в боях и оборонительных работах, при повторных сильных атаках удержать свои позиции. К этому нужно добавить большой некомплект офицеров и распыление подразделений полка по всему широкому полковому участку. Так как оборудование позиции только начато, то лишь часть полка занимает сплошные окопы, большая же часть подразделений расположена мелкими ячейками с большими промежутками между ними, через которые противник, пользуясь растительностью, может прорваться. Передовые роты, которые сегодня уже 6-й день ведут непрерывные бои, могут быть сменены лишь одинаково истощенными резервными ротами, что, однако, нисколько не улучшит положения».

Командир дивизии еще 22 июля переслал эти донесения командиру 11-го арм. корпуса со следующим дополнением:

> «Вследствие беспрерывного участия в боях, начиная с 17 июля, значительных потерь и лишь недавно перенесенной эпидемии гриппа боеспособность войск за последние дни сильно понизилась. Ввиду невозможности произвести смену возникает опасность дальнейшего быстрого рас-

стройства сил. Дивизия просит сузить протяжение ее полосы, которая теперь на линии главного сопротивления тянется на 5 000 *м* против 3 100 *м*, занимаемых 13-й пех. дивизией. Понесшая большие потери в последних боях 2-я рота 148-го пех. полка обороняет участок в 350 *м*, имея только 60 штыков».

На следующий день командование корпуса ответило:

«Если не возобновятся боевые действия, дивизия будет в состоянии снова закрепиться на своем участке. Занимаемый дивизией участок по сравнению с соседней дивизией соответствует ее боевому составу. 13-я пех. дивизия еще не в состоянии занять часть участка 41-й пех. дивизии. Если обстановка не изменится, дивизия будет, как и раньше, усилена не меньше, чем одним батальоном из ударных дивизий второй линии. Армейское командование принимает меры к усилению артиллерии».

Таким образом, корпусное командование после короткого удара противника 22 июля на участке, примерно, одного батальона 41-й пех. дивизии считало, что «положение на участке дивизии снова укрепится, если не возобновятся боевые действия». Но чего же можно было после этого потребовать от нее, если на нее будет направлен сильный удар в наступлении большого масштаба? Не обнаруживается ли здесь явное противоречие с оценкой, данной 3 августа командованием армии, считавшим дивизию «боеспособной для позиционной войны»? А ведь к этому времени дивизия понесла еще дополнительные потери (свыше 200 человек), и батальоны насчитывали в своих рядах (без пулеметных рот):

в 18-м пех. полку по 255 штыков
» 148-м » » » 286 »
» 152-м » » » 404 »

Полное представление о положении и моральном состоянии пехоты можно получить из данных, основанных на письмах и дневнике закаленного в боях и особенно ценившегося в своем полку командира 3-го батальона 148-го пех. полка, капитана Мейснер:

«Наше моральное состояние было подавлено, мы знали, что стоим на позициях, которые будут потеряны. Войска выбились из сил, передовая линия была занята такими слабыми частями, что мало-мальски серьезная оборона казалась невозможной. Мне снова была подчинена моя прежняя 7-я рота, которая бессменно вела в течение 17 дней непрерывные бои на передовой линии и понесла большие потери. Все офицеры и солдаты выглядели ужасно. Мы ежедневно ожидали атаки. Позади нас не было никаких резервов. Противник был в 10 раз сильнее нас. Беспрерывное лежание под сильным артиллерийским огнем изматывало нервы до последней степени. На всех фронтах мы уже достаточно привыкли к этому железному граду. Однако, этот огонь порою ослаблялся, а иногда и совсем прекращался. Но в этих глиняных норах у Виллер-Бретонне мы были под беспрерывным ливнем снарядов всех калибров. На эту массу сыпавшихся на наши головы снарядов наша артиллерия отвечала так скромно, что мы на передовых позициях ощущали мучительное чувство, будто бы мы одни на поле боя. А в тылу оправдывались тем, что необходимо было беречь снаряды. Это было понятно тому, кто хоть раз наблюдал, с какой яростью и остервенением самолеты противника нападали на каждый обнаруженный ими склад огнеприпасов, который, будучи атакован, большей частью взрывался с такой быстротой, с какой спускались на землю наши аэростаты. Нам редко приходилось видеть своих летчиков. Противник и в воздухе безусловно имел десятикратное превосходство. Он забрасывал нас также всякого рода листовками, которые должны были разложить наших солдат, иногда с требованием: «41-й пех. дивизии. Сменяйтесь, иначе мы вас сменим!»

Все это были «приятные» вещи, которые действительно никак уж не могли поднять наше моральное состояние».

Дополним эту картину рассказом командира 2-го батальона 148-го пех. полка, майора Вюртца, который с самого начала войны почти непрерывно сражался на передовых позициях.

«За последние почти 5 недель тяжелой борьбы на этих позициях войска ни разу не имели отдыха. Почти непрерывно дни и ночи позиция и лежащая между окопами и позади них местность бомбардировались более или менее сильным огнем артиллерии всех калибров. К тому же занимавшиеся позиции не предоставляли войскам по существу никакого укрытия; имелись отдельные не защищавшие от артиллерийского огня закрытия, но не было убежищ. О какой-либо сплошной позиции вообще не могло быть и речи. Она состояла из отдельных, не связанных между собой участков окопов, вырытых по пояс, а на некоторых участках — по грудь. Зачастую днем можно было передвигаться лишь ползком. Кое-где торчали столбы, от которых в ту или другую сторону тянулись отдельные куски проволоки. Не было совершенно проволочных заграждений.

Если удавалось починить окопы, то все эти участки и новые сооружения снова разрушались артиллерийским огнем. По ночам все, кого можно было выделить, использовались для работ по созданию большей глубины позиций, постройке искусственных препятствий, подноске материалов. Все приказания выполнялись безропотно. Старый костяк 148-го полка держался сплоченно и в самом лучшем смысле оказывал влияние на новое пополнение. Но часто, наблюдая за солдатами, я говорил самому себе, что они выглядят, как призраки. Бледные, голодные, в разорванном обмундировании, вшивые, крадущиеся, многие совершенно потеряли человеческий облик. Вследствие ежедневных потерь приходилось занимать позицию все меньшими силами, пополнения не было. Перенапряжение сил и нервов с каждым днем все больше и больше истощало войска».

Почти буквально то же говорится в докладе прочих полков 41-й пех. дивизии, а равно и остальных четырех дивизий, которые расценивались командованием, как указано выше, наравне с 41-й. Лишь 108-я пех. дивизия была в несколько более благоприятном состоянии, так как она до 6 августа была выведена в тыл. Зато до этого ей пришлось тяжело в непрерыв-

ных боях с 29 апреля по 10 июля севернее и южнее Римского шоссе, о чем лейтенант 97-го пех. полка Лидинг пишет в своем дневнике:

«16.5.18. Сегодня в 12 час. ночи 1-й батальон 97-го пех. полка выдвинулся на передовую линию западнее Марсель-кав. Командный пункт нашего командира батальона расположился в воронке от снаряда. Местность—совершенно открытая, просматривается противником и обстреливается его пулеметами. Поэтому днем мы не можем производить никаких движений, чтобы не обнаружить противнику наш командный пункт и не вызвать по нему неприятельский артиллерийский огонь. Наши роты лежат на небольших участках окопов, в воронках от снарядов и небольших ямах в 350 *м* впереди командного пункта.

17.5. Продолжительный сильный огонь англичан. Сумерки сегодня, кажется, и не собираются наступать. В полночь пришли, наконец, несколько подносчиков пищи. Вчера ночью подносчики пищи погибли под артиллерийским огнем, и мы и наши солдаты остались без пищи, а главное — без питья. Вместе с капитаном мы были затем в расположении наших рот. Повсюду слышен сильный запах трупов. Сегодня ночью неприятельский огонь особенно силен. Передовым частям приходится очень тяжко. Боевой состав еще больше растаял, в ротах осталось по 25—30 штыков.

18.5. Рано утром, с 2 до 5 часов, англичане отравляли газами всю местность. Воронка нашего командного пункта сплошь наполнилась газами. Пока еще противогазы нас предохраняют. С наступлением рассвета артиллерийский огонь начал затихать. Мы получили возможность снять противогазы. Рано утром возле нас разорвались 2 тяжелых снаряда и набросали в нашу яму много земли.

19.5. Количество неприятельских самолетов возросло до невероятных размеров. Зачастую в воздухе бывает 50—80 самолетов. Ежедневно над нами происходят воздушные бои. Германские летчики, несмотря на то, что их меньше, принимают бой и сбили несколько самолетов.

20.5. Часто на нашем боевом участке становится, как в аду.

21.5. Нас сменили. После 5 дней лежания в воронках от снарядов под артиллерийским огнем и газами наступило несколько дней отдыха. Часто и здесь неприятель бомбардирует нас с воздуха и обстреливает артиллерийским огнем. Зато мы вырвались со страшного поля трупов и можем хоть немного поспать, поесть и помыться.

22.5. Вчера в наш командный пункт попал неприятельский снаряд и разорвал командира сменившего нас батальона.

26.5. Сегодня ночью мой батальон сменил в Марселькав 3-й батальон на участке выжидательной позиции. Мы расположились в погребах разрушенных артиллерийским огнем домов.

27.5. Противник часто совершает на нас огневые нападения. В 8 часов один снаряд попал в соседний дом. Несколько человек убито, тяжело ранено и засыпано землей. Марселькав представляет сплошную груду развалин.

31.5. Сегодня ночью мы должны снова сменить 3-й батальон на его боевом участке, снова мы идем в ад. Удастся ли нам через 5 дней вернуться оттуда живыми? Конечно, всем не вернуться, может быть, только незначительной части нашего маленького отряда. Прямо дерзость продолжать гордо именовать нас батальоном: имея 4×25 бойцов, мы представляем по существу только полуроту! Сегодня после полудня англичане произвели на нас сильное химическое нападение тяжелыми химическими минами. Все погреба были заражены.

1.6. В 1 час ночи батальон выступил из Марселькав на новый боевой участок. В пути мы понесли большие потери от неприятельского шрапнельного огня. Расположение для солдат, а также и для нас такое же скверное, как и на прежних позициях.

2.6. До обеда спокойно. Вечером весьма интенсивный артиллерийский огонь. Густые газовые волны все время стелются к нам и через нас дальше.

3.6. Поиск ударных групп лейтенанта Гартмана и лейтенанта запаса Рокенберга. Наша артиллерия вела в течение получаса ураганный огонь по неприятельской позиции. Однако, его дальность оказалась недостаточной. Лейтенант Рокенберг и 2 солдата убиты, почти все остальные ранены.

Мимо воронки, где расположен наш командный пункт, прошло 2 тяжелораненых. Когда я дал им напиться из походной фляжки и спросил, сильно ли они страдают, они только ответили: «Наш лейтенант убит». С 6 до 8 часов противник обстреливал тяжелым артиллерийским огнем наш командный пункт. Днем он переносит огонь севернее, на железнодорожную насыпь.

С наступлением сумерек, когда нам хочется немного подвигаться, противник начинает нас обстреливать тяжелым артиллерийским и сильным пулеметным огнем. Почти всю ночь не ослабевает это «огневое наваждение». Уже несколько дней мы сидим без пищи и питья! Мы ничего не едим, не пьем и больше не спим. Этому мешают постоянные разрывы неприятельских снарядов совсем рядом с нами; кроме того, размеры нашей воронки настолько малы, что лежать нельзя; если же ее расширить, то она не будет предохранять нас от разрыва неприятельских снарядов. Мы уже почти перестали себя чувствовать людьми. Скорее мы представляем собой только подобие людей, безмолвно и терпеливо выполняющих свой долг в ожидании верной смерти, которой избежали до сих пор лишь чисто случайно и которая только и может избавить нас от жалкого существования.

4.6. Время тянется бесконечно долго. Очень рано светает и слишком поздно темнеет. Солнце жжет нас безжалостно. Беззащитные и бессильные, мы терпеливо сидим на корточках в воронках от снарядов и должны выдерживать огневые нападения противника, который невероятно расточительно тратит свои снаряды. В воздухе все время чувствуется более или менее сильный запах разлагающихся трупов.

5.6. Наш подносчик кофе пришел сегодня, когда уже смеркалось. Только что он собрался передать в нашу яму походные фляжки, как был ранен в шею пулей из пулемета. Он упал в нашу яму, куда полились смешанные вместе его кровь и наше кофе.

С появлением первых лучей солнца противник систематически каждые 30 минут обстреливает наш командный пункт шрапнелью и фугасными снарядами замедленного действия. Кажется, англичане полагают, что мы

здесь имеем глубокие минные убежища. Один снаряд попал в соседнюю воронку, где сидели два голубевода, и изуродовал их до неузнаваемости.

6.6. Сегодня ночью нас сменил на боевом участке 3-й батальон. Дольше мы не смогли бы выдержать.

1.7. Я был несколько недель в отпуску. Снова я в своем батальоне на боевом участке. В 1 час я ходил с моим посыльным вперед, в роты. В 4 часа мы возвратились на наш командный пункт. Кто незнаком с здешней разрушенной и расстрелянной местностью, может легко забрести в английские окопы. Наши солдаты выглядят худыми и истощенными.

Наша слабая часть с каждым днем все тает. Не говоря о газах и артиллерийском обстреле, многие бойцы почти потеряли боеспособность из-за странной окопной болезни (грипп.—*Ред.*). С 3 до 5 часов велся сильный артиллерийский огонь правее железнодорожной насыпи. В перерывах артиллерийского огня противник вел газометный обстрел из трех газометных батарей.

4.7. Днем было довольно спокойно. Сегодня ночью англичане ворвались в расположение 13-й пех. дивизии. С 4 до 6 часов весь наш участок находился под сильным артиллерийским огнем противника. В двух ротах осталось по одному офицеру, двумя — командуют фельдфебели. Во время последнего обстрела погиб также лейтенант Шредер.

6.7. Сегодня в непосредственной близости от нашего командного пункта легло 40 снарядов средних калибров. При разрывах, вследствие давления воздуха, захватывает дыхание.

Уже в течение двух дней мы не получаем ни пищи, ни питья.

7.7. Немногие оставшиеся в живых из моего батальона сегодня ночью были сменены 2-м батальоном 97-го пех. полка. При отходе мы понесли еще потери. Храбрый фельдфебель моей бывшей ударной роты, Риксекер, убит осколком в голову.

8.7. Мы стоим в Любекском лагере. В 1 час ночи нас подняли по тревоге и придали 26-й пех. бригаде в качестве батальона поддержки. В лагере смерть тоже уносит

жертвы. Сегодня от артиллерийского огня погибло 3 человека, 7 человек ранено».

13-я пех. дивизия во время «великого сражения» была наиболее крепким соединением во 2-й армии. Будучи введена в дело 26 марта с целью развития наступления на Меольт, Морланкур, она до 12 апреля потеряла весь свой лучший состав. Это было особенно чувствительно, так как осенью 1917 г. эта дивизия, почти целиком разбитая под Лаффо, должна была с большими трудностями восстанавливать и сколачивать свои полки. И все же 22 апреля ее снова послали на фронт для участия в наступлении в районе Морейль (лес Сенека, Ай, стр. 29). После нескольких тяжелых недель, в течение которых она понесла большие потери, она попала 14 мая под первый сильный контрудар противника (стр. 29). После его успешного отражения ее пришлось 16 мая сменить. Сначала она стояла недалеко от фронта, будучи предназначена для контрудара, затем в начале июня была отведена в этапный район на полный отдых и для боевой подготовки. 2 июня дивизия была снова введена в дело на участке от южных окрестностей Амель до района, что к северу от Римского шоссе; там двумя днями позднее она подверглась танковой атаке австралийцев. Она вновь понесла очень большие потери[1], потеряла важный участок местности и с большим трудом оборудованные позиции.

11 июля командир дивизии доносил:

> «Тяжелый бой 4 июля, довольно крупные потери в последующие дни, постоянное боевое напряжение на неустроенных позициях, нерегулярное снабжение продовольствием и водой, частое пребывание в отравленной газами атмосфере и грипп сильно понизили боеспособность войск. Больше всех пострадал 13-й пех. полк; особенно дает себя чувствовать убыль офицеров».

---

[1] Например, 2-й батальон 15-го пех. полка потерял 5 офицеров и 251 унтерофицера и солдата, 3-й батальон 55-го пех. полка был почти целиком захвачен в плен.

25 июля число больных гриппом все еще достигало 442 человек; 1 августа батальоны (без пулеметных рот) имели следующий боевой состав:

в 13-м пех. полку по 268 штыков
» 15-м » » » 276 »
» 55-м » » » 309 »

В этот день дивизия получила пополнение в 600 человек — минимум того, что требовалось; однако, командир дивизии вынужден был донести, что пополнения могут быть влиты в части лишь после вывода их снова на отдых. Объяснение этому можно найти в докладе подполковника 15-го пех. полка Бергхауза, который привез это пополнение в дивизию:

«В последние дни моего июльского отпуска я получил телеграмму: немедленно явиться в Менден для сопровождения из лагеря Штаумюле пополнения на фронт. Почему не назначили ни одного офицера из этого лагеря или из запасного батальона? Прибыв в Штаумюле, я узнал, что случилось. Дисциплина пала! Люди бродили с только что полученными вещами по лежащим вокруг лагеря деревням, чтобы обменивать обувь и прочие редкие тогда вещи на масло и другие продукты. На поверках постоянно было много отсутствующих, которые больше уже не показывались. Наконец, сколотили эшелон в 600 человек. При отъезде комендант лагеря обратился к отбывающим солдатам с речью, закончив ее возгласом в честь императора. Лишь немногие солдаты ответили криком «ура». Прочие кричали:

«Музыку! Мармелада!»

Тогда я окончательно понял, почему ни одному из офицеров лагеря не поручили вести пополнение на фронт; очевидно, полагали, что старый фронтовик сумеет лучше справиться с этими людьми. Это были частично бывшие раненые с Западного фронта — это были лучшие; однако, в числе пополнения было много таких, которые провели долгое время в России или работали до сего времени в тылу на фабриках.

Несомненно, среди пополнения были и бравые солдаты, но также были многие, которые не заслуживали звания солдата. Вот мы отправились на станцию Зенелагер. Впереди шел оркестр, который уже столько раз спасал положение и на этот раз тоже вначале действовал ободряюще. Уже на этом коротком марше обнаружилась усталость. Когда мы проходили между бараками Зенелагер, из колонны раздались частые выстрелы в воздух. Мне удалось поймать одного из стрелявших; он очень весело реагировал на мою угрозу арестовать его. Однако, я ему тогда не доставил этого удовольствия. Состав поезда был несколько мал. В мирное время его было бы вполне достаточно. Но «господа» хотели ехать с комфортом. Так как нам предстоял довольно длительный путь, я выхлопотал добавочные вагоны. Само собою разумеется, что солдаты сразу же полезли в предназначенное для начальника эшелона и остальных трех офицеров купе 2-го класса. Наконец, удалось закончить погрузку; однако, когда состав тронулся, часть людей усеяла подножки вагонов, несмотря на то, что офицеры и унтерофицеры принимали все меры к тому, чтобы водворить строгий порядок. Один человек даже забрался на крышу вагона; при пересечении дороги Падерборн, Зенелагер он налетел на электрический провод и замертво свалился на землю. На дальнейшем пути еще один человек попал под колеса проходившего мимо паровоза. В Падерборн нас ожидали первая пища и злое приключение. Адъютант коменданта станции арестовал одного солдата за неотдание чести. Другие, несмотря на охрану, освободили его. Тотчас же между этим офицером и 30—40 солдатами из моего эшелона возник острый конфликт, который мне, в конце концов, удалось уладить. Во время проезда через индустриальный район в воскресенье после обеда дезертировало еще несколько человек, преимущественно в момент отправления поезда. Во время остановок гражданская публика смешивалась с солдатами, чтобы попрощаться со своими родственниками, однако больше всего, чтобы склонить солдат к дезертирству. На станции Гаспе я увидел, как один человек как раз в тот момент, когда поезд трогался, с ранцем в руках собирался спрыгнуть с поезда.

В один момент я очутился возле него и стал указывать, ему на весь позор его поступка; он застыдился и поехал дальше. На пути через Германию мы оставили 34 человека из нашего эшелона. Это был самый горький час моей четырехлетней боевой службы, когда мне пришлось доложить командиру дивизии, что по пути дезертировало 34 человека и 2 убито. Однако, офицер генерального штаба утешил меня и даже удивился, что так мало дезертировало».

Не менее серьезно звучит обстоятельный служебный доклад командира 58-го полка легкой артиллерии от 6 августа, в котором между прочим говорится:

«Полк окончательно измучился в боях... так что с вероятностью можно ожидать полного падения боеспособности... Офицеры уже не могут оказывать своего оживляющего влияния на солдат. Состояние конского состава таково, что полк в настоящее время совершенно неспособен к передвижениям.

Я вынужден снять с себя всякую ответственность за полное разложение полка при дальнейшем оставлении его на позиции».

Вполне понятно, что командиры пехотных полков с большим опасением ожидали наступления противника, если даже артиллерия, которая не имеет такого тесного соприкосновения с противником, как пехотные батальоны, и та считалась с возможностью неудачи. Однако, других соединений для смены не было. Командование 2-й армии неоднократно предпринимало попытки усилить фронт и организовать более частую и регулярную смену соединений. Так, 21 июля оно просило штаб группы армий кронпринца Рупрехта дать 1 штаб корпуса, 6 пех. дивизий, 4 полка легкой и 16 батальонов тяжелой артиллерии. После этого было обещано дать от 3 до 4 дивизий, из которых, однако, лишь одна была в состоянии, допускавшем ее немедленное введение в дело. Фактически же армия была усилена в части пехоты 30 июля 27-й пех. дивизией и в начале августа 117-й пех. дивизией. Обе эти дивизии достаточно отдохнули и пополнились, так что ими

можно было тотчас же сменить нуждавшиеся в смене части и особенно наиболее пострадавшие 107-ю и 109-ю пех. дивизии. Для замены третьей дивизии, которую считали наиболее нуждающейся в смене, именно 43-й рез. дивизии, командование вынуждено было взять 108-ю пех. дивизию, находившуюся в наиболее благоприятном состоянии. Однако, судьбе было угодно, чтобы наступление противника 8 августа как раз совпало со сменой 43-й рез. дивизии (стр. 53—54).

43-я рез. дивизия, начиная с 16 июня, беспрерывно занимала боевой участок по обеим сторонам р. Соммы. Не требуется никаких доказательств, что ее части в этой длившейся более 50 дней напряженной боевой обстановке должны были быть изнурены до последней степени. Особенно пострадала дивизия от танковой атаки австралийцев и англичан 4 июля (стр. 29), во время которой она, кроме громадных потерь убитыми и ранеными, потеряла целиком два батальона пленными. Необходимость создания новых позиций южнее Соммы и продолжавшиеся неприятельские атаки между 7 и 11 июля, т. е. как раз во время самой сильной вспышки эпидемии гриппа, потребовали от слабых частей дивизии проявления нечеловеческих усилий. Уже 11 июля командир дивизии доносил: «За успешное отражение сильной атаки поручиться нельзя». Однако, о смене нельзя было и думать, так как этому препятствовали непрекращавшийся огонь артиллерии, химические атаки и воздушные бомбардировки. Как и можно было предвидеть, атаку противника 29 июля полностью отразить не удалось (стр. 29).

К 6 августа общие потери дивизии достигли 65 офицеров и 2 027 унтерофицеров и рядовых. Боевой состав батальонов (без пулеметных рот) был на 1 августа:

в 201-м	рез.	пех.	полку	по	183	штыка
» 202	»	»	»	»	155	»
» 203	»	»	»	»	165	»

Прибывшее в этот день пополнение в 565 человек можно было вывести на фронт лишь после основатель-

ного обучения и после того, как оно переварится в среде остатков старых, обстрелянных солдат. Полученные артиллерией пятые и шестые орудия из-за недостатка личного состава не могли быть обслужены. Дивизия была в состоянии худшем, чем то, которое определяется словами: «нуждается в смене».

В общем нужно сказать, что из подвергшихся 8 августа атаке девяти позиционных дивизий 2-й армии с точки зрения численности, физической и моральной стойкости обороноспособными были лишь 27-я и 117-я пех. дивизии, да, пожалуй, еще 108-я пех. дивизия, а из трех ударных дивизий, предназначенных для контрудара, ни одна не была боеспособна.

Людендорф говорит в своих воспоминаниях[1]:

> «В этом ответственном районе дивизионные участки были узки, дивизии были хорошо обеспечены артиллерией и занимали глубокое расположение. Только в отношении оборудования позиций было сделано не так много, как, например, в 18-й армии, хотя последняя заняла свои позиции позднее».

Правда, дивизии занимали участки шириною в среднем до 4 *км*. Такие узкие участки вряд ли занимали где-либо другие дивизии Западного фронта. И все же это обстоятельство не может опровергнуть того факта, что вследствие большого некомплекта в пехотных частях плотность войск на отдельных участках была чрезвычайно низка. В одном точном расчете, представленном командованием 11-го арм. корпуса в штаб армии 31 июля, указывалось, что на 1 *км* фронта на линию боевого охранения могло быть выделено по 83 чел., на линию главного сопротивления (включая и вторые эшелоны) — 275 чел., в тыловые укрепления — 142 чел., а всего на участок в 1 *км* шириной и около 4 *км* глубиной 500 чел. (включая прислугу пулеметов и минометов). Из этого числа на ночь прихо-

[1] *Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, русский перевод, ВВРС, 1924 г., стр. 237. — *Прим. перев.*

дилось выделять еще людей для доставки огнеприпасов и пищи. Таким образом, дивизионный участок шириною в 4 *км* можно было занять на всю глубину 2 000 чел., в то время как практически требовалось 4 000 чел. Правда, при этих расчетах живой силы пехоты исходили из боевого состава самой слабой во всей армии 43-й рез. дивизии. Однако, и в других дивизиях, не считая вновь приданных 27-й и 117-й пех. дивизий, численность пехоты далеко не достигала 4 000 чел.

В отношении обеспечения 2-й армии артиллерией главное командование, несомненно, сделало все, что только могло. Однако, для обороны в крупном сражении этого было далеко недостаточно. Что же касается того, что роль артиллерии 8 августа будет почти ничтожной, никто не мог предвидеть.

Указание Людендорфа на недостаточное оборудование позиций требует пояснений. Действительно, оборонительные сооружения 2-й армии, на участке которой противник атаковал 8 августа, были весьма недостаточные. Однако, причина этого заключалась не в том, что войска недостаточно работали по укреплению в сравнении с 18-й армией. Помимо превосходства противника в артиллерии и авиации, а также того обстоятельства, что при открытой и хорошо наблюдаемой местности работать можно было только по ночам и что при большом некомплекте в частях и большой усталости войск работы невозможно было производить быстрым темпом, основная причина заключалась в том, что к 8 августа 2-я армия уже не занимала больше половины тех позиций, которые были ею захвачены до 24 апреля (см. карту 1). Драгоценнейшее время и огромное количество сил и труда были израсходованы на те оборонительные укрепления, которые противник успел захватить сильными атаками в июле (4, 12, 23, 29 июля) или которые были оставлены согласно приказу без боя.

Австралийцы совершали систематические вторжения в германское расположение, оказавшие серьезнейшее влия-

ние на последующие боевые действия. Эти мелкие боевые действия (их было около 14 в мае и июне) сопровождались ободряющими успехами.

Они не только систематически улучшали конфигурацию наших позиций и давали нам многочисленных пленных, но и обеспечили нам моральное превосходство над германцами. Как только германцы вырывали новые окопы и устраивали проволочные заграждения, австралийцы тотчас же внезапной атакой захватывали их и отражали все попытки германцев возвратить их обратно. *Таким образом, германцы были вынуждены начинать свою работу сначала и приступить к укреплению нового фронта. Но последний тоже через короткое время переходил в руки австралийцев.*

В конце июня положение настолько улучшилось, что австралийцы получили возможность организовать операцию на более широком фронте. Целью этой операции был обратный захват Амель, Буа-де-Бер и лежащей к востоку от него линии важных высот. Одновременно это предприятие имело целью не только *испытание крепости германских оборонительных сооружений,* но и прощупывание морального состояния германцев, тем более что уже имелись весьма серьезные признаки его падения [1].

Здесь сказано о влиянии атак австралийцев на укрепление германских позиций, но то же самое наблюдалось и при атаках англичан и французов севернее Соммы 29 июля и в районе Морейль 12 и 23 июля.

Иной вопрос, не задержалось ли уже с конца апреля оборудование глубоко эшелонированной оборонительной полосы вследствие имевшегося предположения возобновить наступление на Амьен. Если бы, например, уже тогда приступили немедля к созданию главной оборонительной и тыловой укрепленных полос в тылу создаваемых позиционными дивизиями окопов, то войска могли бы при успехе местных атак противника совершенно свободно отойти на готовые тыловые позиции. Позиционные дивизии, а также

---

[1] *Монгомери,* стр. 5 и 6.

ударные дивизии, естественно, были не в состоянии выполнить эти работы. Для этого потребовались бы многочисленные рабочие части, но имелись ли они тогда в наличии, сейчас проверить невозможно. Кроме того, требовалась огромная работа по оборудованию путей подвоза, устройству убежищ для отведенных на отдых войск и по целому ряду других объектов на опустошенной территории сражения на Сомме.

Во всяком случае, на участке 2-й армии к 8 августа не имелось ни хорошо оборудованной полосы главного сопротивления, ни тыловой оборонительной полосы. Позиционным дивизиям пришлось сражаться в полосах глубиною в 3—4 *км*, удерживая здесь главную линию сопротивления. Но даже и она не была сплошь оборудована. Кроме того, почти нигде не было сильных препятствий, а также достаточного количества убежищ как на самих позициях, так и непосредственно позади них. Намеченные позади позиции прикрытия артиллерии значились только на бумаге. Противник задолго до наступления составил себе полную картину системы германских оборонительных сооружений по результатам своих предшествовавших атак, аэрофотосъемок и на основании прочих разведывательных данных.

> «Передовая сеть германских позиций состояла из наспех вырытых окопов и нескольких ходов сообщения; сильных опорных пунктов не было. Позади находились лишь наши старые «амьенские оборонительные сооружения» периода 1915 и 1916 гг. Далее на восток, до самой Соммы, вовсе не было упорядоченной оборонительной системы. Было совершенно ясно, что противник упустил возможность путем дальнейшего рытья окопов укрепить свои позиции» [1].

Напрасно было бы искать в истории позиционной войны на Западном фронте примера, когда противник хотя бы приблизительно находился перед большим сражением в аналогичных же неблагоприятных усло-

---

[1] *Монгомери,* стр. 15 и 16.

виях, как 2-я армия перед 8 августа. Пожалуй, можно было бы взять для сравнения положение англичан и французов у Шмен-де-Дам перед 27 мая 1918 г. И там как на фронте, так и в тылу, имелись лишь слабые и частично изнуренные в боях части, и там подготовка германцев к наступлению до последних дней сохранялась в тайне. Однако, насколько сильнее была подлежавшая атаке позиция! Там протекали р. Элет и канал, соединявший реки Уазу и Эн, представлявшие собой естественные препятствия перед крутым, густо поросшим лесом скатом горного хребта, и, кроме того, была подготовлена целая система прекрасно оборудованных позиций с проволочными заграждениями на участке от р. Элет до южного берега р. Эн. Обороняющийся повсюду имел хорошие укрытия от огня, каковыми являлись большие пещеры. Германцы почти нигде не располагали танками для прорыва. Наконец, вследствие предательства, французские резервные дивизии уже подъезжали к угрожаемому участку фронта в ту самую ночь, когда германские ударные дивизии приступили к занятию исходного положения для атаки. И несмотря на это, германская атака в первый день опрокинула все на широком фронте, причем главной массе англо-французских войск было нанесено такое поражение, что те не смогли прочно задержаться ни на р. Эн, ни на р. Вель.

Сама судьба сопутствовала тогда германскому оружию. Теперь она угрожающе и неумолимо повернулась против него.

Глава IV.

6 и 7 августа севернее Соммы. Ночь на 8 августа.

Карта 2.

Незадолго до «черного дня» 2-й армии еще раз было суждено добиться успеха. Как уже было сказано выше, истощенные части 107-й пех. дивизии и северного фланга 43-й рез. дивизии 29 июля потеряли предполье на участке от западных окрестностей Морланкур до 1 *км* севернее Сайи-Лорет. Так как вследствие отсутствия достаточных сил не представилось возможным немедленно перейти в контратаку, выждали подхода свежей 27-й вюртембергской пех. дивизии, которой после смены 107-й дивизии была поставлена задача овладеть обратно потерянными позициями. Это было важно потому, что:

> «владение позициями, которые были 29 июля захвачены англичанами, имеет первостепенное значение, вследствие того, что они обеспечивают наблюдение за боевыми действиями также и южнее Соммы. Противник будет пытаться развить достигнутый там успех, если ему не будет оказано серьезное противодействие. Поэтому контрудар является необходимым» (оценка обстановки 2-й армией 3 августа).

Утром 6 августа вюртембержцы повели наступление со свойственной им энергией, в том числе и на правом участке 43-й рез. дивизии, овладели всем пространством, захваченным противником, и местами продвинулись даже значительно далее поставленных им целей. Было захвачено в плен 5 офицеров и 231 солдат 18-й

и 58-й английских дивизий. Ни один из пленных ни одним словом не обмолвился о готовящемся наступлении. Однако, необходимо было считаться с тем, что противник попытается, по крайней мере, как можно скорее снова овладеть оставленной территорией. Ночь на 7 августа германские полки использовали для энергичных работ по укреплению своих новых позиций, на которых днем всякое движение было невозможно, так как они просматривались противником. Вначале удалось создать сплошные окопы, естественно, лишь на отдельных участках; на остальных участках в основном работы свелись к соединению воронок и отдельных ячеек. Препятствий и ходов сообщения вовсе не было. Больших трудов стоило командирам батальонов первой линии установить между собой взаимодействие по удержанию линии главного сопротивления, повсюду организовать прочные стыки и обеспечить целесообразное расположение ударных резервов, частей, обеспечивающих стыки, минометов и пулеметов. Слабость позиций, к сожалению, очень часто приводила к вполне понятному, но непригодному для отражения большого наступления скоплению пехоты в передовой боевой полосе, в результате чего не имелось достаточно сильных резервов. Так было не только на отдельных участках 27-й пех. дивизии, но в особенности на участке 265-го рез. пех. полка (108-й пех. дивизии), который вечером 6 августа занял правый полковой участок 43-й рез. дивизии. На этом участке 7 рот находились на передней линии, 3 роты в качестве ударных резервов командиров батальонов— в 400 *м* позади, и лишь 2 роты были оттянуты на достаточную глубину в резерв в район западнее северного угла леса Малар. Но так как сильная артиллерия[1], поддерживавшая контрудар 6 августа, продолжала оставаться позади вюртембержцев и обоих пра-

[1] Помимо артиллерии, входившей в состав 27-й пех. и 43-й рез. дивизий, и позиционной артиллерии, здесь находились 238-й полк легкой артиллерии (без 1-го дивизиона) и 1-й дивизион 36-го полка тяжелой артиллерии 243-й пех. дивизии (стояла во второй линии как ударная), 243-й полк легкой артил-

вых участков 43-й рез. дивизии, этот недостаток в распределении пехоты на позиции несколько компенсировался. Эффективный огонь этой артиллерии в значительной мере способствовал отражению всех неприятельских атак, которые, как и ожидалось, тоже были предприняты 7 августа. В 27-й пех. дивизии артиллерия и в ночь на 8 августа продолжала усиленно действовать, так как по обеим сторонам дороги Корби, Бре был слышен шум двигавшихся танков; на этот раз это уже была правда. Но, к сожалению, в районе 27-й дивизии артиллерия оказалась недостаточно эшелонированной в глубину, и, к несчастью, как раз в ночь на 8 августа из состава 43-й рез. дивизии было взято 3 батареи, что имело весьма печальные последствия, особенно для 265-го рез. полка (стр. 62).

В то время как здесь на севере всю ночь велась артиллерийская канонада, между Соммой и Люс стояла жуткая тишина. Будучи удивлены и относясь с подозрением к этой непривычной тишине, солдаты с наступлением темноты повылезли из своих ям, окопов и убежищ, расправили свои онемевшие члены и приступили к своим разнообразным работам. Повсюду шныряли разносчики пищи и огнеприпасов, к фронту и обратно шли сменяющиеся части, по пыльным дорогам двигались кухни и зарядные ящики. Передовые посты неподвижно лежали в засаде. Изредка раздавался затерянный в ночи ружейный выстрел, и лишь с северного берега Соммы слышна была артиллерийская канонада. Уже в полночь над долинами рек, оврагами и лощинами поднялся туман, над которым, словно привидения, торчали лишь верхушки деревьев; над высотами проносилась дымка, и все это было еще освещено ярким лунным светом. Когда на востоке появились первые проблески наступающего дня, туман и дымка еще более сгустились. В 4.30 утра тишина была внезапно нарушена сильным огнем артиллерии

лерии (без 3-й и 9-й батарей) 108-й пех. дивизии, 213-й полк легкой артиллерии (без 1-го дивизиона) и 1-й дивизион 6-го баварского полка тяжелой артиллерии 107-й пех. дивизии (находилась в армейском резерве).

и пулеметов перед Виллер-Бретонне: это была подготовка разведки, организованной 41-й пех. дивизией. Удастся ли, наконец, выяснить, что означают эти удивительная тишина на стороне противника, усиленное движение и шум моторов? Но на той стороне тишина не нарушалась, неприятельская артиллерия вообще не ответила!

И вот в 5.20 утра внезапно разразился страшный ураганный огонь противника на 32-*км* фронте от северных окрестностей Морланкур до южных окрестностей Морейль. Тысячи орудий обрушились на пехотные и артиллерийские позиции, на подступы к позициям и населенные пункты, на биваки и командные пункты. Первый акт роковой драмы начался. В первые минуты невозможно было понять, откуда все это несется, так как был слышен лишь беспрерывный грохот разрывавшихся в непосредственной близости снарядов. Нельзя было различить, бушует ли этот ураган также и над соседними батальонами, полками и дивизиями. Что это, 10—15-минутное огневое нападение, которое мы уже так часто на себе испытывали? Месть за нашу атаку 6 августа у Виллер-Бретонне? Будет ли местная атака или что-либо большее? Беспрерывно гудели телефоны, и отовсюду несся вопрос: что случилось? И все тот же ответ: здесь ураганный огонь! Ничего не видно, ничего не известно! Обычно даже ночью или в сумерках по блеску орудий, падению снарядов, по ракетам и световым сигналам можно было очень быстро определить фронт и глубину неприятельского артиллерийского огня и по ним — фронт и силу готовящейся атаки. Но на этот раз жестокая судьба как бы наложила всем повязки на глаза. Еще более сгустившийся туман, покрывавший теперь и самые возвышенные высоты, вследствие пыли и дыма, а местами вследствие дымовых снарядов, превратился в темную стену, которая даже для самых дальнозорких глаз неумолимо закрывала все, что находилось дальше 5, самое большее — 20 шагов. И уже в течение первой четверти часа прекратилась почти вся телефонная связь полковых командных пунктов

вперед и с соседями. Храбрые телефонисты усердно старались вновь связать разорванные снарядами концы кабеля, но их труд был напрасен: неприятельская сталь или давление воздуха при разрыве снарядов продолжали рвать телефонные провода. Тщательно установленные сигнальные лампы нельзя было использовать; кое-как работали лишь отдельные радиостанции. Но о чем еще они могли доносить, как не об ураганном огне? Ведь с них ничего не было видно, а донесений с фронта не поступало. Только испытанные посыльные носились от командных пунктов командиров рот, батальонов первого и второго эшелонов, батарей и артиллерийских подгрупп, чтобы добыть какие-либо сведения или передать приказание. Многие незамеченные остались лежать на поле убитыми или ранеными, другие не могли больше прорваться обратно через падавший сверху стальной град или пропадали без вести. Редко кто возвращался обратно, а если кому и посчастливилось, то он не приносил никаких существенных сведений.

Через первые 5 минут каждый солдат уже знал, что предстоит исключительно сильный удар противника. Батальоны первой и второй линий и находившиеся в их районах части вспомогательных родов войск были немедленно приведены в полную боевую готовность, насколько это только позволяли непрекращавшийся сильный огонь и теснота в укрытиях. Где только была малейшая возможность привести в действие орудия и минометы, там артиллеристы и саперы прилагали все усилия к тому, чтобы открыть возможно более частый огонь на уничтожение. Правда, находившаяся впереди пехота в отчаянном грохоте боя не могла как следует почувствовать эту помощь своих братьев по оружию; кроме того, она, к сожалению, очень часто слишком быстро прекращалась. В течение целых дней, а иногда и недель по многим батареям и позициям минометов противником не было выпущено ни одного снаряда. Тогда облегченно вздыхали: противник нас еще не обнаружил или считает, что позиции никем не заняты. Жестокое разочарование! Груды тяжелых осколков

один за другим валились теперь на огневые позиции артиллерии и минометов: противник отлично знал их месторасположение и щадил их раньше, чтобы тем вернее их теперь уничтожить.

Подобно пехоте, которая несла потери в плохих и слабых укрытиях, выходили также из строя орудия и минометы, частично вследствие попадания неприятельских снарядов или засыпания землей, частично вследствие того, что их обслуживание из-за преждевременных разрывов или попаданий в сложенные на позиции снаряды делалось невозможным.

Однако, этот ураганный огонь еще не был наибольшим злом. Было пережито уже более страшное, и можно было скоро привести свои нервы в порядок. Бесчисленное множество вопросов сверлило головы передовых бойцов, находившихся в боевом охранении, в гнездах, в промежутках между окопами позиции главного сопротивления и во вторых эшелонах, и они не находили на эти вопросы никакого ответа. Когда начнется пехотная атака противника и как ее отразить? Для этого случая не была пригодна ни одна из многочисленных инструкций по вопросам обороны. Могло произойти только одно: противник, совершенно замаскированный туманом, достигнет незаметно наших передовых постов и, появившись перед ними внезапно, будучи видим всего лишь несколько секунд после обнаружения, лишит их возможности не только обороняться, но и своевременно отойти. Там, где в предполье имеется специальная линия сопротивления, произойдет, безусловно, то же самое. Наша линия занята настолько редко, что если даже первые неприятельские стрелки и будут перебиты, то отдельные группы смогут проскочить незамеченными и необстрелянными. Противники смешаются. Должны ли будут тогда пулеметы, расположенные на главной позиции сопротивления или в глубине, вести огонь в туман на-авось по направлению, откуда поднята боевая тревога? Но тогда наряду с противником подвергнутся опасности поражения и свои товарищи. А ведь боевое охранение представляет значительную часть гарнизона линии

главного сопротивления. На нее нужно отходить при обнаружении сильной атаки. Однако, во-время обнаружить атаку как раз и не удается. В лучшем случае и боевое охранение и противник одновременно налетят на линию главного сопротивления, на которой также имеются никем не занятые промежутки, противник также сумеет быстро прорвать ее и, охватив ее с флангов и тыла, собьет ее прежде, чем успеют подойти вторые эшелоны. Неизвестно, когда они должны двигаться и куда должен быть направлен их удар. Ведь и они не имеют представления, как им целесообразнее действовать. Вокруг царит полная неизвестность. Слабые духом дрожат уже теперь, сильные горят желанием до конца исполнить свой долг и подороже отдать свою жизнь, но и у них нет уверенности, что они смогут это сделать, и они сознают, что живым отсюда не выйдешь!

И в тылу закрадывается сомнение в душу артиллерийских начальников. Имеется ли вообще еще какая-нибудь возможность помочь чем-либо пехоте, если огонь на уничтожение и заградительный огонь не разгромят атакующего противника перед передовой линией? Ведь никто не может *своевременно* сообщить, движутся ли уже атакующие части противника, как близко они подошли, в каком месте разыграется могущая быть услышанной рукопашная схватка. Можно бы перенести огонь поближе, но тогда рискуешь причинить огромнейший вред и своей пехоте.

Неслыханное счастье сопутствует врагам Германии! Никогда еще в позиционной войне атака не была легче и безопаснее, чем атака англичан, австралийцев, канадцев и французов в море тумана между реками Авр и Анкр 8 августа 1918 г.

Глава V.

Неприятельское наступление 8 августа.

Карта 2.

А. Севернее Соммы.

Севернее Соммы на 3-й английский корпус была возложена задача ударом на рубеж р. Сомма (колено канала севернее Моркур), выс. 77, северо-западнее Эттинем, восточная опушка леса Тай, Дернанкур (карта 1) обеспечить левый фланг группировки, наносившей главный удар (южнее Соммы). Но так как ввиду трудной местности достигнуть указанного рубежа на всем фронте в первый же день наступления считалось невозможным, было решено ограничиться на северном участке овладением лесом Гресер, перекрестком дорог северо-западнее этого леса и краями лощин, расположенных южнее и юго-западнее Морланкур. Западную окраину Морланкур атаковать не собирались, так как надеялись, что после захвата высот юго-восточнее Дернанкур охватывающим ударом отсюда и с юга (западнее леса Гресер) германцы будут вынуждены очистить Морланкур.

Соответственно этому плану 58-й и 18-й дивизиям были нарезаны узкие полосы для наступления, а приданный корпусу батальон тяжелых танков был распределен между этими дивизиями, причем 58-й дивизии была придана одна рота, а 18-й дивизии — две. Получившая широкую полосу для наступления и не усиленная танками, 12-я дивизия усилила лишь оба свои фланга. В артиллерийской подготовке атаки пехоты и танков 58-й и 18-й дивизий принимало участие

350 легких и 200 тяжелых орудий. К 7.20 предполагалось достичь южного края Вестфальского оврага, горы Заксен и леса Малар. Действовавшие в первой линии части по достижении этого рубежа должны были на 1 час остановиться, чтобы дать возможность подтянуть вторую атакующую волну, которая со свежими силами должна была развить наступление дальше.

Таким образом, 3-й корпус направлял свой главный удар против обоих левофланговых полков 27-й дивизии и участка 43-й рез. дивизии севернее Соммы.

1. 43-я резервная дивизия.

Рано утром 8 августа боевыми действиями на этом участке руководил еще штаб 43-й рез. дивизии, так как смена ее 108-й пех. дивизией еще не была закончена. Равным образом еще не успели смениться штабы бригад и артиллерии, а также 201-й рез. полк. Правее 265-й рез. пех. полк, выдвинутый вперед еще с вечера 6 августа, с большим трудом успел занять свой новый участок.

«Командир батальона первой линии расположился в неглубоком овраге Томас; примерно, в 100 *м* от него проходила наша позиция, тянувшаяся неправильными зигзагами, не оборудованная, не связанная в одно целое, а представлявшая собой лишь несколько групп окопов грудной высоты. Препятствий почти не было. Днем вообще нельзя было попасть на позицию, сообщение друг с другом и с командиром батальона возможно было только ночью. Телефонная линия от командира батальона в штаб полка, в Шипильи, была уже давно порвана снарядами. Каждый был предоставлен самому себе. За пищей посылали около 4.00 утра, и она тогда, естественно, была уже холодная, так как кухни приходилось держать в нескольких километрах позади фронта, если вообще им удавалось проскочить через полосу дальнего огня. В ночь на 8 августа все были заняты работами по оборудованию позиций. Однако, многого сделать не удалось вследствие пол-

ного отсутствия позиционного имущества. Поэтому нет ничего удивительного, что уверенность бойцов быстро падала.

Стоял густой туман, закрывавший все, что находилось далее 10 *м.* Боевое охранение было на своих местах. Отчетливо было слышно, что Томми[1] тоже работают; совершенно ясно доносился шум моторов, о чем в течение всего предшествовавшего времени регулярно доносилось высшим инстанциям» (дневник лейтенанта Альберс, 12-я рота 265-го рез. полка).

Тремя передовыми ротами 2-го батальона 265-го рез. полка были обнаружены совершенно точные признаки непосредственно предстоящей атаки; около 3.30 английские стрелки в полном штурмовом снаряжении вылезли из окопов и начали продвигаться в качестве стрелковой завесы по направлению к нашему боевому охранению.

«Когда я около 4.00 утра донес об этом по телефону в штаб полка и приказал вызвать заградительный огонь, то, по всей вероятности, на этом участке фронта участь боя еще можно было изменить, если бы артиллерия не упустила эту выгодную цель. Вместо этого артиллерия лишь на вторичный вызов открыла слабый и недействительный заградительный огонь, который, кстати, вскоре же и прекратился. Драгоценное время проходило. Выпущенные из наших легких минометов свыше 100 снарядов хотя и нанесли противнику серьезные потери, однако лишь в весьма ограниченном районе. Позднее, когда меня уже как пленного отправляли в тыл, я видел траншеи, буквально заваленные убитыми англичанами.

Затем после длившегося несколько минут ураганного огня последовал прорыв, который при правильной организации всегда должен привести к успеху, коль скоро обороняющийся лишен артиллерийской поддержки» (доклад капитана Рехтерн, 2-й батальон 265-го рез. полка).

Если бы около 4.00 утра все батареи на участке 43-й рез. дивизии севернее Соммы открыли непрерыв-

---

[1] Прозвище английских солдат (по имени вымышленного Тома Аткинс, фигурировавшего в образцах документов).—*Ред.*

ный огонь на уничтожение, неприятельская атака могла быть наверняка разгромлена еще на исходных позициях. Отказала ли здесь артиллерия? 265-й рез. полк поддерживала северная артиллерийская подгруппа (3-й дивизион 43-го рез. полка) легкой артиллерии. Из этой подгруппы еще ночью были сняты с позиций 3 батареи как первый эшелон смены (4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии), так как 6 батарей 108-й пех. дивизии[1] уже находились на этом участке. Подгруппа располагала лишь 1-й, 3-й и 8-й батареями 43-го рез. полка легкой артиллерии и 3-й батареей 16-го полка тяжелой артиллерии, которые действительно открыли уничтожающий огонь. Лейтенант Хекер, состоявший тогда при штабе 265-го рез. полка офицером для поручений, пишет в письме от 12 августа 1922 г. бывшему полковому адъютанту:

> «Тогда они связались по телефону с бригадой и артиллерийской подгруппой. Как Вы мне впоследствии рассказывали, бригада приняла Ваше донесение очень легкомысленно, в то время как артиллерия отнеслась к нему с большим вниманием».

Командир 265-го рез. полка был в отпуску. Добивался ли его заместитель того, чтобы, кроме северной подгруппы, вызвать уничтожающий огонь еще и прочих артиллерийских групп, — этого выяснить не удалось. Однако, штаб полка, по всей видимости, считал, что происходит местная атака лишь на участке 2-го батальона, так как, получив от него донесение, он запросил 3-й батальон, не заметно ли и здесь признаков, говорящих о намерении противника атаковать.

> «На этот запрос я ответил, что наши роты никаких признаков непосредственно предстоящей атаки не обнаружили, я лично в возможность ее даже не верю, но командир батальона считает положение весьма угрожающим» (сообщение лейтенанта Вольф, адъютанта 3-го батальона 265-го рез. полка).

---

[1] См. подстрочное примечание на стр. 53: 8-я батарея 243-го полка легкой артиллерии была подвижной противотанковой батареей.

Так как в первое время впереди все оставалось спокойным, огонь слабой северной подгруппы был тотчас же снова прекращен.

«Начиная с полуночи, мои 6 батарей вели сильный огонь. Однако, количество снарядов было таково, что уничтожающий и заградительный огонь, который почти каждую ночь по нескольку раз вызывался, мы смогли снова открыть лишь на ограниченное время. Мы имели указание общего порядка — после короткого огневого шквала ожидать нового вызова» (сообщение капитана Леве, 2-й дивизион 243-го полка легкой артиллерии).

Такое бережливое отношение к снарядам было совершенно необходимо, так как эти батареи израсходовали в последнее время очень большое количество их (от 23.30 6 августа до вечера 7 августа — 2 500 снарядов), а подвоз огнеприпасов вследствие сильного противодействия неприятельской артиллерии не был полностью обеспечен. По данным журнала боевых действий 3-го дивизиона 243-го полка легкой артиллерии, по окопам в квадратах 5118 и 5218 в ночь на 8 августа при ведении беспокоящего и уничтожающего огня было выпущено в общем 600 снарядов.

Во всяком случае, до начала неприятельского ураганного огня, судя по донесению 2-го батальона 265-го рез. полка, длительный заградительный и уничтожающий огонь всей артиллерией 43-й рез. дивизии открыт не был.

«Вот начался убийственный артиллерийский огонь легкими батареями по передней линии, тяжелыми — по глубине. Огонь длился около 15 минут, однако в течение их почти все мы приготовились уже распрощаться с жизнью. Мы лежали плашмя друг на друге в окопах, кое-кто заполз в примитивные ямы в предполье. Во все сгущавшемся тумане ничего не было видно. Внезапно артиллерийский огонь перенесся дальше в глубину. Послышались крики, разрывы ручных гранат и жуткий шум танковых моторов. Охранение—впереди, перед ротой еще нет никакого противника, но слева уже, кажется, все занято Томми.

В этот момент слева прибежал командир 9-й роты лейтенант Мейер: противник слева ворвался в расположение 10-й роты, всех поголовно там уничтожил и повернул на окопы 9-й роты. «Все ваши здесь?» — «Да!» Теперь мы уже не могли больше удержаться. Все, кто сохранил после этого огня голову и ноги, сбились в кучу, и началась стрельба в туман с каким-то особым рвением. С тремя ручными пулеметами, примерно 40 винтовками и всеми ручными гранатами мы вели вслепую огонь прямо перед собой. По раздававшимся впереди крикам мы могли определить, что попадаем в цель. Попытка связаться с командиром батальона потерпела фиаско, так как всего в 30 шагах левее нас двигалась в сомкнутых строях английская пехота. Мы снова открыли огонь из всех своих огневых средств, которые мы еще имели, и вели его до тех пор, пока все замолчало; продолжал стрелять лишь ручной пулемет.

Что дальше? Высланные вправо дозоры донесли, что и фронт соседней справа дивизии уже давно прорван противником. Итак, только мы остались, как «остров среди бурного моря». Не бросить ли нам позицию? Но тогда за сдачу позиции противнику придется отвечать. И, кроме того, мы ведь знали, что должна последовать наша контратака. Но мы жестоко ошиблись. Внезапно у нас в тылу появились англичане, абсолютно пьяные, и с ужасающим криком стали забрасывать нас ручными гранатами. Тут-то и началось. Мы все направили винтовки на эту банду. Лейтенант Шрам, командир 11-й роты, сразу уложил некоторых на месте. К сожалению, наш запас ручных гранат был исчерпан; обслуживать пулеметы в этом кромешном аду мы уже не имели времени. Каждый стрелял и оборонялся самостоятельно, как мог. Но вот появилась новая цепь англичан силою до взвода, которая открыла по нас огонь из револьверов и стала забрасывать ручными гранатами, убившими и ранившими многих из из моих храбрецов. Будучи окружены и со всех сторон обстреляны и засыпаны ручными гранатами, мы уже не могли думать о дальнейшем сопротивлении. Мы вынуждены были сложить оружие, имея оставшимися в роте

всего около 20 человек» (дневник лейтенанта Альберс, 12-я рота 265-го рез. полка).

Каким образом произошел этот неожиданно быстрый прорыв на участке 9-й роты?

Участок 265-го рез. полка был растянут по фронту на 1 600 *м* и имел в первой линии 7 рот. Эти последние 6 августа имели в своем составе (включая и прислугу ручных пулеметов) в среднем по 60 штыков и с тех пор, вследствие скверного оборудования позиций, понесли еще значительные потери; известно, что только до утра 7 августа 10-я и 12-я роты потеряли 7 человек убитыми и 6 ранеными. 2-й батальон потерял 3 убитыми и 6 ранеными. Несомненно, 7 августа были еще потери, так как противник в этот день произвел несколько атак, сопровождавшихся интенсивным огнем артиллерии, минометов и ружейных гранат. Таким образом, на каждый ротный участок протяжением свыше 200 *м* приходилось максимум по 55 штыков, которые распределялись, примерно, так: 12—15 человек с 1—2 ручными пулеметами — в боевом охранении, 25—30 человек с 2—3 ручными пулеметами — в районе между боевым охранением и линией главного сопротивления (включая ее), 10—15 человек — в ударной группе или в группе по обеспечению стыка и в более глубоком тылу — посыльные, телефонисты и пр. Несомненно, к началу неприятельского ураганного артиллерийского огня не успели еще вернуться обратно подносчики пищи, патрулировали дозоры, отсутствовали ушедшие с различными прочими поручениями люди, так что приведенный расчет нужно считать еще очень благоприятным. На особенно опасных местах, пожалуй, стояли еще на передовой линии станковые пулеметы, как, например, на участке 5-й роты. Большая же часть станковых пулеметов и легких минометов была расположена в овраге Томас и восточнее него. Если считать, что боевое охранение состояло из 5—6 парных сторожевых постов и 1—2 пулеметных точек, то на ротном участке в боевом охранении было самое большое 7 огневых точек, что в среднем дает по одной

точке на каждые 20 *м* фронта. Однако, промежутки были неравномерны: в одном месте высокий хлеб на корню требовал сближения постов, в другом месте ровная открытая местность позволяла увеличить интервалы, так что промежутки доходили до 40 *м*. Такое расстояние при все сгущавшемся тумане наблюдать становилось уже невозможным, благодаря чему образовались широкие и безопасные места для вторжения штурмующих волн противника. Решающим же фактором, обусловившим столь быстрое развитие событий, послужило появление английской атакующей пехоты одновременно с началом артиллерийского огня (стр. 26—27). Командир 5-й роты лейтенант Флинкер пишет:

«Когда огонь был перенесен к востоку, я со своей ударной группой выдвинулся из наших ям и подошел на 80 *м* к главной линии сопротивления. Не дойдя еще до этого места, мы попали под внезапный огонь с правого фланга; 4 человека были убиты наповал, а остальные почти все оказались ранены. Будучи охвачены с правого фланга, а вслед за этим и с тыла превосходившим нас в 10 раз противником, мы вынуждены были сдаться. Из моей роты было убито свыше 20 человек. Переходя через линию главного сопротивления, я видел в окопах и на брустверах большое количество трупов. Это были результаты артиллерийского огня противника, так как рукопашной схватки впереди себя я не слыхал».

В действительности противник ворвался на линию главного сопротивления 5-й роты в 5.27, т. е. через 7 минут после начала ураганного огня. По показаниям одного пулеметчика, удалось выпустить в туман еще 3 ленты, а затем бросить всего несколько ручных гранат. Так же быстро, повидимому, был решен бой и на участке 6-й роты. Командир 6-й роты 265-го рез. полка лейтенант Грауман рассказывает:

«Как раз когда я при свете свечи писал утреннее донесение (в моей прямоугольной, покрытой полотнищем палатке, яме в 15 *м* позади главной линии сопротивления),

внезапно был открыт неприятельский артиллерийский огонь. *Одновременно* я услыхал ружейный огонь. Впопыхах я выскочил вперед, но Томми были уже впереди и позади окопов и вели бой с моими людьми. Видимо, неприятельская пехота появилась одновременно с началом артиллерийского огня. Теперь было уже совершенно невозможно взять роту в свои руки, поскольку можно было видеть до 10, максимум до 20 человек. Каждый был предоставлен самому себе. В упорном сопротивлении много моих людей было убито, остальные захвачены в плен».

Этот успех противника тотчас же распространился на левый фланг полка, на участок 7-й роты 265-го рез. пех. полка и далее к югу.

Возникает вопрос: почему этим так быстро разбитым ротам в центре полкового участка не удалось удержаться на позиции, подобно 12-й роте? Судя по английским источникам, занятие 18-й английской дивизией, части которой атаковали 12-ю роту, исходного положения и в особенности ее взаимодействие с танками не всюду были успешны. 18-я дивизия во время германской контратаки 6 августа особенно сильно пострадала и должна была заменить свою понесшую наибольшие потери 54-ю бригаду 36-й бригадой 12-й дивизии. Затем огонь, ведшийся германской артиллерией (27-я пех. дивизия), в ночь на 8 августа был на ее участке сильнее, чем на участке 58-й дивизии. Эти обстоятельства и привели к тому, что противник перед 12-й ротой отстал от своего огневого вала, чем дал обороняющемуся возможность выиграть время для открытия огня.

Затем прорвавшийся противник должен был встретить новое сопротивление у оврага Томас, где на линии командных пунктов командиров батальонов были расположены 2-я, 3-я и 8-я роты, а также ручные пулеметы. Однако, и они имели всего несколько минут для изготовки к бою. Командир 3-й роты лейтенант Эйнфельдт сообщает:

«Рота должна была 7 августа расположиться вправо и влево от командира северного батальона. Унтерофицеры Вишендорф и Иернс расположились с 40 человеками правее, главным образом в ямах. Я находился у левого входа в убежище, строившегося для командира батальона; 2 ручных пулемета были расположены на скате несколько выше. Остальные люди растянулись влево, до позиции легкого миномета. После открытия противником артиллерийского огня, который велся одновременно и дымовыми снарядами, наблюдательный пост у убежища донес: легкие минометы открыли мощный огонь. Я приказал ручным пулеметам изготовиться к бою. Внезапно тот же наблюдательный пост доносит: Томми уже у минометов. Выскочив из убежища, мы были тут же окружены англичанами и захвачены в плен. О бое нечего уже было думать. Но группа Вишендорфа вела огонь.

Нас погнали вверх по скату. Здесь уже стояли на позиции неприятельские пулеметы. Вдруг перед нами показалась наша позиция. Лейтенанты Альберс, Шрам и Мейер стояли со своими людьми в окопах и с удивлением смотрели на нас. Сопровождавшие нас англичане моментально исчезли. Со смущением выслушали товарищи наш рассказ: «Ведь мы еще имеем связь с соседями»,— был их ответ. К сожалению, это было уже не так» (см. дневник Альберса, стр. 64).

Группа Вишендорфа оборонялась недолго и после ранения своего командира была подавлена. Вишендорф, когда его относили, видел:

«В наших передовых окопах творилось ужасное. Здесь произошел горячий рукопашный бой. Англичане и германцы, убитые или тяжело раненые, лежали рядом».

2-я рота, по показаниям ее командира лейтенанта Шмидта, была атакована с тыла и поэтому тотчас же подавлена.

Согласно донесению, составленному вечером 8 августа адъютантом 2-го батальона 265-го рез. полка лейтенантом Вюстеней, легкие минометы батальона уже к 5.30 утра расстреляли все свои снаряды, и в 5.35 унтерофицер 6-й роты Редлер прибыл к командиру

батальона с донесением, что на участке его роты противник прорвал линию главного сопротивления.

«Сразу же после открытия огня два взвода 8-й роты и оба резервных пулемета были выдвинуты на позицию непосредственно к западу от оврага Томас, чтобы иметь возможность тотчас же перейти в контратаку; в 5.35 туда же был выдвинут и последний взвод. В 5.40 в овраге Томас показались передовые атакующие части англичан, которые сразу же пошли дальше. Так как впереди подразделения батальона продолжали еще сражаться, что было видно по доносившимся оттуда пулеметному огню и разрывам ручных гранат, командир батальона остался на своем месте. Около 6.00 утра сильные цепи англичан ворвались с запада и с севера в овраг Томас и захватили командира батальона в плен. Пулеметные гнезда, расположенные к востоку от оврага Томас, к этому времени еще не успели организовать свой огонь» (донесение 2-го батальона 265-го рез. полка).

По всем изложенным данным видно, что главная линия сопротивления 265-го рез. пех. полка, за исключением правого фланга, была прорвана уже в 5.27 утра. Отдельные пулеметные гнезда и огневые группы могли, пожалуй, еще некоторое время держаться. Около 6.00 утра сопротивление на линии оврага Томас также было полностью сломлено, и противник, обходя по звуку еще стрелявшие, расположенные в глубине, пулеметные гнезда, имел открытый путь до самого леса Малар. Противника могли бы еще задержать находившиеся севернее этого леса подразделения 1-го батальона 265-го рез. полка. Здесь стояли: 4-я рота — в бригадном резерве и 1-я рота — в полковом резерве. Однако, можно было заранее предвидеть, что при сильной атаке, вдобавок в таком густом тумане, стоявший в Шипильи штаб полка не сможет оказать никакого влияния на использование своих резервов, не говоря уже о расположенном в Моркур штабе 85-й рез. пех. бригады. Таким образом, командир 1-го батальона капитан Мет был полностью предоставлен самому себе.

Последний не получал с передовой линии вообще никаких сведений, кроме донесения от своей 1-й роты, поступившего до 6.20 утра, в котором говорилось, что англичане внезапно ворвались в ее расположение. В подобной обстановке ему ничего не оставалось, как приказать своей 4-й роте занять правый берег оврага Брюк и загнуть назад свой левый фланг.

Приказ дошел до 4-й роты, и ей удалось рассыпаться по западному берегу оврага и изготовиться. В напряженном состоянии, с заряженными винтовками, она терпеливо ожидала, пока из тумана появятся или свои отходящие части, или противник. Справо от нее слышались отдельные пулеметные очереди. Напротив, в 1-й роте все было тихо. Вдруг поступает донесение, что противник уже двигается по расположенной в тылу 4-й роты лощине. В направлении леса Малар был слышен теперь пулеметный огонь англичан. Командир 4-й роты 265-го рез. полка лейтенант Готшальк сообщает:

> «Теперь нужно было отводить роту через лощину, причем дело доходило до рукопашных схваток моих солдат с солдатами противника, так как противник действительно уже находился в нашем тылу. Во время этого передвижения общее управление ротой было совершенно невозможно, так как едва можно было видеть даже своего соседа. Затем мы расположились на восточном берегу лощины, вошли в связь с несколькими пулеметными гнездами и вместе с ними открыли сильный огонь в расстилавшийся туман».

Между тем, 1-я рота была слева обойдена, причем так стремительно, что не могла уже ни оказать серьезного сопротивления, ни отойти назад.

О всех этих событиях штабу полка ничего не было известно, так как телефонная связь была немедленно разрушена, а прочие средства связи невозможно было использовать (почтовых голубей и собак связи, повидимому, не было). Когда штаб полка выслал офицерский дозор, чтобы выяснить обстановку, полк уже почти целиком был разбит; лишь позднее собралось

35 человек 4-й роты да отдельные группки бойцов прочих рот.

На участке 201-го рез. пех. полка занимавшие фронт роты и одна пулеметная рота не были еще сменены, 2 резервные роты отходили назад, остальные вышли уже из района боя. Прибывший на смену 137-й пех. полк занял 5-й ротой, 1-м и 3-м батальонами свои места вечером 7 августа. Но передача командования командиру 137-го полка должна была быть произведена лишь с 8.00 утра. Назначенный в первую линию 2-й батальон этого полка (без 5-й роты) находился на марше через Шипильи с 15-минутными дистанциями между подразделениями. Задерживаемая артиллерийским огнем противника 7-я рота подошла последней к входу в лощину Брюк по дороге, идущей от Шипильи и Сайи-Лорет, в тот момент, когда начался неприятельский ураганный огонь, воспрепятствовавший дальнейшему продвижению вперед. Где в этот момент находились 6-я и 8-я роты, 2-я пулеметная рота и минометная команда, не выяснено. Частями, расположенными в первой линии, командовал особенно отличившийся командир 3-го батальона 201-го рез. полка капитан Франциус. Он не мог знать, сменены ли уже в этот момент и какие именно его роты и где он должен искать те подразделения, которые могли быть уже сменены. Равным образом и командир 2-го батальона 137-го полка потерял управление своими ротами. Капитан Франциус перед этим не раз указывал на существующую опасность для чрезвычайно слабо занятого участка при атаке противника через соседний справа участок в направлении на гору Хехт. Если бы противнику удался прорыв, то части, находящиеся севернее и западнее Сайи-Лорет, были бы поставлены в весьма тяжелое положение, так как отход на восток вряд ли был тогда возможен, а отходу на юг препятствовала р. Сомма. Поэтому он считал необходимым немедленно отнести главную линию сопротивления назад, на высоты северо-восточнее Сайи-Лорет, а на занятом фронте оставить лишь боевое охранение. Это предположение было, вне всякого

сомнения, абсолютно правильно, но дивизия, однако, с ним не согласилась, вероятно потому, что тогда сосед справа (в отношении боевого охранения) был бы поставлен в чрезвычайно невыгодные условия. Опасения капитана Франциуса целиком оправдались 8 августа. После того как 265-й рез. полк был так неожиданно быстро прорван, достигшие здесь успеха английские атакующие части тотчас же устремились на господствовавшую над этим районом вершину горы Хехт и в направлении на Егерские скаты. Одновременно противник атаковал и с фронта.

Один из батальонов 175-й английской бригады был назначен специально для атаки Сайи-Лорет. Его главный удар был направлен из Габфуртской лощины на северо-западную окраину деревни и встретил упорнейшее сопротивление со стороны слабых частей 201-го рез. полка. Однако, прорыв на участке правого соседа значительно облегчил действия противника. В 6.20 к командиру батальона, находившемуся восточнее селения, поступило первое донесение: «Противник прорвал линию главного сопротивления на участках 8-й и 5-й рот и сильно нажимает с севера через овраг Томас на северную окраину Сайи-Лорет и на Фюзилерную дорогу». Немедленно капитан Франциус бросил в контратаку в северном направлении 4-ю роту 137-го полка и послал своего офицера для поручения лейтенанта Мейера во 2-ю роту 137-го полка, чтобы вывести ее на северную окраину Сайи-Лорет. Когда страшный грохот разрывов снарядов огневого вала начал удаляться более к востоку, стало отчетливо слышно, что германские пулеметы западнее деревни ведут сильный огонь. Видимо, там фронт еще держался. Однако, как только 4-я рота 137-го полка скрылась в тумане, был открыт сильнейший огонь по пулеметным гнездам у разветвления дорог северо-восточнее командного пункта командира батальона и по ближайшему участку леса к востоку от него. Неужели англичане уже продвинулись так далеко? Может быть, 4-я рота уже вошла в полосу этого огня?

Но дело обстояло еще значительно хуже. Лейтенант

Мейер застал 2-ю роту 137-го полка втянутой в бой с противником на линии Егерских скатов. Стоявшая в участковом резерве у оврага Томас 5-я рота 137-го полка, видимо, уже давно отошла. Сразу же после прорыва противника на участке соседа справа (в 6.00 утра противник там уже достиг оврага Томас) и последовавшего несколько после 6.00 вторжения его в расположение 8-й и 5-й рот 201-го рез. полка 5-я рота 137-го полка должна была сдерживать этот натиск, обороняясь на север и запад. При этом был убит ее командир лейтенант Брункман; видимо, рота понесла и без того большие потери и была быстро сбита.

Когда выше, на Егерском скате, стал слышен бой 2-й роты 137-го полка, 7-я рота 137-го полка и части отходившей 11-й роты 201-го полка развернулись фронтом на запад, для того чтобы запереть проходящую по лощине дорогу, а вправо из оврага Брюк по крутым скатам постепенно развертывались 1-я и 3-я роты 137-го полка для перехода в контратаку. Командование ими принял на себя командир 1-й роты лейтенант Краль. Однако, они как раз в этот момент попали под огневой вал противника, задержались и потому запоздали. Так как 3-я рота не успела еще вся выйти на высоты, англичанам удалось правее ворваться в овраг Брюк и затем повернуть против ее правого фланга. В результате этого на вершине Егерского ската завязался горячий огневой бой на близкой дистанции, во время которого в овраге Брюк и на дороге, идущей из Сайи-Лорет, связками ручных гранат было подбито по одному танку. Противник не стал дальше наступать, так как и ему очень сильно мешал туман, делавший невозможным управление и наблюдение. Своей артиллерией противник уже больше не поддерживался. Однако, когда он достиг оврага Брюк, удар в северо-западном направлении стал для 137-го полка уже больше невозможен. Между 10.30 и 11.00 лейтенант Краль отвел остатки своих людей на юго-западную окраину Шипильи.

Таким образом, все части, находившиеся позади главной линии сопротивления (5-я и 7-я роты и 1-й ба-

тальон 137-го полка, 11-я рота 201-го полка), уже не смогли ввязаться в бой в районе батальонов первой линии. Более подробные сведения о ходе боя в районе последних отсутствуют: лишь точно известно, что еще долгое время со стороны Сайи-Лорет доносился шум боя. Поэтому можно предположить, что остатки 8-й и 5-й рот 201-го рез. полка, видимо, усиленные частью назначенных для их смены рот 2-го батальона 137-го полка, под все усиливавшимся нажимом с фронта и особенно с севера, из оврага Томас, удерживались на северной окраине селения, в то время как 10-я и 12-я роты 201-го полка держались на западной окраине, а впоследствии—на развалинах самого села, в надежде, что контратака резервами все же облегчит положение. Так как этого не случилось, их участь была решена. Лишь немногим удалось переправиться через Сомму.

Между тем, почти около 7.00, примерно, в 30 *м* от командного пункта командира батальона вынырнули с севера из тумана первые англичане. В руках у капитана Франциуса здесь не было никаких частей. Ему, однако, были подчинены находившиеся в овраге Брюк 1-я и 3-я роты 137-го полка, о вступлении которых в бой, он, естественно, еще не знал. Он поспешил к ним, чтобы бросить их в контратаку, однако, около 7.30 он нашел дорогу, идущую в овраг Брюк, уже занятой противником. Теперь мог помочь только находившийся на отдыхе 3-й батальон 137-го полка. Поэтому он переправился через Сомму, добрался до лежащего на южном берегу села Серизи, откуда обратно переправился на северный берег в Шипильи.

«Это было самой страшной прогулкой в моей жизни. Противник прорвался уже до оврага Брюк! В долине Соммы в тумане не видно было вытянутой руки. Вся долина Соммы обстреливалась бешеным шрапнельным и химическим огнем артиллерии».

Могла ли артиллерия до сего времени принять действительное участие в пехотном бою? В 43-й рез. и 108-й пех. дивизиях действовали 9 легких и 1 тяжелая батареи. По всей вероятности, южной артиллерий-

ской группе 27-й пех. дивизии (3 легких и $2^1/_2$ тяжелых батареи) были также назначены районы для заградительного огня перед фронтом 265-го рез. и 201-го рез. полков, так что каждая батарея должна была прикрывать фронт протяжением до 200 *м;* правда, некоторые батареи имели всего по 3 орудия. Большинство из этих $15^1/_2$ батарей вовсе не находилось под столь сильным неприятельским обстрелом, чтобы быть вынужденными прекратить огонь. Однако, потребность передовой линии в заградительном огне из-за тумана не могла быть замечена[1], а телефонная сеть с фронта была так быстро разрушена, что вызов заградительного огня до артиллерии не дошел. Вначале на артиллерийских позициях не были уверены в том, что неприятельский огонь не является исключительно местью за предшествовавший огонь германских батарей. Так были упущены первые минуты, пока батареи одна за другой (одни по приказу свыше, другие по собственному почину) не выпустили первые снаряды. Однако, как раз эти минуты и были решающими, так как противник применил новый тактический прием, пустив свою атакующую пехоту непосредственно вслед за началом артиллерийского огня. Уже в первые 5—7 минут она достигла главной линии сопротивления и продолжала беспрерывно продвигаться вперед. Поэтому с 5.25 артиллерии нужно было бы все время оттягивать заградительный огонь назад. Но этого не было, да и не могло быть сделано, так как откуда батареи могли об этом знать, если кругом ничего не было видно и никакие сведения об этом к ним не поступали? Не подлежит никакому сомнению, что под заградительный огонь в самом благоприятном случае

[1] 4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии утверждает, что она видела ракеты и вначале открыла очень сильный заградительный огонь. 6-я батарея того же полка сообщает, что вызов заградительного огня зрительными условными знаками был совершенно исключен. Капитан Лёве рассказывает: «Во всяком случае, донесений «противник атакует» больше не поступало. Кроме того, как только во время ураганного огня пускались ракеты, все наши батареи немедленно открывали заградительный огонь».

могли попасть лишь вторые волны атакующего противника, и притом вначале. К тому же значительная часть артиллерии вела интенсивный огонь лишь в первый период времени, с тем чтобы затем, как сказано, например, в журнале боевых действий 3-го дивизиона 243-го полка легкой артиллерии, «перейти к спокойному огню». Пехота будет права в своем утверждении, что ей была оказана недостаточная артиллерийская поддержка. Однако, артиллерия не заслуживает ни малейшего упрека.

«Во время атаки 18-й и 58-й дивизий обнаружилось, что заградительный огонь противника был не сильный; однако, неприятельская пехота и особенно пулеметы оказали решительное сопротивление» (*Монгомери*, стр. 48).

Итак, противник на участке 43-й рез. дивизии, к северу от Соммы, достиг своей первой цели, выйдя на линию восточной опушки леса Малар около 8.00, а не к 7.20, как было приказано. Так как противник должен был согласно приказу на один час задержаться здесь (стр. 60), то сама собой наступила пауза, во время которой ему оставалось лишь сломить последнее сопротивление немцев в Сайи-Лорет и на Егерских скатах. К 7.40 командиру 201-го рез. полка, равно как и командиру 85-й рез. бригады, а также и в штабе 43-й рез. дивизии стало известно, что противник достиг оврага Брюк. Для контратаки на этом участке вначале можно было использовать только стоявший на отдыхе в Лейпцигском лагере 3-й батальон 137-го полка с 1-й ротой 1-го рез. саперного батальона, причем 9-я рота 137-го полка была уже выдвинута в овраг Кенигин и находившийся во 2-м эшелоне 1-й батальон 202-го рез. полка, который, будучи сменен только ночью перед этим, к утру сосредоточился в лагере Фридрих-Августа, на восточном скате горы Георга. В то время как 3-й батальон 137-го полка (без 9-й роты) занимал на широком фронте вершину горы Каналь, 1-й батальон 202-го рез. полка, поднятый в 6.30 по тревоге, был направлен через шлюзовый мост в напра-

влении на гору Каналь. Несмотря на то, что этот батальон был сильно изнурен и очень слаб, все же оба батальона вместе с саперной ротой могли бы довольно легко почти с 7.30 предпринять сильную контратаку. Однако, движение 1-го батальона 202-го рез. полка из-за сильнейшего неприятельского артиллерийского огня сильно задержалось. Лишь в 9.30 батальон сосредоточился на горе Каналь, но без 2-й роты, которая была повернута на Мерикур, так как противник южнее Соммы быстро продвинулся вперед.

Между тем, туман на высотах мало-помалу рассеивался, и с горы Каналь можно было наблюдать, хотя вначале и не совсем отчетливо, что по Бригадному хребту, западнее Моркур, двигаются на восток неприятельские части. Связи вправо, с 27-й пех. дивизией, уже не было. В этой обстановке отдельная контратака 3-го батальона 137-го полка казалась безнадежной. Когда поступившие затем сведения от отдельных солдат, прибежавших с передней линии, не оставили никаких сомнений в том, что боевые и резервные батальоны почти целиком уничтожены, 43-я рез. дивизия решила объединить все оставшиеся в ее распоряжении части для удержания горы Каналь и прежде всего восстановить связь с 27-й пех. дивизией. Кроме перечисленных частей, к горе Каналь были еще направлены 1-я рез. рота 33-го саперного батальона из Мерикур и 7-я и 8-я роты расположенного южнее Соммы 97-го пех. полка, 2-й батальон которого находился на отдыхе в Каппи. Командование всеми этими частями было поручено капитану 1-го батальона 137-го полка Гебелю, который замещал находившегося в отпуску командира 137-го пех. полка. Он выдвинул вправо от 3-го батальона 137-го полка (без 9-й роты) 1-й батальон 202-го рез. полка (без 2-й роты) и 1-ю рез. роту 1-го саперного батальона и оставил в тылу в своем полковом резерве 1-ю рез. роту 33-го саперного батальона, а также подошедшие к 11.15 7-ю и 8-ю роты 97-го полка.

По странной случайности все эти передвижения удалось выполнить, не подвергшись атаке со стороны

противника. Это обстоятельство объясняется действием германской артиллерии и недостаточной активностью противника. Командир находившейся теперь в передовой линии 9-й роты 137-го полка лейтенант Опиц сообщает:

«Когда ураганный огонь противника около 8.00 был перенесен к востоку, рота заняла скат западнее дороги Морланкур, Шипильи. Густой туман препятствовал наблюдению. Я с одним унтерофицером и одним посыльным отправился вперед. Нам казалось, что впереди нас больше никого нет. Отходившие остатки 1-го и 2-го батальонов 137-го полка и подразделений 265-го рез. полка были задержаны. Их пулеметами была усилена моя рота, которая теперь располагала свыше чем 20 пулеметами, в числе их было 4 станковых. Английские дозоры были отогнаны с лежащей впереди местности. Выход из Шипильи на Сайи-Лорет обеспечивался двумя станковыми пулеметами; ими же обеспечивалась дорога на Морланкур, так как вправо никакой связи установить не удалось.

Около 10.00 спереди прибыл лейтенант вюртембергского полка легкой артиллерии Мерике и сообщил, что в Селестинском лесу стоят еще 2 готовых к бою орудия, и попросил выделить пехотное прикрытие против бродивших кругом неприятельских дозоров. После этого у орудий были установлены 2 пулеметных взвода по 4 пулемета в каждом. Поддержанный моими людьми, сильно сократившийся из-за больших потерь орудийный расчет (2 офицера несли службу наводчиков) причинил прицельным огнем серьезные потери двигавшимся южнее Соммы неприятельским колоннам, которые теперь сделались хорошо видимыми».

О действиях южной артиллерийской группы 27-й пех. дивизии мы узнаем из сообщения 13-го полка легкой артиллерии:

«Около 9.45 туман спустился к дымившимся лугам долины р. Соммы, и первый же взгляд показал всю величину неприятельского успеха: скат к югу от Соммы, отлого поднимавшийся к возвышавшейся на окружающей

местности Римской дороге, был сплошь усеян неприятельскими колоннами, которые под прикрытием медленно стелившегося по земле пара быстро двигались на восток. Германские линии, казалось, были там сметены. По ту сторону Серизи посредине ската ползли эшелонированные в глубину 4 танка; непосредственно за ними, прикрываясь еще туманом, снялась с передков одна легкая батарея. Дальше, по направлению к высоте и к Римской дороге, быстро продвигались на различных дистанциях длинные колонны, очевидно артиллерийские части противника, пытавшиеся выйти на высоту (Бригадный хребет).

К счастью, непосредственно в долине лежал еще легкий туман, который своей пеленой закрывал впереди лежащую местность от взоров того, кто находился в долине. Таким образом, орудия, установленные на возвышенном месте на северном краю долины, могли обнаружить проходившего у их ног противника, который, как тень, торопливо двигался в колоннах на восток по берегу Соммы, раньше, чем тот обнаружит их, и скорее его подготовиться к открытию огня.

С дистанции около 800 *м* выдвинутым к югу взводом 8-й батареи был выпущен первый снаряд по колонне противника, которая после тщетных попыток выдвинуть свои пулеметы за откос дороги или в сады Серизи скрылась в лугах и за изгородями у северного выхода из селения.

Непосредственная опасность слева пока была устранена. Теперь имелось большое количество целей: раньше всего шли танки, которые, однако, вследствие своей громоздкости продвинулись вперед недалеко; после 5—6 выстрелов все 4 загорелись. После этого был открыт огонь и по английским батареям, которые появились на одной высоте с нашими батареями, фронтом на восток. После нескольких наших выстрелов снарядами синего креста [1] расчет сразу же бросил орудия и скрылся в балке, пролегавшей позади батарей...

В то время, как левый взвод 8-й батареи прикрывал таким образом левый фланг, правый взвод, а также 3-я и 13-я батареи 13-го полка тяжелой артиллерии, равно как

[1] См. подстрочное примечание на стр. 30. — *Прим. перев.*

и стоявшая на позиции севернее 9-я батарея 13-го полка легкой артиллерии, обстреливали действительным огнем на различных дистанциях наступавшие части англичан[1].

Отдельные орудия, стреляя время от времени на картечь, сковали даже атакующие части англичан, которые залегли перед ними на дистанции несколько ближе 100 *м*».

Хотя эта южная группа батарей 27-й пех. дивизии, прикрытая лишь пулеметами 9-й роты 137-го полка, стояла впереди самой передовой линии пехоты, она держалась стойко. И несмотря на то, что она главную массу своего огня направляла по целям южнее Соммы, противник, находившийся перед ней, не нашел в себе мужества продолжать атаку.

И другие батареи показали отличную работу. Батареи, стоявшие к северо-востоку от Шипильи, а также в юго-восточной части последней (4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии и 3-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии), очень хорошо взаимодействовали между собой.

Лейтенант 4-й батареи 243-го полка легкой артиллерии Рейзингер сообщает:

«Когда туман внезапно рассеялся, мы увидели 4 танка, которые, идя друг за другом, обходили Серизи. За ними шла английская пехота, а также были видны пленные германцы. Эти 4 танка были немедленно выведены из строя прицельным огнем, они сгорели. Затем мы в продолжение нескольких часов вели огонь по продвигавшейся пехоте с ручными пулеметами, по следовавшим вперед артиллерийским наблюдателям и т. д., стреляя все время прямой наводкой с дистанции около 600 *м*. Неприятельский пулеметный огонь из Серизи и один преждевременный взрыв снаряда нанесли нам значительные потери. В конце концов с трудом можно было обслуживать только одно орудие».

По всей вероятности, это были те же 4 танка, которые и 8-я батарея 13-го полка легкой артиллерии счи-

[1] Вероятно в этом обстреле принимали участие также 11-я батарея 13-го полка тяжелой артиллерии и половина 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии.

тала своей жертвой. Как бы то ни было, вместе с 4-й батареей 243-го полка легкой артиллерии и 3-й батареей 43-го рез. полка легкой артиллерии также хорошо проявили себя и 7-я и 1-я батареи 243-го полка легкой артиллерии, однако только в направлении атаки австралийцев южнее Соммы. Но перед фронтом к северу от реки они действовали слабее. Напротив, 6-я батарея 243-го полка легкой артиллерии причинила англичанам в лесу Малар и в близлежащем районе особенно большие неприятности. Ее командир лейтенант Леезе отметил в своем дневнике:

«Передо мной Томми остановились на широком фронте для передышки. К ним присоединился один танк, я вынужден был открыть по нему огонь с закрытой позиции. Снаряды ложились хорошо, и он повернул в закрытие. Затем я начал посылать снаряд за снарядом по густым рядам английской пехоты, которая повсюду разбегалась и снова собиралась дальше в тылу. Я вел огонь по лощине, в которой я не мог видеть противника (повидимому, овраг Брюк. — *Автор*), и в течение короткого времени вся когорта противника, к моему безграничному изумлению, начала отходить через ближайшую высоту (видимо, на гору Хехт.— *Автор*). Танк под нашим огнем пошел за ними. Пехотного боя впереди не слышно... Позже я получил задачу открыть огонь по Томми, находившимся в овраге (вероятно, овраг Томас.— *Автор*). Когда эта задача была уже достаточно выполнена и я начал переносить огонь через Сомму, Томми открыли уничтожающий огонь по горе Каналь, главным образом по моему наблюдательному пункту и по огневой позиции моей батареи, так что я из-за пыли и дыма не мог уже наблюдать за своими хорошими целями, находившимися по ту сторону Соммы. Поэтому я снова повернул огонь против своего vis-a-vis, которого, к большой досаде, было трудно наблюдать. Такое положение продолжалось до полудня».

Эта батарея имела отличные наблюдательные пункты на горе Каналь; в аналогичном положении находились 2-я батарея 243-го полка легкой артиллерии и 1-я

и 8-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии, огонь которых, повидимому, тоже причинил серьезные потери противнику, находившемуся у леса Малар. Вне всякого сомнения, исключительно благодаря действию этих немногих батарей, англичане, достигнув своей первой цели (восточная опушка леса Малар), вплоть до самого вечера почти не продвинулись вперед. Тем более, что из пехотных частей была способна к обороне только 9-я рота 137-го пех. полка. Однако, перед ее фронтом значительных сил противника не показывалось, так что, получив около полудня приказ об отходе на гору Каналь, она смогла его совершить без малейшей помехи со стороны противника. Возможно и так, что у англичан, благодаря выдвинутым вперед пулеметам этой роты и остаткам 4-й роты 265-го рез. пех. полка, которые оказались почти на дороге Морланкур, Шипильи, в 400 *м* севернее Селестинского леса, создалось впечатление, что позиция занята пехотой непрерывно во всю ширину[1].

Однако, после отхода 9-й роты 137-го полка эти 4½ батареи не могли уже больше оставаться одни в Селестинском лесу. Их запас снарядов был расстрелян, а о пополнении нечего было и думать: передки нельзя было подать. И командиры батарей с тяжелым сердцем должны были решиться на то, чтобы, сняв важнейшие прицельные приспособления и предметы материальной части, отойти между 13.00 и 14.00 с орудийным расчетом назад. До последнего времени они несли урон не только от артиллерийского, но частично и от пулеметного огня противника. Сразу же после оставления орудий англичане захватили позиции 3-й и 8-й батарей 13-го полка легкой артиллерии. При полном отсутствии у неприятельской пехоты предприимчивости еще и теперь было вполне возможно выдвинуть пехоту, занимавшую гору Каналь, на высоту, что между лесами Малар и Селестин, и, таким образом, расположить ее впереди этой артиллерийской группы. Однако, этому

[1] Возможно также, что северо-восточнее леса Малар продолжали еще держаться отдельные пулеметы 265-го рез. пех. полка и вюртембержцев.

помешали успехи противника южнее Соммы и на фронте 27-й пех. дивизии. После полудня на горе Каналь существенных изменений в обстановке не произошло. Неприятельская пехота выдвинула в Селестинский лес только слабые дозоры и отказалась от всякой попытки атаковать гору Каналь. Пулеметы 9-й роты 137-го полка, расположенные у северо-западного выхода из Шипильи, смогли оставаться здесь до вечера. Напротив, артиллерийский огонь и воздушные атаки противника на части, занимавшие гору Каналь, все более и более усиливались, благодаря чему пришлось отвести их левый фланг назад. К этому вынуждала также и обстановка, сложившаяся южнее Соммы.

Теперь 3-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии и 4-я батарея 243-го полка легкой артиллерии очутились довольно далеко от фронта. Они обстреливались столь сильным огнем, что приходилось отводить назад орудийные расчеты или им приходилось искать защиты в погребах Шипильи. Ночью тоже нельзя было подойти с запряжками к орудиям, почему вывезти орудия не удалось. В 6-й батарее 243-го полка легкой артиллерии, которая также стояла впереди пехоты, к 17.00 все 3 орудия пришли в негодность. Поэтому командир батареи приказал их взорвать. Однако, взорвали лишь 2 орудия, третье орудие удалось вечером убрать.

Дальнейшее ослабление артиллерии 43-й рез. дивизии севернее Соммы произошло вследствие того, что сразу после 13.00 1-я и 8-я батареи 243-го полка легкой артиллерии были переданы 108-й пех. дивизии, действовавшей южнее Соммы, а вслед за этим и 2-я и 7-я батареи 243-го полка легкой артиллерии были переброшены на огневые позиции на гору Георга, откуда они вели огонь исключительно по району южнее Соммы. Вечером (после 17.00) 1-я и 8-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии тоже были отведены в тыл в Цвикауский лагерь (на крутом берегу Соммы юго-западнее Бре), что было, повидимому, вызвано тем, что они расстреляли все свои снаряды. Таким

образом, части, занимавшие гору Каналь, были почти лишены непосредственной артиллерийской поддержки.

2. 27-я (вюртембергская) пехотная дивизия.

У вюртембержцев предписанный на 5.20 утра огонь на уничтожение стал ослабевать как раз в тот момент, когда противник открыл ураганный огонь.

> «Мы вначале думали, что противник отвечает на наш огонь, хотя он стихал, но так как его огонь не ослабевал, мы вскоре поняли, что противник готовится к атаке. Поэтому батарея открыла заградительный огонь» (донесение 6-й батареи 13-го полка легкой артиллерии).
>
> «Заградительный огонь нашей артиллерии с 5.20 утра своей слабостью внушал опасение» (реляция о бое 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).
>
> «Южнее дороги Корби, Бре с 8.00 утра продолжали стрелять лишь 7-я и 4-я батареи 213-го артполка» (реляция о бое 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).

Между прочим, из-за неприятельского обстрела вынуждены были молчать:

9-я батарея 238-го полка легкой артиллерии с 7.15 до 7.45 утра;

4-я батарея 213-го полка легкой артиллерии с 6.20 до 8.15 утра;

7-я батарея 213-го полка легкой артиллерии с 6.45 утра с перерывами.

В 6-й батарее 213-го полка легкой артиллерии сразу же после 5.30 все орудия вышли из строя. В 5-й батарее 213-го полка легкой артиллерии то же самое произошло сразу же после 7.45 утра. В 1-й батарее 13-го полка легкой артиллерии с 6.30 утра могло стрелять лишь одно орудие.

> «Во время второй очереди заградительного огня 2 орудия вышли из строя, а вслед за ними и третье» (донесение 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии).

Немногим отличалось положение и в остальных батареях.

Из этих донесений артиллерии видно, что она, открыв между 5.20 и 5.30 утра заградительный или уничтожающий огонь, очень быстро ослабила свое действие. Огонь же на уничтожение, который велся до 5.20 утра, повидимому, не был безрезультатен, так как поскольку вообще донесения о начале атаки шли, главным образом, с переднего края обороны, об атаке стало известно не раньше 5.45 утра, а на отдельных местах гораздо позднее. Из того факта, что вклинение противника в главную линию сопротивления 265-го рез. пех. полка последовало уже в 5.27 утра, нельзя предположить, что противник имел намерение начать атаку против 27-й пех. дивизии несколько позднее. Очевидно, наша артиллерия своим огнем принудила противника замедлить и неодновременно начать атаку. Судя по английским источникам, именно танки не смогли своевременно подойти к южному флангу 27-й дивизии. Однако, в дальнейшем влияние артиллерии на ход боевых действий, пока туман не рассеялся, почти прекратилось; пехота была предоставлена самой себе.

На южном полковом участке батальон 1-го эшелона (2-й батальон 120-го пех. полка) вначале оказал упорное сопротивление англичанам, атаковавшим его с фронта лишь около 6.00 утра; повидимому, особенно хорошо действовали пулеметы (в том числе 2-й и 3-й пулеметных рот). Однако, вскоре появились, преимущественно справа, танки, которые, двигаясь вдоль переднего края обороны как спереди, так и сзади него, поставили стрелков 2-го батальона в очень тяжелое положение. Пока здесь шел бой, около 6.30 утра уже начал давать себя знать прорыв противника на соседнем южном участке до самого оврага Регимент. Находившаяся поблизости от командного пункта 9-я рота 120-го полка, услышав шум выстрелов, шедший со стороны пулеметных гнезд, расположенных в районе группы деревьев Фрейбург, и из 4-й роты 265-го рез. полка (стр. 70), заняла западный край оврага и смогла отбить показавшиеся с запада из тумана первые группы противника. Однако, в этот момент англичане

появились с юга у самого входа в убежище командного пункта. Отдельным отважным группам вюртембержцев удалось овладеть обратно командным пунктом. Но когда противник вслед затем ворвался в овраг и с северо-запада, судьба не только 9-й роты 120-го полка, но и всего 2-го батальона, подвергнувшегося охвату с обоих флангов, была решена.

Все оставшиеся в живых после отражения фронтальной атаки оказались окруженными превосходными силами и были захвачены в плен. Однако, позднее части 2-го батальона (около 100 человек), которая была уже захвачена в плен, удалось вырваться из плена и пробиться на восток. Остатки 9-й роты и отдельные группы 3-й пулеметной роты (с одним пулеметом) отошли, ведя длительный бой, через гору Заксен в восточном направлении.

Охват 2-го батальона 120-го полка справа явился следствием быстрого и решительного прорыва англичан по обеим сторонам дороги Корби, Бре на участке 3-го батальона 123-го гренадерского полка. Здесь противник ввел в дело особенно большое количество танков, для действия которых была здесь очень удобная местность. Прицельного огня германской артиллерии в условиях сплошного тумана им нечего было бояться. Одни гренадеры с их пулеметами и минометами были бессильны бороться против этих бронированных чудовищ. Они безудержно ползли через окопы и пулеметные гнезда, и для английских стрелков, следовавших непосредственно за танками, не было никакого труда вторгнуться в сделанный танками прорыв в слабом германском фронте, зайти в тыл обороняющимся соседним подразделениям и их быстро подавить.

В 6.20 командир 3-го батальона 123-го полка капитан Швенцер получил первое донесение: «Противник с танками прорвался на левом фланге и нажимает крупными силами с юга на передовые части». Одновременно было слышно, что пулеметный огонь англичан, обстреливающих дорогу Корби, Бре и район южнее, быстро переносится в восточном направлении ее, в то время как свои пулеметы на правом фланге ба-

тальона продолжали вести огонь с прежних позиций. Это была горькая расплата за то, что все 4 роты 3-го батальона были выдвинуты в передовую линию, и на важной дороге Корби, Бре, где уже с 7 августа предполагали возможность танковой атаки, до самых лесов Тай и Гресер вообще не было никакой пехоты. Единственный резерв командира батальона (5-я рота 123-го полка) был выдвинут капитаном Швенцер в окоп западнее дороги Морланкур, овраг Регимент, с целью перехватить на этой тыловой позиции отходящие спереди части и образовать новую линию сопротивления. Постепенно гарнизон этого окопа усилился приблизительно до 200 штыков и нескольких пулеметов и легких минометов.

Вскоре и перед ними появились неприятельские группы, но они сравнительно легко их сдерживали. Сильной атаки противник сразу не повел. Объясняется это, главным образом, тем, что он почти достиг здесь своей первой цели атаки (стр. 59). Около 8.00 поступило донесение от расположенной на правом фланге 11-й роты 123-го полка, что она продолжает удерживать свои позиции и находится в соприкосновении с 124-м полком. Однако, это донесение шло, повидимому, очень долго, так как по данным 124-го полка связь с гренадерами была прервана уже часом раньше.

На участке 124-го пех. полка положение до 7.00 было устойчивое. Так как противник сначала отказался от фронтальной атаки на Морланкур, то бой шел, главным образом, лишь на обоих флангах батальона первой линии (1-го батальона 124-го полка). Несмотря на то, что на фронте протяжением свыше 1 800 *м* были большие разрывы (до 100 *м* шириною), все же удалось задержать наступление англичан. Однако, уже в 6.30 прорыв противника на участке 123-го гренадерского полка на дороге Корби, Бре начал давать себя чувствовать на левом фланге. Один за другим оттуда появились 4 танка, прошли позади 11-й роты 123-го полка и 3-й роты 124-го полка в овраг Западный и, обстреляв эти роты с тыла, поставили их в весьма критическое положение. В это время командир ба-

тальона направил свои резервные подразделения — 7-ю и 8-ю роты — на поддержку левого фланга, причем 7-я рота, попав под проходивший здесь как раз в этот момент огневой вал, была почти целиком рассеяна. И хотя следовавшие за танками английские атакующие части сбили, видимо, главную часть 11-й роты 123-го полка, танки встретили со стороны расположенных в глубине пулеметных гнезд и поспешивших вперед резервов такое сопротивление, что предпочли повернуть назад и уйти севернее дороги Корби, Бре в западном направлении. Таким образом, 3-я и 1-я роты 124-го полка получили возможность и дальше держаться, чему помогло еще то обстоятельство, что противник и здесь почти достиг своей первой цели атаки и вперед не двигался.

Но тем временем, около 7.00, прорывы на участке 4-й и 2-й рот 124-го полка сделались для них роковыми. Противник скрытно проник почти до высот на северной окраине Морланкур и, повернув на север и юг, вышел в тыл обеим ротам. 4-я рота была вынуждена отойти до выемки у северо-западного выхода из Морланкур, а 2-я рота была оттеснена к дороге, идущей на Меольт (северо-восточнее Морланкур). Таким образом, противник получал возможность проникнуть с северо-запада в Морланкур, если бы здесь, на окраине деревни, не продолжали твердо и стойко держаться 3 пулеметных гнезда.

Севернее 124 полка вслед за неприятельской артиллерийской подготовкой, видимо, не было никакой серьезной атаки. Лишь позже, когда после 7.00 позиции находившегося на левом фланге 54-й рез. дивизии 247-го рез. пех. полка были снова сильно обстреляны, определилась атака противника. Батальон первой линии (2-й батальон 247-го рез. полка) вынужден был сдать противнику впереди лежащую местность, однако смог удержать передний край у выемки дороги, идущей на Меольт. Части батальона второй линии (1-го батальона) заняли в качестве заслона против Морланкур линию железной дороги северо-восточнее этого селения.

Таким образом, и на всем участке 27-й пех. дивизии противник достиг своей ближайшей цели к намеченному сроку (7.20), несмотря на то, что атака была начата неодновременно. Тот факт, что 124-й полк потерял сравнительно незначительную территорию, зависел не столько от сопротивления его 1-го и половины 2-го батальонов, сколько от того, что противник намеревался занять Морланкур лишь позднее. Гораздо серьезнее, однако, было положение у вюртембержцев в районе по обеим сторонам дороги Корби, Бре и на их левом фланге. Почти $^{3}/_{5}$ 3-го батальона 123-го полка и 2-й батальон (с 9-й ротой 120-го полка) были почти целиком уничтожены, и лишь незначительная часть их задержалась на артиллерийских позициях, а часть отошла еще дальше в тыл. Дорога противнику до лесов Тай и Гресер была совершенно открыта. Однако, у англичан не нашлось таких смелых командиров, которые решились бы нарушить несоответствовавший создавшейся обстановке приказ, говоривший об остановке на час по достижении линии намеченных ближайших целей. Если бы это случилось на участке 120-го полка, англичане не дали бы уйти батареям, расположенным в овраге Кюхен и в перелесках южнее его. Однако, атакующие части задержались здесь не только на 1 час, но гораздо дольше, видимо, потому, что к ним не подошли приданные им танки. Как раз в это время туман начал рассеиваться, батареи получили возможность наблюдать, и теперь только одни они и спасли положение на южном фланге 27-й пех. дивизии. Вначале 7-я и 9-я батареи 238-го полка легкой артиллерии и 9-я батарея 13-го полка легкой артиллерии открыли около 7.45 огонь по противнику, проникшему в овраг Регимент; одновременно туда же перенесли свой заградительный огонь и 2 орудия 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии. В донесении 7-й батареи 213 полка легкой артиллерии говорится следующее:

«С 8.00 видимость улучшилась; стало заметно, что противник перенес свой огонь дальше в тыл. Батарея

выкатила свои орудия на высоты для открытия прицельного огня. Между 8.00 и 8.30 пехота, пулеметы и минометы начали густыми группами поспешно отходить назад. При этом офицеров не было видно. Тогда батарея открыла огонь по своему переднему краю обороны на дороге Корби, Бре. Около 9.00 на противоположном скате оврага Кюхен показалась неприятельская рота с винтовками за плечами. Несколько метких выстрелов полностью рассеяли ее. Двигавшаяся вперед и назад по дороге Корби, Бре неприятельская пехота была взята под действительный огонь, а около 10.00 мы открыли также огонь по двум поспешно уползавшим назад танкам. Один из них был подбит и загорелся, другой скрылся. Почти одновременно рота противника с большим количеством пулеметов начала переходить через овраг Кюхен, ведя впереди себя германских пленных. Противнику удалось лишь на небольшой срок выбросить на позицию один пулемет. Огнем батареи и одного нашего пулемета под командой унтерофицера Хабихт, простреливавшего продольным огнем овраг, противник был так расстроен, что поспешно валег на пшеничном поле в 600 *м* правее и впереди батареи».

Между тем, противник, понесший поражение от 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, стал сильно угрожать 7-й батарее 238-го полка легкой артиллерии. Она имела еще 2 готовых к бою орудия, однако из-за круто повышавшейся местности не могла открыть прицельный огонь по подошедшему на 300 *м* противнику. Поэтому она снялась с позиции, отправила орудийные расчеты к 7-й батарее 213-го полка легкой артиллерии и стала помогать ей; особенно хорошо действовали ее пулеметы. Один выдвинутый вправо пулемет под командой сержанта Мюллер действовал особенно успешно.

В сообщении командира 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии лейтенанта Якубаш сказано:

«В 8.45 к батарее подошел сильно расстроенный взвод 120-го полка, около 40 человек, отходивший от горы Заксен через овраг Кюхен. Оба бывшие здесь офицера объ-

яснили, что противник по достижении оврага Брюк повернул на север, поддерживаемый танками. Поэтому батарея решила около 9.00 выдвинуть на высоту 2 орудия для открытия прямого огня. Туман уже рассеялся настолько, что можно было наблюдать движение пехоты противника. В 9.25 северо-западнее перекрестка дорог Морланкур, Шипильи и Корби, Бре появился один танк, продвигавшийся на восток. Сосредоточенным огнем обоих выдвинутых орудий танк был подбит после 12 выстрелов с дистанции 1 400 *м*.

Около 9.40 противник пытался густыми колоннами перейти через гору Заксен и проникнуть в овраг Кюхен. С дистанции 700 *м* он был взят под уничтожающий огонь и вынужден был с потерями отойти обратно за гору Заксен...»

Повидимому, 3-я батарея 36-го полка тяжелой артиллерии и 1-я батарея 4-го ландв. полка тяжелой артиллерии тоже принимали участие в подавлении неприятельской пехоты. Однако, у них скоро иссяк запас снарядов; во всяком случае, взвод 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии к 9.00 расстрелял свои снаряды и отвел свои орудийные расчеты в тыл.

Выдержка 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, а также 4-й батареи 213-го полка легкой артиллерии заслуживала особенного внимания, потому что они с 7.45 беспрерывно обстреливались с правого фланга английскими пулеметами. Как это могло случиться, видно из донесений 5-й и 9-й батарей 213-го полка легкой артиллерии. Первая до 7.45 обстреливалась сравнительно слабым огнем, но затем попала под такой сильный огневой вал, что вскоре понесла большие потери; все ее орудия вышли из строя. Когда один пехотный офицер с несколькими людьми отходил через позицию, батарея узнала, что противник находится непосредственно возле 5-й батареи.

«Чтобы избежать неизбежного пленения орудийных расчетов, офицер батареи лейтенант Ризенберг попытался со способными еще двигаться людьми, которые, однако, были

морально сильно подавлены (позиция была занята лишь в конце июля, поэтому на ней были только открытые ямы и не было никаких убежищ), скачками перебежать через полосу огня, который противник вел теперь по лесу Гресер. Однако, лишь немногим людям удалось перейти через лощину» (история полка).

Вскоре после сдачи орудий на позицию пришел командир батареи оберлейтенант Трегер. Последний рассказывает:

«Непосредственно впереди орудий я увидел окапывавшуюся пехоту. Чтобы выяснить у нее обстановку, я побежал туда. Туман и дым сильно затрудняли наблюдение, и лишь после того, как я сделал 20 шагов, я заметил, что попал в расположение противника. Внезапно поднялись 8—10 англичан и направили на меня свои винтовки; мне ничего больше не оставалось делать, как сдаться в плен.

Тогда один солдат повел меня в тыл сначала в каменоломню, а затем вместе с германским пехотинцем по дороге дальше назад. Так как дорога сильно обстреливалась фланговым огнем германской батареи (проходивший недалеко от дороги танк был подбит несколькими снарядами), наш конвоир решил, что безопаснее сойти с дороги. Это было нашим спасением. Мы оказались поблизости от одного еще занятого германцами окопа, гарнизон которого жестами указывал нам, чтобы мы пригнулись. Я схватил моего товарища по несчастью, прыгнул с ним в ход сообщения и оттуда большими прыжками перескочил в занятый окоп. Наш конвоир сначала остолбенел, а затем бросился как можно скорее убегать, преследуемый выстрелами немцев, которыми и был, кажется, ранен».

Оберлейтенант Трегер пристал к группе Швенцера, которая лишь от него узнала, что противник юговосточнее ее проник уже до 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии.

Благополучнее обстояло дело у стоявшей несколько далее 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии. Ее командир лейтенант Герцог рассказывает:

«После того как оба правые орудия вышли из строя, так как номера были частью ранены, частью отравлены газами, я продолжал левым взводом вести огонь. В действовавшем взводе также выбыло одно орудие, поврежденное осколком гранаты. Когда туман несколько рассеялся, с батареи стало видно, что между позициями 6-й батареи 238-го полка легкой артиллерии и 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии окапывается пехота. Сначала ее приняли за свою. Когда же окончательно прояснилось, оказалось, что это были англичане. Последняя пушка действующего взвода немедленно открыла по пехоте огонь с дистанции 600—800 *м*. Через короткое время противник очистил высоту, будучи преследуем огнем этого орудия, у которого, однако, вскоре перестал действовать затвор».

К сожалению, 6-я батарея 238-го полка легкой артиллерии после отважной обороны пала жертвой внезапной атаки англичан. Почти весь ее орудийный расчет был перебит, частью ранен или попал в плен; на участке 27-й пех. дивизии это были единственные пленные. Проникший сюда противник состоял из подразделений 7-го батальона[1]; кроме того, было до 80 человек 10-го батальона под командой своего батальонного командира. Это были единственные части 18-й и 58-й английских дивизий, которые решительно двинулись для захвата второго рубежа и достигли района к юго-востоку от перекрестка дорог, что в квадрате 5022 (карта 2). Они, видимо, были не особенно довольны недостаточно энергичными действиями своих товарищей справа и слева, так как после того, как рассеялся туман, они, вдавшись клином вперед, очутились под огнем близко расположенных германских батарей и, понеся потери, вынуждены были отойти.

С другой стороны, по этому можно судить, с какой исключительной твердостью держались упомянутые выше батареи без достаточной пехотной поддержки и как легко можно было подавить неприятельскую пе-

---

[1] 7th Battalion Royal West Kent.

хоту артиллерийским огнем, если бы только была возможность вести наблюдение.

Давно уже было бы пора появиться на линии передовых батарей идущим в контратаку батальонам 2-го эшелона. Однако, в 124-м пех. полку такового не было, так как из 2-го батальона 7-я и 8-я роты были уже использованы командиром батальона, а 2 прочие роты (6-я рота была расположена в 800 *м* восточнее Виллер-Шапель для обеспечения стыка с 54-й рез. дивизией, а 5-я рота находилась при штабе полка на восточной опушке леса Тай) были разбросаны слишком широко, для того чтобы их можно было сосредоточенно ввести в бой. Это было тем более неудачно, что противник обнаружил тяжелое положение и слабость подразделений, подчиненных командиру 1-го батальона 124-го полка капитану Шедлеру. Начиная с 11.00, противник стал особенно угрожать южному флангу группы Шедлера, так что 1-я, 3-я и 8-я роты, а также остатки 7-й роты вынуждены были все более и более отходить к юго-западному углу и на южную окраину Морланкур.

На участке 123-го гренадерского полка батальон 2-го эшелона (2-й батальон без 5-й и пулеметной рот) находился на северо-восточном углу леса Гресер. Сильный артиллерийский обстрел (особенно химическими снарядами), а также нагромождавшиеся недостоверные сведения, что противник уже продвигается с юга в овраг Гресер, создали надолго неправильное представление о действительной обстановке. Поэтому командир батальона решил сначала ограничиться занятием высот, непосредственно прилегавших с востока к оврагу Гресер, чтобы его запереть. Вследствие этого драгоценное время, естественно, было упущено. Когда затем выброшенные вперед дозоры не нашли в овраге никакого противника, роты были двинуты в контратаку (7-я правее, взвод 6-й роты в центре и 8-я рота левее), нанося главный удар в общем направлении южнее большой дороги Бре, Корби с конечной целью войти в соприкосновение с батальоном первой линии. Остальные 2 взвода 6-й роты были оставлены на западном скате оврага Гресер для прикрытия левого

фланга батальона. Энергично продвигаясь вперед, эти 2⅓ роты прошли полосу все еще сильного неприятельского артиллерийского огня в лесу Гресер. Затем они решительно атаковали противника, уже расстроенного огнем 9-й батареи 213-го полка легкой артиллерии и находившегося перед позициями 6-й батареи 238-го полка легкой артиллерии и 5-й батареи 213-го полка легкой артиллерии, опрокинули его, захватили в районе 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии около 40 пленных и заняли к 11.30 фронт почти от перекрестка дорог, что северо-западнее оврага Кюхен, до западного края этого оврага. Однако, батальон встретил здесь такое сильное сопротивление, что для дальнейшего продвижения вперед его слабых сил было уже недостаточно. Между тем, приданная батальону рота 6-го пулеметного отряда дивизии заняла вслед за этим высоты в тылу 7-й батареи 213-го полка легкой артиллерии. Несмотря на этот успех, 2-му батальону 123-го гренадерского полка все же не удалось войти в соприкосновение с группой Швенцера, тем более что последняя вынуждена была тем временем отойти еще на некоторое расстояние назад ввиду возникшей угрозы охвата левого фланга. Все же положение капитана Швенцера, хотя он этого и не знал, было облегчено близостью 2-го батальона 123-го полка. В 11.25 он послал почтовым голубем донесение, что он еще держится, но почти окружен.

Упорное сопротивление, на которое наткнулся 2-й батальон 123-го гренадерского полка, стало также известно из наблюдений 9-й батареи 13-го полка легкой артиллерии.

«В 11.20 внезапно справа и спереди батареи появилась густая колонна неприятельской пехоты (около 300 человек), которая, не имея перед собой противника, начала продвигаться к востоку по направлению балки Кюхен. И хотя открытый тотчас же огонь из орудия и пулеметов был, видимо, успешным, это не помешало противнику подойти еще ближе и открыть, особенно из-за фланга, поражающий пулеметный огонь. Так как ожидавшаяся

контратака все еще не последовала, командир батареи решил выпустить последние осколочные снаряды и оставить позицию. Вслед за этим противник проник на батарею».

Батальон 2-го эшелона 120-го пех. полка (3-й — без 9-й и 3-й пулеметной рот), к сожалению, вообще не перешел в контратаку. 10-я, 11-я и 12-я роты были только в ночь на 8 августа оттянуты с позиций, на которых они вели упорный бой. Командир батальона капитан Винтер командовал еще батальоном и лишь утром, будучи ранен, отошел в тыл. Батальон остался без испытанного руководства. Расположенная в овраге Гресер 12-я рота, видимо, понесла большие потери от исключительно сильного огня неприятельской артиллерии. После того как деморализованные, разрозненные группы 9-й роты и 2-го батальона 120-го полка отошли назад, вслед за чем были оставлены стоявшие перед 12-й ротой батареи (7-я—238-го полка легкой артиллерии, полубатарея 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии и 9-я—13-го полка легкой артиллерии), и после того как позднее англичане действительно показались влево от 12-й роты из леса (это были, видимо, отдельные слабые группы, которым удалось под прикрытием тумана забраться так далеко), в роте уже не было ни стремления, ни сил к переходу в контратаку. Приказа она не получила, что в условиях сильнейшего огня по оврагу Гресер и по лесу неудивительно. Две другие роты, находившиеся на скатах северного берега Соммы и оставшиеся также без приказов, видимо, ограничились занятием высоты впереди двух стоявших здесь батарей (6-й 13-го полка легкой артиллерии и 6-й 213-го полка легкой артиллерии).

Таким образом, только батальону 2-го эшелона среднего полкового участка выпал на долю некоторый успех, и только три находившихся на отдыхе батальона могли еще исправить положение. 3-й батальон 124-го полка был уже в 6.00 вызван из Бре и к 7.30 овладел дорогой Бре, Корби и отм. 64,9. Вероятно, дивизия намеревалась ввести в дело все три отдыхав-

ших батальона одновременно и не считала обстановку еще настолько угрожающей, чтобы ее нельзя было восстановить силами батальонов 2-го эшелона обоих левых полковых участков. Во всяком случае, 3-й батальон 124-го полка сначала не был продвинут дальше. Два других отдыхавших батальона (1-й батальон 123-го гренадерского полка и 1-й батальон 120-го полка) могли подойти лишь позднее, так как были расположены в районе Сюзан. 1-й батальон 123-го гренадерского полка был затем (время не выяснено) развернут недалеко от 3-го батальона 124-го полка, в то время как 1-й батальон 120-го полка лишь к 14.00 достиг района к северу от Этинем.

Было крайне необходимо направить 3-й батальон 124-го полка на Морланкур, так как противник около 13.15 повел концентрическую атаку этого селения с северо-запада и юга. После сильной артиллерийской подготовки группа Шедлера, расстрелявшая почти все свои огнеприпасы, была атакована во фланг и тыл и подавлена. Большая часть ее пяти слабых рот была захвачена в плен. Лишь остаткам ее и частям 11-й и 12-й рот 123-го гренадерского полка удалось пробиться к востоку. Капитан Шедлер около 14.00 последним ушел со своего командного пункта и совместно с командиром 1-й пулеметной роты лейтенантом Шмоль организовал новое сопротивление у восточного оврага и севернее его. Ранее упомянутые 3 пулеметных гнезда на северной окраине селения продержались еще почти до 15.00, а затем также отошли на указанную новую линию сопротивления.

Повидимому, противник не придал особого значения захвату лежавшего в низине Морланкур. Во всяком случае, он дальше не стал продвигаться и, повидимому, ограничился лишь выдвижением к востоку отдельных постов.

Но теперь в группе Швенцера создалась чрезвычайно тяжелая обстановка; все же группа продолжала стойко держаться; в значительной степени этому помогло то обстоятельство, что здесь было много офицеров; они-то и служили примером стойкости для

своих солдат: лейтенанты запаса Майш, Шабель, Кёниг, Гундерт, Гау, Херлер, Кенингер и Валь.

Туман и огонь противника способствовали тому, что высшие штабы в течение долгого времени не имели достоверных сведений о положении на передовой линии фронта. Но можно было все же сразу определить, что на фронте 54-го корпуса противник атаковал лишь участок 27-й пех. дивизии. Поэтому армейское командование приказало, чтобы свободные, отдыхающие и действовавшие во 2-м эшелоне батальоны неатакованных дивизий (233-й пехотной и 54-й резервной) были направлены в контратаку между Морланкур и Шипильи, а ударная дивизия на участке 54-го корпуса (243-я пех. дивизия) — по обеим берегам Соммы. В 7.30 уже были отданы первые распоряжения, согласно которым части начали движение в тылу атакованных участков. Однако, распоряжения дивизий, корпусов и армии неизбежно противоречили друг другу, и дальнейшее развитие обстановки требовало их изменения. Прошло много времени, прежде чем эти подкрепления могли быть введены в дело. Севернее Соммы их задача состояла в том, чтобы снова овладеть линией Морланкур, гора Заксен и закрыть прорыв к правому флангу 11-го корпуса, т. е. овладеть горой Каналь. Южнее Соммы, вследствие значительно менее благоприятной обстановки, дальнейшие цели не намечались.

Для выполнения первой задачи были созданы 2 ударные группы. Одна — в лощине у командного пункта командира 247-го рез. пех. полка (на карте 2, квадрат 4626) под командой майора Гутшера, подчиненная 54-й рез. дивизии. Она состояла из 3-го батальона 246-го рез. полка, 1-го батальона 248-го рез. полка, 2-го батальона 450-го рез. полка и 1⅓ батареи орудий сопровождения (ударный полк Гутшера). Другая группа была сосредоточена на участке 27-й пех. дивизии в лесу Тай и состояла из 3-го батальона 247-го рез. полка, 3-го батальона 248-го рез. полка и половины 3-го батальона 124-го пех. полка под общей командой командира 124-го полка подполковника Легеле-

ра. Кроме того, в 27-й пех. дивизии остался еще один батальон (2-й) 246-го рез. полка, расположенный вначале у фермы Бронфе. К сожалению, сосредоточение обеих групп закончилось лишь между 15.30 и 16.15. Первой развернулась группа Гутшера против участка Морланкур, гора Заксен; немного позднее двинулась южная группа. По какому-то несчастливому случаю границы между полосами наступления обеих групп не были точно назначены. Так как южная группа наступала своим правым флангом также на Морланкур, то при продвижении вперед, во время которого она к тому же была расстроена многочисленными воздушными атаками и артиллерийским огнем противника, произошло перемешивание частей обеих групп, что было особенно неприятно тем, что привело к скучиванию войск в районе между Морланкур и дорогой Бре, Корби. Южнее же этой дороги, т. е. на самом опасном направлении, наступал лишь 3-й батальон 247-го рез. полка, правда, имевший соприкосновение с некоторыми частями 123-го и 120-го пех. полков.

Сопротивление неприятельской пехоты было весьма слабое. Без значительных потерь удалось к 17.30 достичь и закрепиться на рубеже: западная окраина Морланкур, перекресток дорог, что южнее Вестфальского оврага, северо-восточный скат горы Заксен. Остатки группы Шедлера и встреченные разрозненные группы 124-го и 123-го полков были снова увлечены вперед, и группа Швенцера была, наконец, сменена. Части 120-го пех. полка (особенно 1-й батальон) заняли примыкавший с юга восточный скат горы Заксен.

27-я пех. дивизия своевременно установила, что при таком проведении контрудара промежуток между нею и соседней слева дивизией не сможет быть закрыт. Из 243-й пех. дивизии ею были оставлены 479-й пех. полк и 1-й дивизион 238-го полка легкой артиллерии (без 3-й батареи); прочие части необходимо было ввести в дело южнее Соммы. Сосредоточенный в лощинах северо-западнее и юго-западнее Бре 479-й пех. полк немного позже 17.00 получил приказ, продвигаясь одним батальоном (3-м) южнее леса Гресер, вос-

становить связь между 120-м пех. полком и правым флангом 43-й рез. дивизии, а другим батальоном (1-м) занять высоты восточнее и юго-восточнее Этинем, чтобы задержать противника и, в случае если он захватит Мерикур, переправиться через Сомму. 2-й батальон 479-го пех. полка был оставлен северо-западнее Бре; дивизионный резерв, 2-й батальон 246-го пех. полка, выступил в 18.30 из фермы Бронфе на юг, чтобы сосредоточиться позади 3-го батальона 479-го пех. полка. Обе батареи были еще в 14.00 подчинены артиллерийской группе поддержки пехоты и использованы для противотанковой обороны северо-западнее Бре.

Когда головная рота 3-го батальона 479-го полка достигла после 20.00 (авиация сильно замедлила продвижение и этого батальона) позиции 6-й батареи 13-го полка легкой артиллерии, командир этой (12-й) роты лейтенант Гефнер увидел следующее:

«Через гору Заксен как раз перевалили несколько волн английской пехоты при поддержке одного танка в направлении рощи, что южнее оврага. Стоявшее поблизости орудие по тревоге роты было приведено в боевую готовность. Уже третий снаряд попал в цель, и танк ярко запылал под громкие крики «ура» всей роты, которая теперь направилась к указанной роще. Тем временем и неприятельская пехота приостановила свое наступление. Мы без боя достигли западной опушки рощи, к которой справа примыкал 202-й рез. пех. полк. Влево была развернута 11-я рота 479-го полка, которая в свою очередь снова также вошла в соприкосновение с частями 202-го рез. полка, так что разрыв между обеими дивизиями был закрыт. Подбитый танк был осмотрен; несколько англичан, в числе их и экипаж танка, были захвачены в плен. Унтерофицер Гертнер с несколькими людьми добровольно отправился в разведку за дорогу Морланкур, Шипильи, отогнал неприятельское охранение и привел с собой двух раненых англичан».

Упомянутые здесь подразделения 202-го рез. пех. полка принадлежали к его 1-му батальону, который

находился на правом фланге группы, занимавшей гору Каналь (стр. 77). На этом участке фронта, кроме неприятельского артиллерийского огня и налетов его авиации, с самого утра ничего особенного не произошло. Когда после контратаки 27-й пех. дивизии образовался прорыв к ее левому флангу, этот батальон в 18.00 получил приказ продвинуться на фронт западный берег оврага Кюхен, западная опушка рощи, что южнее его, и восстановить связь с 27-й дивизией. Это означало сильную растяжку по фронту всех трех рот к северу настолько, что даже одновременное введение в дело 1-й рез. роты 1-го саперного батальона между 3-м батальоном 137-го полка и 1-м батальоном 202-го рез. полка не могло избавить от наличия разрывов на участках последних. В эти промежутки были выдвинуты 12-я и 11-я роты 479-го полка, в то время как правый фланг 1-го батальона 202-го рез. полка даже вошел в соприкосновение с 7-й батареей 213-го полка легкой артиллерии. Главная выгода этого продвижения 202-го рез. полка заключалась, однако, в том, что еще своевременно, перед вечерней атакой англичан, поставленные здесь орудия 3-й батареи 36-го полка тяжелой артиллерии, полубатареи 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии и 9-й батареи 13-го полка легкой артиллерии получили поддержку со стороны пехоты, так что и отход мог быть быстро выполнен.

Артиллеристы 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии уже усердно поработали, когда противник шел в атаку.

«Раздался крик: «Танк»! Командир батареи обер-лейтенант Мауснер приказал тотчас же номерам с карабинами занять скат впереди орудий. Один танк выполз из леса Малар и не мог быть остановлен даже огнем нескольких пулеметов на скате за огневой позицией батареи. Посыльным бегуном было немедленно сообщено 7-й батарее 213-го полка легкой артиллерии, которая несколькими снарядами остановила танк. Обер-лейтенант Мауснер, лейтенант Гибсон и 5 артиллеристов бросились вперед, чтобы захватить

в плен убегавшую команду танка. При этом они нарвались на неприятельскую пехоту, следовавшую за танками. Оберлейтенант Мауснер увлек всех за собой (части 3-й роты 202-го рез. полка. — *Автор*) и захватил в плен 40 англичан и 1 пулемет. Остатки англичан побежали в находившийся в 400 метрах лес Малар, преследуемые нами на расстоянии 100 *м* до опушки леса. Но так как опушка леса была занята значительными силами, группа Мауснера снова отошла назад. При осмотре танка оберлейтенант Мауснер был убит выстрелом из револьвера одним раненым англичанином» (донесение 1-й батареи 6-го баварского полка тяжелой артиллерии).

Это был последний боевой эпизод 8 августа севернее Соммы. На участке двух южных полков 27-й дивизии противник к вечеру не овладел целиком даже первой целью атаки, на участке же 124-го полка он сумел овладеть узкой полосой к востоку от первого рубежа атаки.

«Восьмичасовой бой не дал нам выигрыша территории, к которому мы стремились. Частично это нужно отнести за счет упорного сопротивления противника, который заслуживает полной похвалы» (*Монгомери, стр. 49*).

После того как 2-я армия в 17.15 назначила Сомму новой границей между 54-м и 11-м корпусами, командование 54-го корпуса назначило границей между 54-й рез. и 27-й пех. дивизиями дорогу Корби, Бре. Соответственно этому ночью все очутившиеся севернее этой дороги пехотные части 27-й дивизии должны были быть выведены, а стоявшая южнее дороги артиллерия отведена в район Бре. Вечером 27-й дивизии были подчинены еще 3 тяжелые батареи, зато артиллерию, принадлежавшую 107-й пех. дивизии (213-й полк легкой артиллерии и 1-й дивизион 6-го баварского полка тяжелой артиллерии), она должна была направить на южный берег Соммы. (Группировку пехоты на атакованном фронте севернее Соммы к концу боя см. на схеме 2, стр. 104.)

Б. Между Соммой и железной дорогой Амьен, Шон.

1. 43-я резервная дивизия.

Южнее Соммы австралийцы атаковали левофланговый полковой участок (202-й рез. пех. полк) 43-й рез. дивизии, весь фронт 13-й пех. дивизии и $^2/_3$ фронта 41-й дивизии. И здесь противник перешел к атаке одновременно с началом артиллерийского огня, и здесь было намечено продвижение скачками, но соответственно большей удаленности конечной цели — не в 2, а в 3 этапа (3 последующих рубежа атаки указаны на карте 2). После достижения первого рубежа 3-й австралийской дивизией севернее и 2-й дивизией южнее (в 7.20) намечалась двухчасовая остановка, после чего дивизии 2-го эшелона (4-я на северном участке и 5-я на южном) должны были из-за флангов дивизий 1-го эшелона перейти в атаку для достижения второго и третьего рубежей.

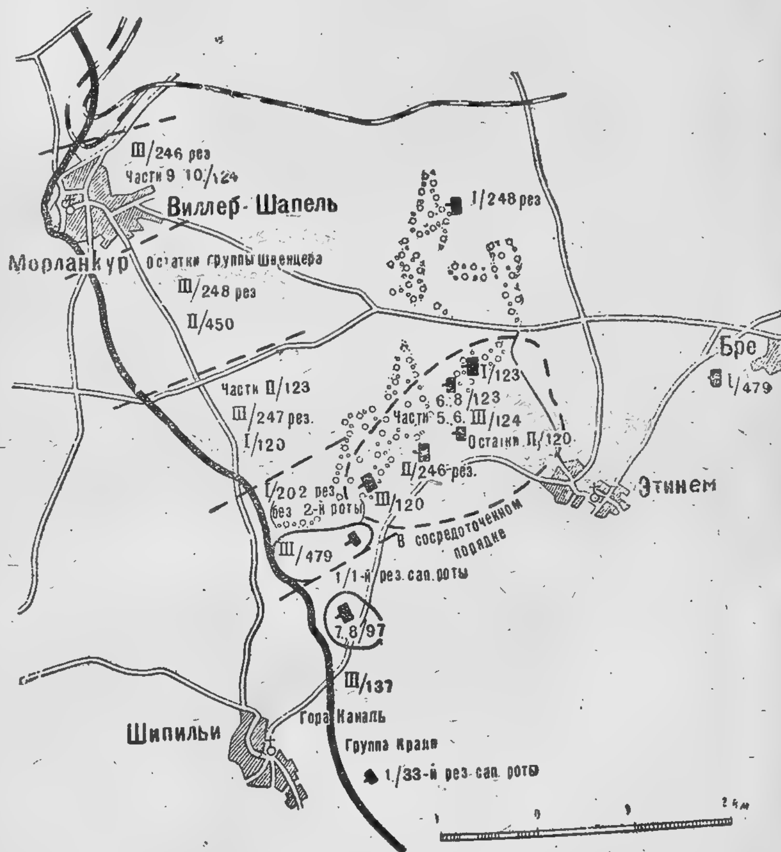
Обе дивизии 1-го эшелона атаковали, имея по 2 бригады в первой линии. Бригадам было придано по 12 тяжелых танков, т. е., следовательно, на 6-*км* фронте 48 танков прокладывали дорогу пехоте.

О ходе боя на первом участке атаки Монгомери говорит (стр. 40—41):

> «Несмотря на сильный туман, который вместе с дымовыми снарядами и общим чадом от огневого артиллерийского вала затруднял сохранение направления атаки, атака все же была проведена с большим успехом. Сопротивление в общем было слабо; отдельные трудности представляли пулеметные гнезда и опорные пункты. Несколько храбрых немцев оказали вблизи Варфюзе отчаянное сопротивление, однако охватом с фланга и ударом танков они были быстро взяты в плен вместе с одной 150-*мм* батареей (включая ее офицеров).
>
> Предполагалось, что овладение лесом Акрош (это группа лесов Шверинского, Капеллен и Нахтигаллен) составит трудную задачу. Однако, *внезапность* настолько удалась и *туман* был настолько густой, что значительные силы занимавшие этот лес, были подавлены и загнаны *огневым валом* в свои убежища, из которых они в большинстве

случаев могли появиться снова лишь для того, чтобы сдаться. На некоторых участках, где местность была пе-

Схема 2. Группировка пехоты севернее Соммы к концу боя 8 августа 1918 г.

ресеченнее, продвижение вперед шло более медленно, чем ожидалось, и пехота была не в состоянии следовать непосредственно за огневым валом. Однако, вытекавшие отсюда опасности были устранены благодаря хорошей работе танков».

Таким образом, противник, по своему собственному признанию, обязан своим успехом, главным образом, туману, внезапности, танкам и действию артиллерии, с чем можно вполне согласиться. Однако, к этому следует еще добавить количественную слабость обороняющегося, совсем неудовлетворительное оборудование его позиций и почти полное молчание германской артиллерии.

Непосредственно южнее Соммы 3-й батальон 97-го полка в ночь на 7 августа сменил измотанные в боях части передового батальона 202-го рез. полка и, к великому разочарованию, должен был констатировать, что хоть сколько-нибудь укрепленная позиция здесь вообще отсутствует. Это произошло оттого, что занимавшиеся до 4 июля окопы у Амель были сданы противнику и 202-й рез. полк, потерявший в этих боях до 10% своего состава, не мог быть сменен. Последний поэтому располагал таким незначительным количеством рабочей силы, что мог построить лишь самые необходимые сооружения (стр. 46). Командовал этим участком командир 202-го рез. пех. полка.

Командир 11-й роты 97-го полка, выдвинутой в боевое охранение на всем участке, лейтенант Гроссе пишет:

«Линия боевого охранения тянулась по фронту почти на 1 700 *м*, в роте осталось 64 человека. В ночь на 8 августа мне, по моему предложению, было придано в качестве резерва одно отделение ручных пулеметов. Позиция, расположенная на переднем скате, состояла из ряда окопчиков на 2—3 человека; ходов сообщения и даже слабых препятствий не было. В густом тумане утром 8 августа бойцы отдельных окопчиков не могли видеть друг друга. Когда внезапно начался сильный артиллерийский огонь, разрывов нельзя было видеть, но все же можно было сразу же установить, что они сначала ложились в лощине в 300—400 *м* впереди нашего участка. Одновременно через наши головы был открыт сильный пулеметный огонь. Наши посты, очевидно, не были обнаружены. Через 10—15 минут огневой вал начал уходить дальше. Слышимый уже раньше шум танковых моторов стал усиливаться.

Я отдал приказ открыть огонь, хотя противника из-за тумана не было видно. Когда я через короткое время прыгнул в мой окопчик, чтобы послать посыльного к командиру батальона, один из моих бойцов крикнул мне: «Томми здесь!» Я тотчас же подал команду: «Ручные гранаты!», вытащил свой пистолет и хотел было выскочить из своего окопчика, но 15—20 австралийцев уже стояли у моего окопчика с гранатами в поднятых руках».

На переднем крае справа была расположена 10-я рота (2 офицера, 1 унтерофицер и около 56 солдат, 5 ручных пулеметов), усиленная взводом 3-й пулеметной роты; она занимала участок от долины р. Соммы до дороги Серизи, Амель включительно; южнее вплотную примыкала 12-я рота. На этом переднем крае имелись лишь отдельные, правда, хорошо устроенные пулеметные гнезда.

Лейтенант Кнапс, командир правой (10-й) роты, в своих записках отмечает:

«Мой предшественник при передаче участка сказал мне, что они в последнее время слышали шум танковых моторов. Поэтому я тотчас же приказал саперам поставить 2 противотанковые мины на полевой дороге в 50 *м* впереди пулеметного взвода, а также на полевой дороге южнее хутора Гайи. Для связи с ротой, расположенной севернее Соммы, через паром на канале Соммы (почти у впадения в него р. Соммы) было послано отделение с 1 ручным пулеметом под командой лейтенанта Бюргерс, причем это отделение должно было вести оттуда фланговый огонь впереди ротного района. Рано утром 8 августа я подготовился, чтобы проводить командира батальона через позиции, но успел дойти лишь до пулеметного взвода. Вдруг начался страшный ураганный огонь. Я тотчас же побежал обратно к хутору (Гайи), приказал находившимся там в резерве пулеметам изготовиться и взобрался на крышу дома, чтобы иметь лучшее наблюдение. Однако, туман поднялся еще выше, настолько, что в трех шагах ничего не было видно. Теперь стал слышен шум моторов, и я отдал приказ о немедленном открытии огня. В общем грохоте мы вдруг услышали несколько по-

зади, на том берегу Соммы, крики на английском языке. Я приказал резервным пулеметам вести огонь по мосту через Сомму, так как англичане пытались через полуразрушенный мост охватить нас и выйти нам в тыл.

Волна ураганного огня передвигалась к востоку, и по нас уже велся огонь из пулеметов и малокалиберных танковых пушек подходившими танками, которых мы, однако, не могли видеть. Этот огонь не причинял нам вреда, так как пули и снаряды летели слишком высоко. Рота вела беспрерывный огонь. Мимо пулеметного взвода прошел большой танк, который подошел с полевой дороги, не задев, к нашему несчастью, противотанковых мин.

Наш пулеметный огонь, направленный по мосту у Сайи, привлек к нам внимание прорвавшегося справа от нас противника. Англичане бросились на нас с тыла, а новые австралийские части и танки атаковали с фронта. Мы проклинали туман, препятствовавший наблюдению, и оборонялись до последней степени. И все же против наступавшей массы мы были бессильны. Почему же не стреляла наша артиллерия? Была ли она полностью подавлена артиллерией противника? Это вполне возможно, так как, когда мы, уже будучи захвачены в плен, были отведены назад и увидели позади неприятельских позиций такое бесчисленное множество орудий от легких до самых крупных калибров, стоявших на огневых позициях с небольшими интервалами, нас охватил ужас. Против такой массы техники личная храбрость, конечно, была бесполезна. Мы видели также, как направлялось в тыл большое количество тяжело раненых австралийцев, и были удовлетворены, — значит, наш огонь в тумане велся не напрасно».

Командир 12-й роты лейтенант Хербст к моменту открытия неприятельского артиллерийского огня тоже находился на левом фланге своей позиции в ожидании командира батальона, в то время как его резерв, состоявший из одного стрелкового отделения, лежал у перекрестка дорог в 800 *м* южнее Сайи. Он сообщает:

«Вначале впереди ничего не было слышно. Однако, нас беспокоил шум моторов; мы убедились, что он исхо-

дил от танков, подходивших по дороге Амель, Серизи, и что этот шум должен был заглушаться самолетами. Когда артиллерийский огонь был перенесен дальше, я с унтерофицером Каде и моим посыльным отправился на перекресток дорог, чтобы выслать резервное отделение со связками ручных гранат на дорогу. Затребованные бронебойные пули еще не прибыли. Когда мы подошли к перекрестку дорог, мы были на мгновенье ошеломлены. Из окопов, в которых лежало отделение, шел дым. Моих людей, а также находившихся здесь артиллерийских наблюдателей уже не было. Тут мой вестовой вышел из дыма и доложил, что появившиеся справа австралийцы забросали их зажигательными гранатами; все, кто находился, кроме него, в окопе, уже захвачены в плен, и противник пошел дальше в направлении командного пункта командира батальона. Моя первая мысль была о командире батальона. В этот момент несколько групп австралийцев, также подошедших справа вплотную к позиции, закричали: «Руки вверх!». Я выхватил пистолет, но унтерофицер Каде взял меня за руку и сказал: «Г. лейтенант, это не имеет никакого смысла, ибо мы будем сейчас же уничтожены, а у меня жена и дети!» И чорт знает почему, эти слова поколебали меня и я решил не сопротивляться. Нас повели на запад. С германской стороны уже артиллерийского огня не было, но вначале артиллерия, видимо, стреляла, так как нередко видны были небольшие воронки, вокруг которых лежали убитые или раненые австралийцы».

Для противника не представляло никакой трудности быстро сломить сопротивление 11-й роты, растянутой по фронту по меньшей мере на 1 600 *м*. Ее посты были расположены на всем протяжении с интервалами не меньше 60 *м*, через которые танки и ударные группы могли проскочить одновременно, оставшись незамеченными. Даже там, где австралийцы в нескольких шагах натыкались на посты боевого охранения, вряд ли мог произойти сколько-нибудь значительный бой, ибо для их подавления требовалось всего несколько секунд. Ни один человек из боевого охранения не вер-

нулся, чтобы предупредить роты на переднем крае обороны, а отдельные выстрелы, которые, возможно, и были даны находившейся впереди 11-й ротой, в общем грохоте разрывов огневого вала могли быть и не услышаны 10-й и 12-й ротами. Таким образом, становится ясным, что дело до серьезного боя на переднем крае обороны не дошло. В то время как 10-я рота после короткого огня в туман была разбита одновременной атакой с фронта и с правого фланга, 12-я рота вообще не имела времени для оказания какого-либо сопротивления, так что даже стоявшая позади нее 9-я рота была полностью захвачена врасплох. Ее командир лейтенант Тербергер, находившийся с небольшим резервом, согласно приказу, в убежище командира батальона, сообщает:

«Через некоторое время огневой вал прошел через наш овраг. С моей ротой, лежавшей около 75 *м* впереди, я имел через посты связь голосом. Однако, пост, стоявший в нескольких метрах от нас, на опушке кустарника, неизменно доносил: «Ничего нового!» И действительно впереди нас господствовало полное спокойствие; это были жуткие минуты. Справа от нас через несколько секунд стал слышен все усиливавшийся шум боя. В искусственно усиленном тумане ничего не было видно, однако, вскоре мы услыхали шум моторов, который приняли за шум неприятельских самолетов».

О событиях здесь, в убежище командира батальона командир 3-й пулеметной роты лейтенант Баллес пишет:

«Все спешили в овраг, где командир батальона капитан Шенинг отдавал приказ для обороны. Телефонная связь и связь через землю прервались, спереди не поступало никаких донесений. Все попытки восстановить связь были напрасны. Высылавшиеся посыльные не возвращались. В эти минуты царили полная неуверенность и неясность в обстановке. Огневой вал планомерно двигался на нас. Вдруг несколько снарядов разорвалось в овраге, затем был открыт ружейный огонь, а мы продолжали пребывать в неизвестности, где находится противник и от-

куда он появится. Наша небольшая группка уменьшилась: нас осталось уже около 15 человек на огневой позиции в овраге. Капитан Шенинг стоял слева от меня с пистолетом в руке, бледный, но спокойный и вполне владевший собой. Внезапно слева, совсем близко, послышалось глухое шипение, похожее на шум пропеллера; было похоже на низкий полет самолетов. Ничего не видно; с близкого расстояния смертельные выстрелы. Теперь позади нас—пулеметная трескотня, впереди—появляющиеся тени, сначала одиночные, затем один за другим, целыми рядами, плоские шлемы — значит Томми! «Ни с места, стойко держаться, стрелять, ни шагу назад, чего бы это ни стоило!» Сейчас же справа и слева раздались выстрелы, заговорили неприятельские пулеметы сзади нас. Мы стреляли во все стороны. Вдруг капитан Шенинг падает раненый в нижнюю часть живота. Теперь нас осталось всего 5 человек, остальные убиты или ранены. Однако, Томми, видимо, имели приказ наступать вперед, оставив недобитые точки резервам. Благодаря этому наступило некоторое спокойствие.

Взволнованные, мы залегли в засаде, в надежде, что скоро сзади последует наша контратака. Так пролежали мы почти полчаса, не зная, что произошло и куда противник прорвался. А что он прорвался, об этом можно было судить по огню позади нас и по передвигавшимся цепям, которые мы видели в тумане справа от нас. Само собой разумеется, что хотя нас было только несколько человек, мы уложили столько противника, сколько смогли.

Внезапно справа от нас, метрах в 40, вынырнула цепь, и мы отчетливо видели у каждого третьего и четвертого человека за плечами пулемет Льюиса. «Г. лейтенант, они идут!» — крикнули посыльные Кениг и Браун, и тут же раздались первые выстрелы. Некоторые Томми упали на землю, остальные бросились на нас. Мы забрасывали их ручными гранатами до тех пор, пока они не подошли совсем близко; когда они бросились в штыки и мы вчетвером остались против целой роты, я крикнул: «В убежище!»

Таким образом, и эта группа была уничтожена. Капитан Шенинг после полученной им тяжелой раны

вскоре скончался. Лейтенант Тербергер был уже раньше в этом овраге взят в плен и с одним своим раненым спутником убежал из плена, но затем вторично был схвачен австралийцами и ограблен. Однако, противник не особенно позаботился об его охране, так что он снова попытался найти свою роту.

«Тогда мы, — пишет он, — были на расстоянии 30—40 *м* окликнуты по-немецки и заметили несколько влево от себя группу людей в наших стальных шлемах с одним пулеметом в боевом положении, выделявшихся на фоне поля. После короткого оклика мы хотели поскорее, насколько это было возможно с раненым, прорваться к ним, но в это время справа к нам подскочила как будто выросшая из-под земли группа австралийцев с пулеметами Льюиса. Было уже невозможно добраться до гнезда, но противник, повидимому, его еще не заметил. Мы были снова обысканы и затем отпущены на запад. Тут наш пулемет открыл огонь, и мы имели удовольствие видеть, как Томми начали кувыркаться».

Однако, этот эпизод разыгрался уже в окружении подходивших неприятельских резервов, которые бросились со всех сторон на огонь пулеметного гнезда и покончили с ним.

Что же мог теперь сделать батальон 2-го эшелона и что он фактически сделал? Он подошел лишь в ночь на 8 августа, участка не знал и днем его вообще еще не видел. При этом командир батальона располагал лишь 2-й и 1-й ротами, остальные были в полковом резерве. Вначале и к нему от командира батальона первой линии не поступало никаких сведений. В то время, когда он еще раздумывал, что делать в таком тумане, началась ли уже атака, когда и в каком направлении использовать свои обе роты, первые танки уже появились в непосредственной близости от него. Лейтенант Лидинг, офицер для поручений при командире ударного батальона, пишет в своем дневнике:

«Когда я вызвал штаб полка и передал: «Тревога, противник атакует, перед нашим блиндажем стоит танк»,

мне кто-то ответил: «Друг, это вам приснилось!» В этот момент связь прервалась.

Тогда танк с сильным шумом пошел дальше, стреляя во все стороны из пулеметов и малокалиберных орудий, и исчез в естественном и искусственном тумане. Мы с нашими посыльными и телефонистами заняли небольшой скат, на котором был устроен наш блиндаж. Кроме нескольких винтовок, мы имели еще один пулемет, и при нас же был начальник пулемета. Лишь теперь пришли посыльные от батальона первой линии и от передних рот: противник прорвался; капитан Шенинг при смерти.

Оберлейтенант Шпенглер, командир 1-го батальона 97-го пех. полка и командовавший резервом, теперь понял, что мы не сможем удержать скат, и приказал пулемету перейти в ближайшее пулеметное гнездо, в песчаную яму[1]. Адъютант лейтенант Бергерхоф пошел еще раз в блиндаж, чтобы сжечь карты, приказы и т. п. Оттуда он уже не возвратился, так как Томми успели войти туда через другой вход.

В песчаной яме, кроме Шпенглера, начальника пулемета с пулеметом и меня, очутился еще один посыльный. Остальные пали под пулеметным огнем, как раз в этот момент открытым по нас прорвавшимся противником. Вслед за нами сюда из левого соседнего полка пришел еще один капитан с одним пулеметом и несколькими людьми (стр. 127). Он взял на себя командование. Все 3 пулемета были поставлены на позиции в разных направлениях, каждый под командой офицера. Вначале мы открыли огонь по большому количеству танков, которые проходили мимо нас на расстоянии 10—20 *м*. Так как мы не могли пробить их толстую броню, то оставили их в покое (они продолжали прямо свой путь) и направили свой огонь на появившихся за ними Томми, часть которых была уничтожена, а остальные принуждены были отойти назад. Так прошло много времени, в течение которого мы себя успокаивали: сейчас должна притти и наверное придет поддержка. Тут у моего пулемета кончились патроны, и на правом фланге раздалось гудение

[1] Вероятно, юго-западнее Серизи (карта 2).

подходившего нового танка. За ним следовали густые толпы австралийцев. Я повел Шпенглера к среднему пулемету и показал направо. В этот момент он был ранен[1]. Тогда противник бросился на него и его пулемет. И наш третий пулемет, у которого стоял капитан, теперь также замолчал».

Лейтенант Лидинг использовал момент, когда противник занялся пулеметом оберлейтенанта Шпенглера, и бросился в туман искать соприкосновения с 3-й и 4-й ротами.

От 2-й роты 97-го полка не было никаких сведений, но в ее районе был слышен интенсивный бой. 1-я рота еще до появления танков или пехоты получила сведения о начале атаки.

«Рота тотчас же развернулась, но огня мы еще не могли открыть, так как все время спереди подходили свои бойцы.

Мы задержали их, чтобы усилить нашу позицию. Наконец, метрах в 30 я опознал английские шлемы. «Огонь!» Как наши храбрые бойцы, особенно пулеметчики, стреляли! Противник моментально ответил на огонь. Вследствие небольшой дистанции обе стороны понесли большие потери.

Внезапно на левом фланге появился один танк. Пулеметы открыли по нему огонь, но он, нисколько этим не смущаясь, спокойно пополз дальше, вышел в тыл левому взводу и открыл из своего пулемета огонь по всей роте» (рассказ командира 1-й роты 97-го полка, лейтенанта Геймера).

Все, кто остался от этой роты, отошли к командиру батальона или к 3-й и 4-й ротам, все время уклоняясь по дороге туда от встречи с отдельными танками, которые уже находились в тылу их прежней позиции.

Из всех приведенных выдержек можно притти к выводу, что по обеим сторонам дороги Амель, Серизи

---

[1] Оберлейтенант Шпенглер уже раньше потерял глаз, теперь у него был выбит другой.

рано утром прошла сильная группа танков и без значительной задержки добралась до первого района расположения группы Шпенглера, где танки разделились, чтобы свернуть как через Серизи на Моркур, так и в овраг Лазарет. Кроме того, другой группе танков, которая двигалась через высоту Дэвиц немного позднее, должно быть, удалось пробраться в балку Бухгейм, так что части, расположенные на высоте Дэвиц и севернее ее, были охвачены с обоих флангов танками и следовавшей непосредственно за ними пехотой. Таким образом, и фронтальная атака продолжалась. Оставшиеся после первого эшелона очаги сопротивления были добиты последующими эшелонами атакующего. В 7.20 противник на участке 97-го полка достиг своей первой цели. Весьма вероятно, что танки, а также пехота, используя неожиданно быстрое развитие атаки, к этому моменту уже прорвались до Серизи и закрепились на восточном скате балки Лазарет. Если бы противник соответственно приказу сделал по достижении первой цели двухчасовую остановку, то он был бы обнаружен, прежде чем успел бы захватить две стоявшие в балке Бухгейм батареи (7-ю и 2-ю 43-го полка легкой артиллерии). Но последние еще раньше оказались в его руках. Теперь, после окончания боя не только 3-м батальоном, но и 2-й и 1-й ротами 97-го полка, наступила пауза, которая была на-руку 3-й и 4-й ротам 97-го полка, стоявшим на скате, прилегавшем вплотную к дороге Моркур, Серизи. Здесь собрались все отходившие с фронта, кому не удалось уйти через Серизи на северный берег Соммы. Важными факторами в этом бою были: присутствие здесь еще не успевшего смениться штаба 202-го рез. пех. полка и постепенно перенесенная сюда с северного берега Соммы артиллерийская поддержка.

Майор Кульвейн фон-Ратенов, командир 202-го рез. пех. полка, сообщает:

«Около 7.00 с фронта были получены первые сведения, согласно которым противник на нашем участке и на фронте соседней слева дивизии прорвался через пе-

редний край и с большим количеством танков и следующей за ними пехотой находится поблизости от командного пункта полка. Возникшая вначале тревога была быстро ликвидирована путем организации сопротивления. Оба энергичных офицера для поручений при штабе — лейтенант Флах и лейтенант Отто — были распределены по позициям. Стоявшая до сего времени на позициях пулеметная рота 201-го рез. полка, смененная как раз в этот момент, пришла более чем кстати и была тотчас же поставлена на позиции, она потом оказала мне неоценимую услугу.

Едва успели 3-я и 4-я роты 97-го полка и эта пулеметная рота занять позиции, как уже перед нами и на правом фланге в непосредственной близости появились танки. Вначале возникла опасность наступления танковой паники, однако ободряющие слова и действия пулеметов способствовали предотвращению этого.

И когда почти одновременно огнем наших пулеметов и связками ручных гранат сначала два, а затем еще два танка были подожжены и остановлены, то на первое время опасность миновала.

Однако, затем мы, к сожалению, были охвачены на нашем открытом левом фланге, где соседняя дивизия отошла назад поспешнее, чем мы. Танки остановились там, где уже не было никаких частей, на гребне высокого ската, и открыли из пушек и пулеметов фланговый огонь по моей позиции. Я вскоре понял, что дальнейшее сопротивление бесцельно, поскольку у нас отсутствовала артиллерийская поддержка. До сего времени я считал своим долгом держаться на передовой позиции до последнего момента, в расчете, что таким путем при последующем введении резервов неприятельская атака может быть остановлена. Но так как резервов больше не было, не было никакого смысла бесцельно приносить в жертву 100 человек. Они в течение нескольких часов оборонялись с упорством, какое они только могли проявить.

Сначала я отвел пулеметную роту 201-го рез. полка назад на канал Соммы, чтобы прикрывать отход. Затем в 10.20 я отдал приказ на отход. Было очень трудно

отходить через совершенно открытый луг шириною свыше 500 *м*. Много храбрых бойцов было здесь убито. И все же отход, в конце концов, был проведен гораздо удачнее, чем я смел надеяться. Противник своей пехотой вышел на высоту так поздно, что уже не мог причинить нам много вреда».

Похвальный отзыв майора фон-Кульвейн в отношении неподчиненных ему частей позволяет определить, что настроение и боевой дух пулеметной роты 201-го рез. полка и рот 97-го полка ещё находились на большой высоте. Командир упоминаемой здесь 3-й роты 97-го полка лейтенант Имиг говорит об этом и об отдельных эпизодах боя на гребне этого ската следующее:

«Настроение бойцов было хорошее, все еще держался старый дух. Плохие бойцы из пришедшего пополнения были вскоре снова удалены.

Все офицеры и солдаты одинаково ели лишь то, что давала полевая кухня. Я особенно подчеркиваю это, так как каждый из бывших солдат моей роты, навещавших меня после войны, в первые же полчаса беседы обязательно упоминал об этом незабываемом факте.

Отдых до 7 августа, к сожалению, был испорчен погодой. Тягостная жара, грозы с ливнями и последующими обложными дождями. Сырость проникала в бараки через плоские толевые крыши. Неприятельские летчики забрасывали нас листовками. В письме от 31 июля я писал: «Храбрый мушкетер с удовольствием читает листовку и смеется над глупостью».

7 августа пополудни мы выступили на фронт. Что произошло на фронте, где находятся неприятельские и наши позиции, никто из нас не знал. Следующий день должен был внести во все эти вопросы полную ясность. Мы ничего не подозревали и пребывали в абсолютном спокойствии и безопасности.

Спокойно влезли мы в наши убежища (штольни и ямы у подножья ската). Во сне перед утром мне несколько раз показалось, что я слышу неоднократно раздававшийся орудийный огонь, но я проснулся только тогда,

когда ко мне вскочил унтерофицер Дитрих с криком: «Англичане прорвали фронт и должны сейчас быть здесь!» Тогда я быстро надел сапоги и мундир, нахлобучил стальной шлем, схватил пояс и пистолет, поднял часть по тревоге и занял верхний гребень ската. В густом, видимо, искусственно усиленном тумане ничего нельзя было видеть в 20 шагах от себя, а в громе орудийной стрельбы, в свисте и треске снарядов нельзя было разобрать своих собственных слов. Но вот мы услыхали со стороны Серизи в нашем тылу, на дороге и у подошвы ската шум подходившего танка. Мы переменили фронт и расположились на верхнем гребне ската. Напрасно напрягали мы наши глаза, чтобы заглянуть за стену тумана. Внизу на дороге бешено трещали оба наших станковых пулемета; танк беспрерывно стрелял из малокалиберных пушек и пулеметов, однако стал отходить на Серизи. Поднятым шумом были разбужены последние продолжавшие спать в убежищах люди, которые, карабкаясь по скату, прибежали к нам; лишь некоторые разбежались. Мы снова переменили фронт и организовали впереди усиленную разведку. Противник осыпал нас гранатным огнем, не причиняя нам, однако, на наших отличных позициях особенного вреда. Осколки разрывавшихся перед нами снарядов пролетали поверх нас, а шипевшие непосредственно над нашими головами гранаты падали внизу, на Сомме, поднимая столбы грязи и воды высотою с дом. Самолеты противника спускались на высоту до 20 *м* и трещали по нас из своих пулеметов; был сплошной ад. Вдруг перед нами вынырнул выглядевший в тумане гигантом танк, который стал медленно ползти вперед, непрерывно стреляя из своих малокалиберных пушек и треща своими пулеметами. Насколько позволяли наши средства, мы отвечали ему тем же, однако все пули без всякой пользы рикошетировали, и мы не могли его остановить. Теперь танк подошел к нам вплотную; мы оттянули пулеметы назад и плотно прижались к верхнему гребню ската; танк был совсем перед нами и шел прямо через головы наших бойцов; еще метр — и он перекатится через гребень. Однако, командир танка, очевидно, понял обстановку: шипя, мотор снова пришел в движение, чудовище медленно по-

ползло назад и исчезло в дыму и тумане. Мы снова быстро изготовились к открытию огня, но ожидавшаяся пехота не показывалась, перед глазами не было никаких целей.

От командира 202-го рез. полка пришел приказ выслать на Сериэи разведывательный дозор. Унтерофицеры Дитрих, Антон и Мюллер вызвались итти добровольно. Поручик Шпентлер, который дрался где-то впереди нас, прислал за подкреплением. Я послал ему 2 легкопулеметные группы, которые скрылись в тумане. Дозор Дитриха вернулся. Он нашел Сериэи еще не занятым пехотой противника, но на противоположной окраине селения нарвался на два неприятельских танка и, преследуемый их огнем, прошел невредимым обратно через полосу артиллерийского огня, который велся по селению. Перед нами снова появился один танк и остановился на расстоянии почти 50 *м*. Унтерофицер Антон подозвал меня: «Этот не может дальше двигаться: у него стал мотор!» Опытное ухо Антона (он был механик из Лудвейлер под Саарбрюкен), несмотря на грохот боя, уловило тщетные попытки командира танка снова привести мотор в движение. Мы обстреляли пулеметным огнем обращенный к нам и стрелявший боевой борт танка и достигли желаемого результата: одна из наших пуль попала в ствол танкового пулемета и разорвала его дульную часть. Другие пули, видимо, попали в ствол малокалиберной пушки, так как и она замолчала. Теперь вперед! Антон соединил вместе и связал несколько ручных гранат; мы стояли перед бронированным чудовищем, лихорадочно ища его уязвимое место. Антон взобрался наверх и заглянул через один открытый люк в искаженные лица экипажа. Прежде чем он, однако, успел швырнуть туда свой заряд, люк был закрыт. Мы бросились на землю, Антон рванул запал своего заряда и бросил его на крышку танка; к сожалению, заряд не взорвался. К счастью, здесь оказалось еще несколько ручных гранат; третья или четвертая взорвалась и детонировала также все остальные. Произошел страшный взрыв, в танке вспыхнуло пламя, и сбоку открыли люк. Танкисты, на которых загорелось платье, выскочили из танка и начали, крича от боли, кататься по земле. От-

крылся и передний люк, из которого, также крича от боли, показался командир танка. Сильные руки вытащили его оттуда и потушили на нем огонь. Я вынужден был остановить нескольких особенно сильно возбужденных и раздраженных людей, схватившихся, было, за оружие. «Офицер, офицер!» — умоляюще закричал один. Пленные были отнесены вниз по скату в штольню и перевязаны. В танке беспрерывно взрывались горевшие огнеприпасы, и оттуда вырывались клубы сильного дыма. Неприятельской пехоты все еще не было видно; лишь довольно сильный огонь велся спереди из-за стены тумана, причиняя нам все большие и большие потери. Появившийся новый танк пошел параллельно верхнему гребню ската, ведя очень сильный огонь. Мы также открыли огонь, но, к сожалению, безрезультатно. Пулеметчик Принц оставил свой расстрелянный ручной пулемет и бросился к станковому, у которого расчет был перебит или ранен. Унтерофицер Антон поднес патроны, и новый град пуль затрещал по броневым стенкам. Тогда экипаж внезапно выскочил из танка и попытался занять позицию позади него, однако был тотчас же перебит находившимися тут же нашими бойцами...

И этот танк загорелся. Несмотря на успех, сильно поднявший в бойцах бодрость и боевой дух, позицию удержать не удалось».

Итак, здесь речь шла исключительно о бое с танками и самолетами противника. Не являются ли 4 подбитых танка теми же, которые батареи на северном берегу Соммы считали своими жертвами? Вряд ли! Части 97-го полка в том случае, несомненно, должны были бы заметить разрывы снарядов и не решились бы подойти так близко к танкам, если бы те обстреливались артиллерией. Могло ли так много танков сосредоточиться на одном месте? Безусловно могло, ибо если в первый этап боя каждому австралийскому полку было придано лишь по 12 танков, то во второй этап боя, а он как раз уже наступил, это число значительно увеличилось, так как каждой из двух вновь введенных здесь австралийских дивизий было при-

дано еще по 30 тяжелых танков. Следовательно, пораженные артиллерией танки находились ближе к Серизи и гораздо западнее, в районе, который группа Кульвейна, даже после того как туман рассеялся, плохо видела, так как овраг Лазарет находился для нее в мертвом пространстве. Но что пехота противника не подошла и что группе Кульвейна вообще удался отход через долину р. Соммы на Мерикур, за это она, сама того не зная, должна благодарить лишь упомянутую выше артиллерию.

Поддержка 3-му и половине 1-го батальонам 97-го полка со стороны расположенной на их участках артиллерии могла быть оказана лишь в слабой степени, так как, не говоря уже об обусловленной туманом неизвестности в отношении направления огня, здесь имелось лишь 3 легких батареи и 13 тяжелых орудий 43-й рез. дивизии. Их позиции были известны противнику и обстреливались сильным огнем. 8-я батарея 4-го рез. полка тяжелой артиллерии должна была преждевременно замолчать, так как все ее орудия вышли из строя. 7-я батарея 43-го рез. полка легкой артиллерии время от времени подавлялась огнем одного танка, 2-я батарея того же полка, видимо, также сильно пострадала от неприятельского огня. Нигде не могло спастись ни одно орудие. В 10.20 бой на участке 202-го рез. полка прекратился, вся артиллерия замолчала и попала в руки к противнику.

2. 13-я пехотная дивизия.

Один лишь взгляд на схему расположения 13-й пех. дивизии[1] может каждому, кто лично не видел этого участка, доставить полное удовлетворение. Здесь имелась сразу же за передовыми постами сплошная линия удобных для обороны местных предметов и еще дальше в лесу одна линия таких же укреплений. Следующим рубежом служила линия сопротивления бое-

[1] Расположение, показанное на карте 2, точно соответствует официальным документам дивизии (масштаб 1 : 25 000).

вого охранения, лежавшая ниже главной линии сопротивления, передний край которой проходил по линии господствующих высот. Между этим рубежом и очень удачно выбранными на обратном скате позициями, прикрывающими артиллерию, находились еще 3 сильных опорных пункта на крутых обочинах дороги Сайи, Варфюзе. Многочисленные пулеметные гнезда и минометные позиции были разбросаны по всей глубине оборонительной полосы. Весь район был окутан проволочными заграждениями. Обороняющиеся части размещались в значительном количестве убежищ. Все сказанное давало право надеяться, что 6 батальонов, находившихся в первой и во второй линиях дивизии, безусловно будут в состоянии удержать этот не слишком широкий участок даже в том случае, если австралийцы снова будут его атаковать так же энергично, как и 4 июля (стр. 42).

Но не было ли слишком много пехоты в боевом охранении и, напротив, слишком мало на переднем крае и позади него? Ведь основной принцип обороны состоит в том, что если мы хотим все время противопоставлять противнику по мере его продвижения вперед нарастающее сопротивление, то в боевом охранении нужно иметь лишь слабые посты, за ними более сильные группы и, наконец, на линии главного сопротивления главную массу обороняющихся войск, перед которыми атака должна задержаться. В этом случае было почти наоборот: на линии сопротивления боевого охранения и впереди было 13 рот, на линии главного сопротивления и в глубине — 11 рот. Причину этого можно легко объяснить. При активности ударных частей австралийцев передовые посты часто атаковывались во фланг и захватывались в плен. Чтобы воспрепятствовать этому, необходимо было иметь небольшие промежутки между постами и вблизи иметь наготове ударные группы, которые смогли бы быстро прогнать противника. Кроме того, уже для одного только удержания закрытой лесной местности необходимо было иметь достаточные силы в боевом охранении. $7^1/_2$ слабых рот, растянутых на фронте в 3000 *м*,

едва ли было достаточно; отмеченные на карте жирным красным цветом прямоугольники легко дают обманчивое представление о сильных и компактных боевых группах там, где в действительности было расположено в лучшем случае по 8—12 человек с одним ручным пулеметом; все остальные ушли в наряд на посты, в разведку, на работы, на подноску пищи и т. д. Такая пропорция сил впереди, естественно, была создана за счет ослабления сил на последующей линии, которая в свою очередь могла быть усилена лишь за счет отдыхавших батальонов. Однако, в частях, которые в лучшем случае были «способны выполнять оборонительные задачи лишь на спокойном участке фронта», нельзя было посягнуть на сокращение короткого отдыха хотя бы одного батальона.

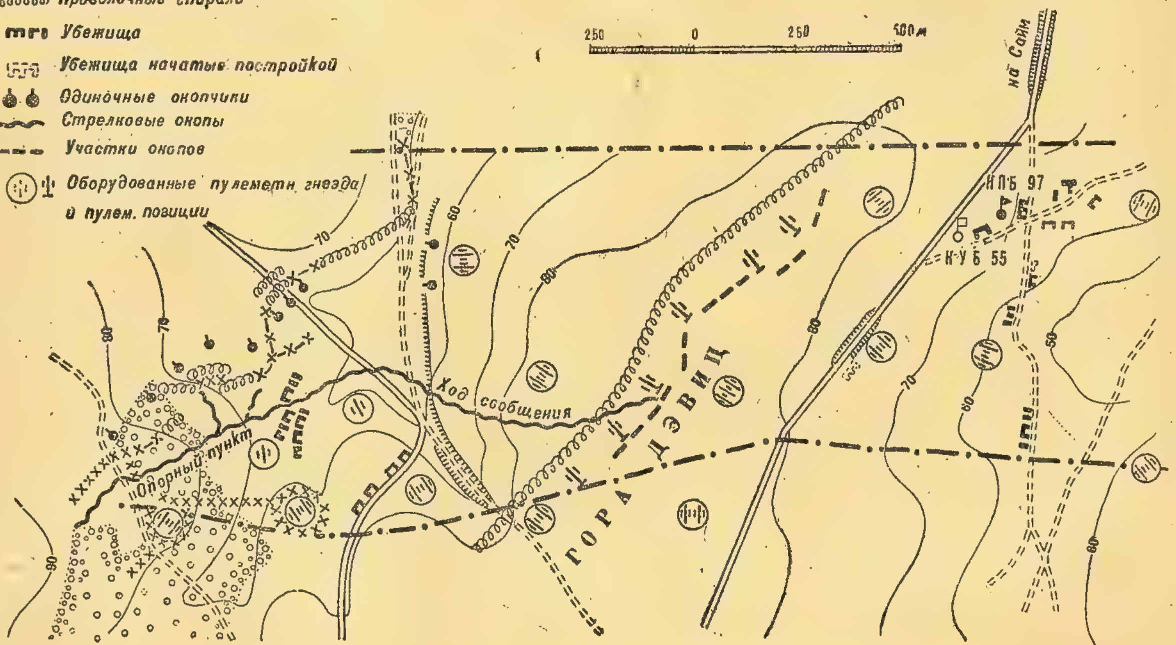
Однако, благоприятный внешний вид схемы расположения весьма основательно расходился с действительным состоянием оборонительных сооружений. Из показанного на бумаге фактически почти ничего не было. Нельзя без ужаса смотреть на чертеж, изображающий участок 55-го пех. полка (схема 3 на стр. 123). В других полках положение ничем существенным не отличалось от этого.

Где позиция сопротивления боевого охранения, где позиции, прикрывающие артиллерию? Жалкие проволочные заграждения! Главная позиция сопротивления состоит лишь из нескольких окопных участков и шести пулеметных гнезд, от нее ведет единственный ход сообщения вперед.

Командование дивизии дало следующие указания о способах ведения оборонительного боя:

> «Если возникнет опасность, что боевое охранение может быть отрезано, последнее должно отойти на главную линию сопротивления, которую, безусловно, необходимо удержать или снова захватить с линии позиций, прикрывающих артиллерию. Эта контратака, однако, должна последовать настолько заблаговременно, чтобы она уже началась, когда противник приблизится к переднему краю обороны».

Схема 3. Состояние оборудования пехотных позиций на участке 1-го батальона 55-го рез. пех. полка 8 августа 1918 г.

Короче и яснее эту в общем правильную установку выразить нельзя. Однако, что произойдет, если указанная опасность не будет своевременно опознана и поэтому контрудар нельзя будет предпринять своевременно? Тогда ровно одна треть или даже половина пехоты выпадет из боя на переднем крае, и противник достигнет его до контрудара. А опасность того, что боевое охранение может быть отрезано, была особенно велика, главным образом, на участке 3-го батальона 55-го полка, так как расстояние до позиции от западного ската балки Небель к восточному скату оврага Вутенау давало противнику возможность атаковать с севера через этот овраг во фланг три передовые роты, если овраг Вутенау не будет заперт сильным артиллерийским огнем, в особенности против танков. Поскольку лесистая местность исключала использование там танков, тем более вероятным было, что противник попытается охватить этот район, направив танки с севера и юга. Фактически он это и проделал, притом довольно основательно.

В отношении артиллерии тоже не все обстояло столь благополучно, как это можно предположить по схеме. В результате предшествовавшего сильного действия неприятельской артиллерии батареи 58-го полка легкой артиллерии имели в своем составе не положенные им 36 орудий, а лишь 27. Еще хуже было положение в тяжелой артиллерии: 1-я, 2-я и 3-я батареи 151-го полка тяжелой артиллерии имели вместо 12 только 7 действующих орудий, 6-я батарея 7-го рез. полка тяжелой артиллерии—3 орудия и вновь введенная в дело лишь в последнюю ночь 3-я батарея 146-го полка тяжелой артиллерии — 2 орудия, которые, однако, еще не были пристреляны; таким образом, вести огонь могли лишь 10 тяжелых орудий.

Само собой разумеется, и на этом участке также прошло очень много времени, пока все батареи открыли огонь на уничтожение. Что этот огонь при недостаче многих орудий не мог быть особенно действительным и непрерывным, было неизбежно. Однако, главное несчастье было в том, что как раз в обеих северных

легких батареях (9-й и 2-й 58-го полка легкой артиллерии) к 5.30 вышли из строя по 2 орудия (из трех), так что артиллерийская поддержка наиболее слабой части фронта дивизии (участок 3-го батальона 55-го полка) была весьма незначительна. Во всяком случае, о сколько-нибудь достаточном заградительном огне по оврагу Вутенау не могло быть и речи.

Таким образом, неприятельские танки имели возможность беспрепятственно выйти во фланг 3-му батальону 55-го полка. Это обстоятельство должно было быстро решить судьбу не только обеих передовых рот, но и подразделений этого батальона, расположенных в глубине. В то время как передовые роты были настолько захвачены врасплох атакой, последовавшей непосредственно вслед за открытием ураганного артиллерийского огня, что в 11-й и 9-й ротах вообще не было слышно пехотного боя, роты, расположенные в глубине, сразу же оказались охваченными атаковавшими с фланга танками.

«Передовая линия была столь быстро сбита потому, что атака пехоты началась тогда, когда артиллерийский огонь велся еще по передовой линии. Командный пункт командира батальона находился еще под сильнейшим огнем, когда стрелковые цепи, как призраки, уже стояли перед нами. Люди из передовой линии, насколько я мог наблюдать, назад не возвратились» (доклад адъютанта 3-го батальона 55-го полка лейтенанта Нолес, единственного уцелевшего офицера батальона).

Об участи 11-й роты краткое пояснение дает сообщение ее командира лейтенанта Хофкен:

«Как только огонь был перенесен дальше, большое число танков пошло через прилегающие долины в атаку, так что мы сразу же были совершенно окружены».

То же самое пишет командир 9-й роты 55-го полка лейтенант Хохмут:

«Едва только огонь был перенесен в глубину, мы сразу же услыхали грохот танков. Короткое время мы вели

огонь прямо в туман по предполагаемым целям, однако быстро были вынуждены от этого отказаться, так как он был бессмыслен, и мы не хотели угрожать своим же частям».

Батальон был целиком взят в плен, командир 12-й роты убит, а командир 3-й пулеметной роты тяжело ранен.

Сопротивление пулеметов, расположенных на переднем крае, тоже могло длиться очень недолго, так как разгром переднего края быстро сказался и на положении батальона 2-го эшелона. Его командир капитан Клас сообщает:

«Наконец, при все усиливающемся огне я встал и надел сапоги, чтобы посмотреть, что делается справа. Когда я поднялся наверх к выходу из убежища, мне навстречу бросился один артиллерист и доложил, что англичане многочисленными танками прорвали наш фронт и что английская пехота наступает густыми массами. Он видел уже, что англичане проникли к находящемуся в 100 шагах позади моего командного пункта убежищу (там был расположен штаб соседнего батальона). Полагая, что этот парень обезумел, я спросил его, откуда он пришел. Он пришел из штаба передового батальона и должен был передать донесение артиллерийского офицера для связи лейтенанта Вернер. Если этот человек действительно видел то, о чем говорил, то англичане уже фактически находились в тылу моего батальона. Только резервной роты, которая была расположена несколько позади, они не могли еще достичь. Я решил, несмотря на все еще сильный огонь, оставить командный пункт, чтобы пойти в одно из подразделений широко растянутого батальона и принять личное участие в бою. Кругом стоял туман, так что в 10 шагах ничего не было видно. Мы блуждали по местности и, наконец, пришли к одному занятому нашей резервной ротой убежищу. Я отдал приказ командиру роты лейтенанту Нивег немедленно занять позицию фронтом к противнику. Из правого соседнего полка прибежали люди и донесли, что англичане обошли нас справа и уже находятся в нашем тылу. В конце концов, мы по-

шли назад и наткнулись на батарею полевых пушек[1]. Орудийных расчетов не видать: они сидят в убежищах. Я приказал моим людям занять позицию между орудиями и вызвал артиллеристов из убежищ. На мой вопрос, почему они не стреляют, они сообщили, что только что мимо них прошло много танков, которые открыли по батарее такой сильный огонь, что они вынуждены были искать защиты в убежищах. Я приказал батарее немедленно открыть огонь. Она открыла огонь, и мы на некоторое время отделались от противника. Когда же по нас открыли пулеметный огонь с тыла, люди уже не могли дольше держаться. Некоторые бросили винтовки и начали удирать. Остальные пали духом, и мы не могли уже повлиять на них, чтобы они остались.

Тогда мы стали отходить дальше и встретили юго-западнее Серизи несколько станковых пулеметов. При них был один офицер, обер-лейтенант нашего соседнего полка[2]. При его содействии я устроил один пулемет в гнезде на дороге Серизи, Ламот. Мы имели всего в наличии 4 станковых пулемета; два из них мы поставили на позицию западнее дороги, а два на дороге или около нее для защиты против танков. В этих пулеметных гнездах мы держались 3 часа — с 8.00 до 11.00. Продвигавшиеся вперед английские стрелки были остановлены нашим огнем. Тогда они выслали вперед свои танки. Различными средствами последние были отбиты, однако несколько раз они добирались через наши пулеметные гнезда до дороги, ведя при этом огонь с обоих бортов из пулеметов и малокалиберных пушек. Тогда мы выбрались как можно скорее на скат западнее дороги (местность здесь поднималась довольно круто) и, таким образом, избегли охвата. Лейтенант Пипер (адъютант 2-го батальона 55-го полка) бросил с верхнего гребня ската на крышу одного танка связку ручных гранат; окутанный дымом, танк удрал. В конце концов мы были вынуждены сдать и этот опорный пункт, так как мы расстреляли все наши патроны. Из

[1] См. примечание к стр. 128.

[2] Обер-лейтенант Шпенглер, командир 1-го батальона 97-го полка.

рядового состава несколько человек, частично раненые, попали к противнику в плен. Храбрый оберлейтенант был ранен в голову. Под огнем неприятельских пулеметов и танков мы добрались до крутого ската северо-западнее Моркур, который был занят нашими частями. Из моего батальона, кроме Пипера, при мне не было ни одного человека. Мы отправились к северо-западной окраине Моркур, где надеялись встретить наш штаб полка. Дом был пуст, но англичан еще не было видно. Мы поспешили в Моркур, чтобы выйти к нашему 1-му батальону, который должен был стоять в резерве в Ганноверском лагере, непосредственно восточнее и юго-восточнее этого селения. Однако, это было невозможно. Сильный огонь противника, который велся по Моркур, принудил нас оставить деревню и отойти на север к долине Соммы».

Лейтенант Нивег, командир 5-й роты 55-го полка, дополняет это сообщение:

«Мы быстро заняли указанную капитаном фон-Клас позицию (на ней не было ни одного окопа) и выслали к правому соседу дозор. Неприятельские снаряды ложились теперь позади нас. В тумане ничего не было видно. Я приказал, не целясь, открыть огонь из винтовок и пулеметов прямо в туман. По отчетливо слышимому шуму здесь должно было действовать большое количество танков и самолетов. Вскоре огонь, который до сих пор был слышен со стороны правого соседа, совершенно прекратился. Высланные туда новые дозоры обратно не возвратились. Следовательно, противник, должно быть, продвинулся там дальше и поэтому имел возможность охватить нас с тыла. Начатый по приказанию капитана фон-Клас отход на батарею, которая, впрочем, перед тем вела огонь, совершен был в порядке. Отдельные орудия этой легкой гаубичной батареи, которые еще не были испорчены, вели самый интенсивный огонь. Другие батареи, мимо которых мы проходили, были полностью подавлены[1]. Мы при-

[1] Противоречие в сообщениях фон-Класа и Нивега (легкие пушки и легкие гаубицы) является неясным. Вероятно, здесь идет речь о 7-й батарее 43-го рез. полка легкой артиллерии,

крыли батарею; рота, имевшая в своем составе еще около 30 человек (один взвод с самого начала был выделен из роты вперед и еще не возвращался в роту), разделилась пополам при одном ручном пулемете в каждой группе и заняла позицию справа и слева. Местами стали появляться плоские шлемы австралийцев, по которым тотчас же открывался огонь. Орудия стреляли на близкие дистанции. Повсюду слышно было гудение танков; неприятельские летчики причиняли нам заметные потери своими бомбами. Вдруг с тыла по нашим рядам был открыт огонь из орудий танка, который под прикрытием тумана проник в лежавшую непосредственно позади нас лощину и положил конец обороне».

Часть роты отошла на Бригадный хребет, где еще раз пыталась взяться за оружие, другие группы пришли в 3-ю и 4-ю роты 97-го полка, а находившийся на правом фланге лейтенант Бальцер встретил группу Шпенглера — фон-Класа и ввязался здесь в последний, отчаянный бой, который он провел до своего пленения.

Точных сведений о бое остальных подразделений 2-го батальона 55-го полка не имеется, однако установлено, что 7-я и 8-я роты вблизи своего исходного положения открыли огонь в туман. Но так как они не могли установить связь с соседями справа или слева, они сделались жертвой охвата, не будучи в состоянии на долгое время задержать противника.

На среднем полковом участке (13-й пех. полк) судьба готовила переднему батальону такую же участь. В то время как три передовые роты, внезапно атакованные пехотой противника с фронта, смогли лишь предпринять короткую контратаку, танкам удалось, главным образом с севера, прорваться до главной линии сопротивления. Командир 12-й роты был сразу же убит. Из офицеров 3-го батальона уцелели лишь адъютант, лей-

---

которая имела 6 орудий и стояла на позиции в двух группах. Так как здесь стояла лишь эта батарея, то, вероятно, под «другими батареями, мимо которых мы проходили», необходимо подразумевать одну из групп 7-й батареи.

тенант Гроос и офицер минометной роты лейтенант Кра. Первый сообщает:

«От передовых рот не поступало никаких донесений. Во время ураганного огня мы вынуждены были оставаться в своих убежищах. Когда огонь здесь несколько ослаб, я взял еще одну ракету и пустил ее. Затем я написал донесение, которое должно было быть послано с посыльной собакой в штаб полка. Тут я услышал, что пулеметные гнезда на линии командного пункта командира батальона открыли огонь. По пути к офицерскому убежищу я был внезапно застигнут группой австралийцев с пистолетами в руках. Мне ничего более не оставалось делать, как подчиниться их приказанию. С меня сняли снаряжение, и каждый взял себе по «сувениру»; затем меня схватили за ворот и приказали вести в направлении на наши тыловые позиции. Однако, я решил ввести этих парней в заблуждение. Между тем, их внимание было отвлечено, так как в убежищах они обнаружили еще нескольких немцев. Тогда я стремглав бросился бежать на главную линию сопротивления, которую я счастливо и перешел. 2-й батальон уже занял главную позицию сопротивления и был готов к открытию огня. Я оставил командира батальона в тот момент, когда лейтенант Шмидт (7-й роты) докладывал, что противник ворвался на главную позицию сопротивления».

Вклинение противника в главную позицию сопротивления последовало около 6.00, однако командир 5-й роты 13-го полка лейтенант Шольмейер считает, что австралийцы появились перед этой линией в первый раз вскоре после 5.30. Повидимому, гарнизон главной позиции сопротивления на некоторое время задержал противника перед передним краем. Этот офицер сообщает:

«Теперь непосредственно позади нас появились танки, которые обошли лес справа и слева. Вся местность была настолько покрыта туманом, что в 3 *м* ничего не было видно. Это было для нас наибольшим злом. Где бы что ни появлялось, мы открывали огонь, однако стрельба была напрасна: танки безжалостно продвигались вперед».

Лейтенант Гроос, между тем, прибыл в штаб полка. Прежде чем последний успел отдать дальнейшие распоряжения:

> «...мы уже услышали, — рассказывает адъютант полка лейтенант Штрук, — в лощине, позади командного пункта, англичан, подошедших справа. Возвращаясь назад, мы встретились с ними в лесу Регимент на расстоянии 5 *м*. Будучи обстреляны огнем ручных пулеметов, мы сразу же бросились на землю. Временно командовавший полком майор Нейман был тяжело ранен, я получил пулю в мякоть бедра».

Командира полка вынести не удалось. Адъютанту удалось уйти. Этот эпизод разыгрался около 6.30 и с такой быстротой, что прочие офицеры и солдаты штаба вообще ничего не заметили. Начальник связи лейтенант Вестфаль сообщает:

> «Мы сожгли еще карты, чертежи и пр. и, как только прояснилось, пустили почтовых голубей. Лейтенант Егер попытался еще собрать остатки штаба и прочих отдельных людей, прибывавших с фронта, и организовать оборону на краю оврага, в котором находился штаб. Сначала возле нас появились танки, а за ними, а по временам и между ними — пехота с ручными пулеметами...
>
> Неприятельское огневое окаймление восточнее командного пункта ложилось очень удачно. Как только я попытался продвинуться здесь, тотчас же был ранен. Когда меня позднее несли через передовую линию, я видел стоявших перед нею несколько танков, не способных к действию. Во всяком случае противник понес большие потери убитыми, а на английском перевязочном пункте, на линии нашей первой позиции, я видел очень много раненых неприятельских солдат. Мне здесь не смогли сделать перевязку, а сделали ее лишь на следующем, далеко позади находившемся перевязочном пункте, поблизости от которого стреляли отдельные германские орудия».

Итак, в 6.30 батальон 2-го эшелона тоже был почти разбит; лишь немногие бойцы обоих батальонов вышли из боя, а из штаба 2-го батальона уцелели коман-

дир с адъютантом и начальник связи. Командир 2-й пулеметной роты был убит.

Батальоном первого эшелона на левом полковом участке (15-й пех. полк) командовал особенно испытанный в боях поручик Бергхауз. По его показаниям, дополненным артиллерийским офицером для связи 58-го полка легкой артиллерии лейтенантом Лиманом, по обеим передовым ротам и пулеметным гнездам, находившимся между укрепленными местными предметами и позицией сопротивления боевого охранения (2-я пулеметная рота), велся очень сильный огонь из орудий малых и средних калибров, в то время как по указанной позиции велся более слабый огонь. С нашей стороны был открыт умеренный огонь; постепенно ослабевая, он почти смолк. И в этом возвышенном районе туман позволял наблюдать не далее чем на 5 *м*. Впереди был слышен огонь лишь отдельных пулеметов; видимо, обе передовые роты вообще не открывали сильного огня для отражения противника. Незадолго до 6.30 почти одновременно поступили два донесения от 4-й и 7-й рот 15-го пех. полка, что противник на их участках прорвался через боевое охранение и развивает наступление дальше. Затем ружейный и пулеметный огонь вдруг начал усиливаться, участились также разрывы ручных гранат, быстро приближаясь к командиру батальона. Несомненно, дело дошло до рукопашной схватки и энергичного отражения атаки противника, но не надолго. Около 6.50 сопротивление 7-й, 8-й и 4-й рот было сломлено. Вслед за этим поручик Бергхауз поспешил назад к командиру ударного батальона, чтобы побудить 1-й батальон 15-го пех. полка (без 4-й роты) к контрудару. Однако, вслед за его прибытием, т. е. сразу же после 7.00, командный пункт командира ударного батальона был атакован из-за правого фланга в тыл.

Командир ударного батальона капитан Занде тут же был тяжело ранен и выбыл из строя.

«С немногими, частично ранеными, оставшимися в живых людьми мы залегли в 50 шагах позади командира батальона, открыли огонь и попытались снова добраться

до командного пункта. Однако, противник уже успел выставить свои ручные пулеметы, и это стало невозможным. Тогда мы хотели вызвать 1-ю роту, но противник уже закрепился между нами и этим последним резервом, так что мы вынуждены были отойти на юго-восток» (донесение поручика Бергхауза).

Вероятно, 1-я рота 15-го полка была еще раньше сбита ударом с севера, так как уже в 6.20 австралийцы внезапно проникли из-за правого фланга в тыл 5-й батарее 58-го полка легкой артиллерии, притом так быстро, что последняя не имела даже времени уничтожить свои орудия. Вся батарея была целиком захвачена в плен. Из 2-го батальона 15-го полка вышло из боя только 3 офицера и 20 солдат, а из 1-го батальона того же полка — немногим больше. Удивительно, что оба батальона не донесли о танковой атаке. Еще до этого был выведен из боя штаб полка[1].

Теперь противник имел возможность преодолеть без боя последнюю полосу местности, отделявшую его от первой цели атаки, так как впереди гребня Гербер-Назе находилось всего лишь несколько пулеметов 22-й отдельной пулеметной команды; противник просто обошел их. Теперь должна была наступить длительная пауза, так как противник предполагал по достижении первой цели сделать двухчасовую остановку. Для артиллерии, которая за исключением 5-й батареи 58-го полка легкой артиллерии еще не была захвачена противником[2], туман, который долго не рассеивался, сыграл роковую роль. Она еще не подозревала, на каком рубеже находятся передовые неприятельские части, так как по неясным сведениям, которые сообщили пришедшие с фронта пехотинцы, нельзя было получить правильное представление об обстановке.

---

[1] Снарядом, разорвавшимся в убежище, были ранены: командир полка фон-Биля — смертельно, адъютант лейтенант Шпринг — легко; оба попали в плен.

[2] Действия артиллерийской группы у Ламот (7-я, 3-я и 6-я батареи 58-го полка легкой артиллерии и 2-я батарея 151-го полка тяжелой артиллерии) будут изложены дальше, при описании действий 41-й пех. дивизии.

Там, где еще имелись пригодные для боя орудия, из них велся огонь с максимальной скоростью, притом, например, 1-й батареей 58-го полка легкой артиллерии на слишком большую дистанцию (с 7.30 по переднему краю). В это время вообще вели еще огонь лишь 10 легких и 8 тяжелых орудий; остальные вышли из строя. Потеря всей артиллерии становилась неизбежной, если до 9.20 (время начала дальнейшего продвижения австралийцев) не подоспеют батальоны, стоявшие на отдыхе. Но они не пришли! И когда противник со свежей пехотой и еще большим количеством танков вновь двинулся вперед для захвата своей второй цели, батареи одна за другой попали в его руки. В 10.15 противник дошел до мортирной батареи, орудия которой в надежде на контратаку не были испорчены. Одновременно противник занял Моркур.

Находившийся в Моркур штаб 26-й пех. бригады получил первые достоверные сведения об угрожающе быстром продвижении противника лишь в 7.45. Но так как уже в течение 45 мин. связь с тылом была нарушена, он оставался в полном неведении о том, были ли отданы какие-либо распоряжения со стороны дивизии относительно использования стоявших на отдыхе батальонов и прочих пригодных для этого резервов. Сам же он не мог быстро связаться с этими частями, за исключением 1-го батальона 55-го полка, стоявшего лагерем в Римском овраге, около 500 *м* юго-восточнее Моркур, и еще в 6.30 поднятого по тревоге. К несчастью, только в прошедшую ночь командир дивизии ушел в отпуск; и командир бригады должен был вступить в командование всей дивизией. Теперь он передал командование бригадой, $^2/_3$ которой было уже втянуто в бой, случайно явившемуся к нему около 8.00 командиру 55-го полка и выехал вместе с ним из Моркур в направлении на Мерикур, чтобы как можно скорее установить связь со штабом дивизии. 1-й батальон получил приказ сначала занять скат восточнее Римского оврага. Но так как этот скат был уже под сильным обстрелом, а неприятельская воздушная эскадрилья в составе 30—40 самолетов

бросалась на каждое передвижение германских войск, 1-й батальон смог занять указанную позицию лишь около 9.30—9.45 (позиция показана на карте 2). За 10 минут до этого противник начал свое дальнейшее продвижение с первого рубежа; поэтому до появления его первых танков и пехотных цепей на высоте западнее Римского оврага прошло немного времени. Как уже говорилось, введенная в дело 4-я австралийская дивизия пошла в атаку между Соммой и Римской дорогой (включительно). Ей было придано не менее 30 танков и, кроме того, бригада легкой артиллерии, батареи которой уже с 9.45 выдвинулись на Бригадный хребет и южнее Серизи. Хотя часть этой артиллерии сопровождения и могла быть обстреляна действительным огнем батареи с северного берега Соммы (стр. 78—79), все же, при превосходстве противника в пехоте, танках и авиации, от 1-го батальона 55-го полка нельзя было ожидать длительного сопротивления. Влево на большое расстояние не видно было ни одного германского солдата, а позади жидкого фронта не было ни одного орудия, ни одного миномета и ни одного станкового пулемета. Все же огневой бой начался незадолго до 10.00 с надеждой на успех. 4-я рота подбила один неприятельский самолет; продвигавшаяся с фронта австралийская пехота заметно замедлила свой спуск в овраг, который, казалось, был неудобен и для танков. Однако, четыре этих чудовища весьма быстро пересекли овраг несколько южнее и направились с следовавшими за ними сильными пехотными волнами в охват левого фланга батальона.

Тем временем с северо-востока подошла пехотная поддержка, именно 3-й батальон 15-го полка, который, будучи поднят по тревоге штабом дивизии в своем лагере восточнее Мерикур и направлен к Римскому оврагу, около 9.00 встретил командира дивизии, приказавшего занять и удерживать высоту южнее Моркур. Однако, это уже было слишком поздно. Командир батальона капитан Бэм развернул свой батальон с высот в 1 *км* южнее Мерикур с целью занять хребет восточнее Римского оврага, не зная еще, где позиция 1-го ба-

тальона 55-го полка. Батальон 15-го полка должен был также пройти через полосу неприятельского артиллерийского огня и был атакован сильной авиацией противника. Около 10.30 батальон вступил в бой, развернувшись слабыми силами правее, а главными силами — восточнее 1-го батальона 55-го полка. Наступавшие все еще в большом количестве танки, подошедшие из леса, что севернее Римской дороги, тотчас же повернули еще далее на восток, чтобы и этому удлиненному фронту выйти во фланг и тыл. Одновременно танки пошли в атаку и из Моркур. Что пользы в том, что атаковавшие с фронта австралийцы были остановлены? Оба фланга 1-го батальона 55-го полка и 3-го батальона 15-го полка все глубже охватывались танками и следовавшей за ними пехотой. Около 11.00 положение уже сделалось безнадежным, дальнейшее упорное сопротивление с фронта не могло воспрепятствовать окружению, а когда вслед за этим фронт на обоих флангах начал трещать, отвести батальоны в порядке назад было уже поздно. Подкрепления не подходили, артиллерийская поддержка отсутствовала. Издерганные беспрерывными воздушными атаками, преследуемые огнем неприятельской пехоты, пулеметов и танками отдльные группы, успевшие еще отойти, рассеялись, а значительная часть после полного окружения вынуждена была сложить оружие. Около 11.30 и этот бой был закончен, противник своевременно достиг своего второго рубежа наступления.

Снова батареи, стоявшие на северном берегу Соммы, особенно 4-я, 1-я и 7-я батареи 243-го полка легкой артиллерии, обрушились своим огнем на противника, который теперь обошел уже слева их позиции. 4-я батарея подбила 2 танка восточнее Моркур и открыла огонь по батарее, выдвинувшейся на восточный фронт Римского оврага (юго-восточнее Моркур). 7-я батарея выбросила одно орудие через Мерикур на южный берег Соммы.

Отходивший как раз через Мерикур, вышедший из боя между Серизи и Моркур, лейтенант 3-й роты 97-го полка Имиг сообщает:

«По прибытии в Мерикур лейтенант 7-й батареи 243-го полка легкой артиллерии Шрер попросил у меня прикрытия, так как он хотел пройти через деревню, чтобы подбить один танк, проходивший мимо, около 1 000 *м* южнее. Орудие заняло позицию на южной окраине; один унтерофицер навел орудие и открыл огонь; 2 снаряда упали возле самого танка, третий попал прямо в него. Чудовище окуталось дымом и огнем».

Ввиду того что противник встретил препятствие при своем движении на север, он перестал придавать значение движению на Мерикур и пытался атаковать свою третью цель — выс. 84 северо-западнее Прояр — с юго-запада. Он мог это выполнить сравнительно легко, потому что в районе 13-й пех. дивизии больше уже не было даже остатков резервов, которые могли бы выставить заслон против охвата противника со стороны Римской дороги. Из имевшихся еще здесь резервов первым, по получении первых катастрофических сведений, самостоятельно выдвинулся вперед отряд связи дивизии [1]; имея целью занять важнейший пункт в этом районе, а именно выс. 84, он захватил с собой один легкий миномет. Затем для занятия той же высоты штаб дивизии направил 1-й батальон 13-го полка. Около 9.45 обе эти группы расположились в старых окопах, на высоте и севернее ее. Влево от них развернулся около 10.30 2-й батальон 203-го рез. полка [2], он занял хребет южнее выс. 84, почти до дороги Прояр, Моркур. Но дальше по направлению к Римской дороге наших войск больше не было.

Командир группы связи лейтенант Гаупт сообщает:

«После того как рассеялся туман, перед нами открылась угрожающая картина. По ведшим с запада дорогам, особенно по Римской дороге, двигалась сильная неприятельская пехота, частично в колоннах по отделениям. На

[1] Он состоял из не использованных к тому времени радистов, светосигнальщиков и вожаков собак пехотных полков, всего около 40—50 человек.

[2] Ударная часть 13-й пех. дивизии, до сего времени стоявшая в Вотезском лагере северо-западнее Прояр.

Бригадный хребет открыто выехала артиллерия. Никаких признаков германского сопротивления не было видно Около полудня против нашей высоты развернулась редкая стрелковая цепь англичан. Лишь когда она приблизилась на 300 *м*, я приказал открыть огонь. Полностью захваченный врасплох противник понес значительные потери и тотчас же отошел назад. Огромные массы войск, а за ними сзади эскадры танков, артиллерия, конница и автогрузовые колонны медленно продвигались вперед. Между тем, подошел стоявший на отдыхе 1-й батальон 13-го полка.

По непонятным причинам англичане не открыли огня по высоте и не продолжали наступления; в то же время благодаря отсутствию германского артиллерийского огня они стали совершать свое движение все более открыто. У нас же не было совершенно никакой связи с тылом. Поэтому я решил попытаться вызвать артиллерию. Случайно я встретил 9-ю батарею 43-го рез. полка легкой артиллерии. Весьма энергичный командир батареи ответил, что он готов поспешить к нам на помощь, и скрытно выехал на позицию на скат восточнее выс. 84, расположив свой наблюдательный пункт на нашей высоте. Действие первых гранат по марширующим английским колоннам, особенно на Римской дороге, было исключительным. После первого огневого нападения обстрелянные части противника остались лежать на дороге буквально рядами. Этими блестящими действиями батареи следует объяснить тот факт, что противник приостановил свои действия, а настроение моих людей сильно повысилось. Тем временем с фронта подошло еще несколько отставших. Это были большею частью еще дисциплинированные солдаты, которые охотно присоединялись ко мне или к 1-му батальону 13-го полка. После того как противник при помощи своих многочисленных низко летавших самолетов, которые в течение долгого времени обстреливали нас из пулеметов и разбрасывали бомбы, выяснил протяжение наших позиций, он перешел в атаку. Впереди двигались 8 тяжелых танков, которые своими пулеметами и пушками сковали нас».

Батарея, о которой здесь идет речь, вероятно 9-я батарея 243-го полка легкой артиллерии, которая, однако, выехала открыто на высоту. Ее командир лейтенант Борхардт сообщает:

«Внезапно туман рассеялся, как будто кто-то сдул его, и в этот момент стало видно движение танков также и из Римского оврага. Это был момент, которого я никогда не забуду. Я указал командирам орудий цели и т. д. и приказал открыть по танкам огонь. Вплотную за танками двигалась английская пехота. Всякий раз, когда мы попадали в танк, англичане рассыпались, и одно орудие батареи открывало по ним шрапнельный огонь. В горячке боя мы мало думали о возможности быть пораженными английской артиллерией или авиацией, хотя, конечно, наша батарея уже несла потери. Мы наверняка подбили 4 танка, а результаты нашего огня по трем или четырем другим обстрелянным танкам не были ясно определены; они скрылись в лощину и больше не обнаруживались. Около 13.00 (точное время я не помню) я и один чрезвычайно энергичный офицер лейтенант Шульц заметили, что так называемые малые танки повернули на Прояр. Шульц крикнул мне: «Г. Борхардт, теперь мы должны отходить, иначе пропадут передки, и мы потеряем батарею». Я согласился, тем более что танки и английская пехота подошли уже угрожающе близко, и нельзя было допустить пленения батареи. Я подал знак передкам, находившимся со мною в зрительной связи, и приказал орудиям сниматься с позиции. Если нас до сего времени, как было указано, сравнительно слабо беспокоили, то теперь над батареей появилось сразу 20—25 самолетов, которые открыли огонь из пулеметов между батареей и отходившими повозками и причинили большие потери. Однако, благодаря дисциплинированности батареи, хотя офицерам и пришлось принять энергичные меры против паники, все же удалось спустить с горы и двинуть по дороге в направлении на Шюиньоль все повозки, кроме двух зарядных ящиков, у которых были перебиты запряжки».

Эта храбрая батарея потеряла 8 августа не меньше, чем одного офицера убитым (лейтенант Шульц), одного офицера тяжело раненым, 8 солдат убитыми, 14 солдат ранеными и 6 солдат пропавшими без вести.

Около 12.20 противник повел крупными силами слева атаку в охват выс. 84 и позиции 2-го батальона 203-го рез. полка. Снова танки, количество которых во время третьего этапа атаки увеличилось в каждой дивизии еще на 12 штук, прокладывали дорогу пехоте. Воздушные бомбы противника в течение длительного времени вновь разрывались на пехотных и особенно на артиллерийских позициях, и опять атака противника увенчалась успехом благодаря предпринятому им охвату с юга. Несмотря на то, что огнем не только 9-й батареи 243-го полка легкой артиллерии, но и легких минометов отряда связи дивизии и 1-го батальона 13-го полка было подбито несколько танков, а неприятельская пехота под градом пуль пулеметного и ружейного огня и ручных гранат понесла большие потери, слабый 2-й батальон 203-го рез. полка оказался бессильным против охвата и одновременной танковой атаки с фронта. Около 13.30 его сопротивление было сломлено; только штабу и резервной роте удалось отойти в лес, что северо-западнее Прояр. Из трех передних рот и пулеметной роты смогли прорваться лишь остатки, большая же часть личного состава была перебита и захвачена в плен. Аналогичная судьба постигла действовавший на левом фланге 1-го батальона 13-го полка «малый резерв» [1], после того как тот целиком расстрелял свои патроны. Таким образом, противник овладел командующей высотой и достиг последнего рубежа своей атаки. Дальше он не преследовал. Поэтому 1-й батальон 13-го полка и отряд связи дивизии, отведя свой левый фланг (3-ю роту 13-го полка) до самой опушки леса, что северо-восточнее выс. 84, и введя все резервы, смогли задер-

[1] Составленный из писарей, посыльных и т. д., всего около 30 штыков.

жаться на новой позиции, тянувшейся от этой опушки леса в направлении на Мерикур.

Между тем, командир 202-го рез. полка майор Кульвейн-фон-Ратенов прибыл на гору Георга. Он занял юго-западный скат этой горы всеми вышедшими из боя между Серизи и Мерикур пулеметами (больше всего было пулеметов 1-й пулеметной роты 201-го рез. полка и 2-й пулеметной роты 202-го рез. полка), а пехоту (главным образом, 3-ю и 4-ю роты 97-го полка с остатками батальонов 1-го и 2-го эшелонов 97-го, 55-го и 13-го полков) расположил сзади в лесу в качестве резерва. Около 13.00 он вошел в соприкосновение с 85-й рез. бригадой, которая возложила на него прикрытие промежутка между горой Каналь и 1-м батальоном 13-го полка. Для этой цели ему были подчинены: 2-я рота 202-го рез. полка, которая уже находилась на позиции у моста западнее Мерикур (стр. 77); 5-я рота 97-го полка[1], которая уже охраняла западную окраину Мерикур, а также 6-я рота и специально сформированная ударная рота 97-го полка, которые были расположены в районе между Мерикур и правым флангом 1-го батальона 13-го полка. Таким образом, около 14.00 был установлен хотя и очень тонкий, но сплошной фронт между горой Каналь и лесом, что северо-западнее Прояр. Поддержкой для него служили части, занимавшие гору Георга, на северо-восточном скате которой находились 4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии[2]. Это были отдыхавшие взводы 1-й и 2-й рот 7-го саперного батальона, 3-я и 4-я роты 97-го полка и части 55-го, 13-го и 15-го полков, которые прибыли сюда частично с передовых позиций, частично после боя восточнее оврага Ромер; позднее сюда подтянулись также остатки 2-го батальона 203-го рез. полка.

---

[1] 2-й батальон 97-го полка был расположен на отдыхе в Каппи и заблаговременно подтянут к горе Георга (стр. 77).

[2] 4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии в ночь на 8 августа были переброшены с участка 43-й рез. дивизии севернее Соммы (стр. 54).

Противнику при его подавляющем превосходстве было бы очень легко отбросить и эту слабую линию обороны к долине Соммы и тем самым ликвидировать выступающую позицию на горе Каналь. Однако, после достижения выс. 84 его предприимчивость была исчерпана.

Монгомери (стр. 43) говорит об этом боевом участке следующее:

«Бригады 4-й австралийской дивизии вследствие потерь, которые они понесли от неприятельского огня на левом фланге, не могли продвигаться так же быстро, как бригады 5-й дивизии[1]. Возобновив движение около 12.00, они снова понесли большие потери, так как противник ввел в действие на северном берегу Соммы большое количество артиллерии. Когда же войска на крайнем северном фланге увидели, что по ним ведется огонь с этого фланга и даже с тыла, фланг левого батальона южнее Мерикур был загнут назад. Вслед за тем, как стало известно, что наше продвижение вперед севернее реки приостановлено, находившаяся в резерве 4-й дивизии её 1-я бригада была выдвинута для прикрытия и расположена вдоль южного берега Соммы западнее Моркур».

Из этого описания ясно усматриваются отличные действия германских батарей, стоявших в районе леса Селестин и у горы Каналь.

3. 41-я пехотная дивизия.

41-я пех. дивизия занимала один из важнейших и труднейших участков всего армейского фронта. Важным он был потому, что его прорезала большая стратегическая дорога Амьен, Перон с ответвлением на Шон, Нель, и трудным потому, что здесь была совершенно открытая и равнинная местность, которая при превосходстве противника в воздухе и при командующем положении его позиции не допускала никаких

[1] Южнее.

передвижений днем. Все оборонительные сооружения и протоптанные тропинки легко можно было разобрать на аэрофотоснимках; для использования танков местность не представляла почти никаких препятствий. Тем более здесь был необходим узкий и глубокий боевой порядок пехоты и артиллерии дивизии. Однако, как раз ее фронт, если измерить по переднему краю, имел протяжение 4,4 *км;* не менее 16 пехотных рот было расположено на переднем крае и впереди него и 9 рот непосредственно позади него,— иными словами, $^2/_3$ всей пехоты были расположены без всякого эшелонирования в глубину. Ни из одного из трех полков нельзя было вывести батальона в полном составе в резерв или для более продолжительного отдыха. Из 152-го полка можно было выделить только 3 роты, из 18-го и 148-го полков — только по две стрелковые роты и по одной пулеметной роте. При всем том фронт был занят чрезвычайно слабо. В 152-м полку, располагавшем гораздо большим боевым составом, каждая из расположенных в передовой линии рот занимала участок свыше 300 *м.* Обычно 60—75% личного состава находились в предполье, остальные — на переднем крае. И в этом случае приказ о том, чтобы эти сильные, но при имевшейся ширине участка необходимые части боевого охранения при обнаружении серьезного наступления отходили на передний край, оказался только теорией. При силе неприятельского артиллерийского огня, быстроте продвижения австралийцев и вследствие густого тумана боевому охранению почти нигде не удалось отойти на передний край. Недостаточная глубина обороны еще задолго до 8 августа серьезно беспокоила командование дивизии, тем более что с фронта постоянно поступали сведения о предстоявшей сильной атаке. Как уже было сказано (стр. 35), ходатайство дивизии о сужении ширины участка было безуспешно. Дивизия нашла выход в том, что в ночь на 4 августа оттянула передний край, проходивший недалеко от линии полевых караулов, на линию прежних позиций артиллерии поддержки, благодаря чему промежуток между передовыми поста-

ми и этим новым передним краем имел большую глубину. Однако, эти новые позиции, естественно, вовсе не были оборудованы, о каких-либо сплошных окопах не могло быть и речи; обеспечивающих от огня убежищ почти не было, препятствия были лишь обозначены. Позиция для поддерживающей артиллерии еще не была выбрана.

Главная масса артиллерии тоже была слишком выдвинута вперед. Правда, дивизии повезло, так как после многократных и настойчивых просьб ей был передан еще один артиллерийский дивизион (2-й дивизион 27-го полка легкой артиллерии). Расположением его по обеим сторонам Байонвиллер удалось достичь несколько более глубокой группировки артиллерии. И все же ни одно орудие не стояло дальше 4,5 *км* от переднего края, главная же масса артиллерии была значительно ближе. Тяжелая артиллерия тоже должна была получить значительное усиление: дивизии были переданы 4 батареи гвардейского ландв. батальона тяжелой артиллерии, но, к сожалению, они прибывали на позиции лишь частями. Так, из 1-й батареи лишь два орудия были поставлены на позиции 5-й батареи 4-го резервного полка тяжелой артиллерии. Последняя должна была быть выведена и должна была оставить здесь лишь одно действующее орудие. 2-я батарея прибыла на свою огневую позицию в ночь на 8 августа и успела установить лишь две свои мортиры, когда начался ураганный артиллерийский огонь противника, но не успела еще пристреляться. 3-я батарея еще не прибыла, а 4-я достигла лишь Прояр. Таким образом, фактически тяжелая артиллерия имела всего лишь 15 готовых к действию орудий, а легкая — только 36 орудий [1]; иными словами, на участке обороны дивизии одно орудие должно было в среднем прикрывать загради-

[1] 2-й дивизион 27-го полка легкой артиллерии имел всего по 3 орудия в каждой батарее. В 79-м полку легкой артиллерии с самого начала нехватало для участия в заградительном огне трех орудий, взятых для противотанковой обороны, и двух орудий, которые были испорчены. 1-я батарея была изъята из состава дивизиона.

тельным огнем 86 *м*. Затем весьма неблагоприятные последствия имело использование большей части батарей для поддержки разведывательной операции 148-го полка (стр. 155). Произведенный при этом расход боевых припасов уменьшил количество имевшихся на огневых позициях снарядов до 2 боевых комплектов, вследствие чего нескольким батареям в последующий период наступления противника нехватало снарядов.

Эта разведывательная операция имела еще ряд неприятных последствий. Поскольку предполагалось, что противник предпримет ответный обстрел, пехоте было приказано не покидать без нужды укрытий. Операция закончилась к 5.00. Когда затем, спустя 20 минут, начался ураганный артиллерийский огонь противника, пехота подумала: это и есть огонь в возмездие за атаку и ничего больше, и укрылась, как могла. Артиллерия тоже не сразу ответила; в результате минуты, имевшие для атакующего решительное значение, были упущены.

Участок по обе стороны Римской дороги был вверен командиру 3-го батальона 152-го полка капитану Хацфельд, офицеру с богатым опытом, чрезвычайно энергичному и пользовавшемуся авторитетом в своей части.

> «Человек, который завоевал у всех нас доверие, который умел руководить людьми (из доклада лейтенанта Бук 1-го батальона 152-го полка).

Капитан Хацфельд в своих записках об этих днях сообщает следующее:

> «В 5.20 английская артиллерия открыла сильный огонь, снаряды ложились по всей позиции впереди меня. По моему командному пункту вначале велся слабый огонь. Слабый туман мешал наблюдению, однако не настолько, чтобы нельзя было видеть выпускаемые впереди ракеты. Немедленно в штаб полка, стоявший в Байонвиллер, по телеграфу через землю было передано требование об открытии уничтожающего и заградительного огня. Тогда очень быстро был открыт огонь и нашей артиллерией; сначала он был сильный, но вскоре ослабел.

С 5.30 огонь неприятельской артиллерии по моему командному пункту и по Артиллерийской балке[1] начал усиливаться. Одновременно туман сделался чрезвычайно густым, так как противник стрелял дымовыми снарядами. Вскоре туман сделался настолько густым, что стало невозможным из северных окопов видеть ферму, несмотря на то, что последняя вплотную примыкала с юга к самой дороге. С этого времени в течение всего боя больше уже нельзя было пользоваться никакой световой сигнализацией. Прочие средства связи также отказали в действии. Станции для телеграфирования через землю при 2-й роте и при штабе полка уже больше не отвечали, телефонная связь была сразу же разрушена. Позднее, когда ясно обозначалось большое наступление, я попытался послать донесение почтовым голубем, однако последний из-за тумана тут же вернулся обратно.

Сразу же после 6.00 наша артиллерия была в значительной степени приведена к молчанию.

Первоначально я полагал, что противник огнем мстит нам за атаку 148-го полка, затем считал, что это местная атака. Из-за грохота боя нельзя было также определить фронт английского огня. Ориентировки с тыла я вообще не имел, а донесения с фронта в первые 1½ часа не доходили. Почти до 6.00 я думал, что придется иметь дело с атакой, с которой части, расположенные на переднем крае, справятся сами, а на худой конец при поддержке 2-й и 1-й рот, которым и были отданы соответствующие приказы. Я не имел точного представления о продолжительности и силе английского огня, который велся, главным образом, по нашей артиллерии.

Уже в 6.00 я подготовил находившиеся в моем распоряжении и стоявшие у командного пункта части, чтобы воспрепятствовать вступлению противника в Варфюзе; кроме того, 4-я и 8-я роты, подчиненные командиру батальона 2-го эшелона, должны были действовать активно.

Хотя теперь неприятельский артиллерийский огонь велся по командному пункту уже не с такой силой, но все же я не мог расслышать огня пулеметных гнезд, ко-

[1] Подразумевается балка, что севернее и южнее Ламот.

торый обычно всегда является предвестником приближающейся атаки. Около 6.40 вдоль Римской дороги отходило около 12 человек 12-й роты, которые доложили, что противник прорвал передний край. Вслед за тем пришли сведения из 8-й роты, что противник уже занял позиции 1-й роты. Я немедленно приказал 8-й роте перейти в контратаку и выручить 1-ю роту; 2-й роте я также приказал перейти в контратаку левым флангом вдоль дороги. Артиллерийский ординарец был послан к ближайшей батарее для ориентирования ее в обстановке и для передачи просьбы поддержать контратаку на переднем крае. Наверное, посыльные запоздали, так как вслед за этим ко мне пришел лейтенант 2-й роты Зейферт, раненный в верхнюю часть правой руки, и доложил, что противник занял позицию его роты.

Было ясно, что нужно ожидать атаки непосредственно на мой командный пункт. Организация обороны на нем показана на схеме 4 (стр. 148).

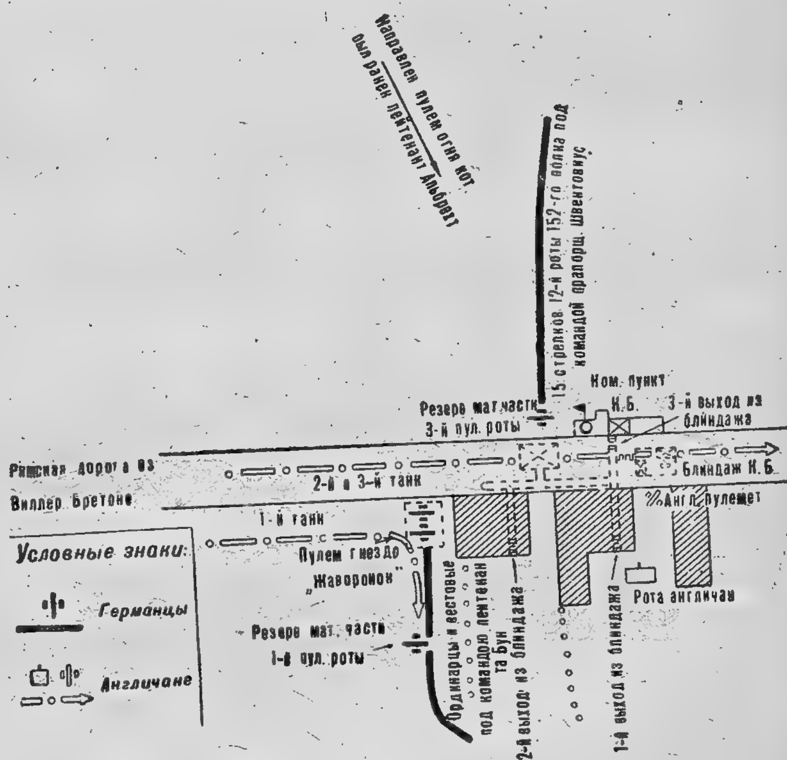
Я надеялся продержаться некоторое время, чтобы таким путем иметь возможность выиграть время для организации контратаки дивизионным резервом. Но тут последовала первая атака южнее дороги. В тумане я увидел силуэт первого появившегося танка, который двигался на пулеметное гнездо «Жаворонок». Три пулемета тотчас же открыли сильный огонь, но остановить танк не смогли. Он прошел через них. Как позднее установил командир 3-й пулеметной роты лейтенант Францнус, один пулемет был уничтожен и несколько человек прислуги было убито. Дальнейший ход боя южнее дороги я уже не мог наблюдать, несмотря на то, что туман несколько рассеялся и показались даже строения фермы, но они препятствовали наблюдению влево. Я предполагаю, что левая часть стрелков была подавлена или взята в плен танками и вплотную за ними следовавшими пехотными частями.

По правому флангу и по командному пункту вслед затем открылся несколько справа пулеметный огонь, причем стоявший сзади меня адъютант лейтенант Альбрехт был ранен сбоку в лицо навылет. Одновременно с фронта на дорогу вышел второй танк, который был безрезультатно обстрелян стоявшим впереди меня пулеметом. Он без за-

держки прошел мимо командного пункта; пулемет был отодвинут вправо, при этом были убиты оба наводчика.

Теперь можно уже было обозревать весь район вокруг командного пункта. Стрелковая цепь правее дороги

Схема 4. Командный пункт командира батальона первой линии 152-го пех. полка в 7.30 8 августа 1918 г.

исчезла. Причины этого я не узнал. Наверное, прапорщику Швентовиус не удалось удержать под пулеметным огнем бойцов 12-й роты, расстроенных боем впереди и на переднем крае оборонительной полосы.

Левее дороги ферма была занята австралийцами; как раз в этот момент из-за угла дома к воротам был выдвинут пулемет Льюиса. И там наших стрелков уже не

было видно; лишь мы, четыре офицера, оставались еще невредимыми. Мы завязали огневой бой с австралийцами на близкой дистанции и имели при этом все же такой успех, что последние, несмотря на их значительное превосходство, не осмелились пойти в атаку на наш окопчик. Тогда третий танк быстро прекратил нашу стрельбу. Перед подползавшим по дороге чудовищем мы прыгнули в находившийся возле нас вход в блиндаж и быстро сползли по ступеням вниз. В это время в оба входа в блиндаж уже летели ручные гранаты.

«Игра» окончилась. Я приказал уничтожить все журналы, документы и карты. Затем мы стали ожидать, что же теперь предпримут Томми. Лишь около 8.00 вниз осторожно спустился один человек, окликнул нас, подошел ближе на мой ответный голос и предложил нам по сильно разрушенным ручными гранатами ступенькам вылезть на воздух. Перед фермой лежало большое количество убитых и раненых австралийцев. Кое-что наше сопротивление все же сделало».

В первой атаке южнее дороги принимали участие не один, а несколько танков, из которых одни повернули назад, а другие пошли дальше на юг в обход Варфюзе и Ламот. Неприятельская пехота также обошла нас с юга и смогла быстро ворваться на ферму, так как все три пулемета были выведены из строя.

Этому местному бою у командного пункта командира батальона предшествовала местами упорнейшая борьба передовых рот. Для правого фланга полка преждевременный прорыв противника на участке 15-го полка не мог не повлечь за собой невыгодных последствий. Там противник уже в 6.15—6.30 достиг переднего края обороны. В один голос сообщают унтерофицер Гральке и прапорщик Гензинг (9-й роты 152-го полка), что около 7.00 их позиция была атакована с правого фланга и с тыла. После жестокого боя ручными гранатами, во время которого был ранен прапорщик Гензинг и убит один прапорщик, их сопротивление было сломлено; в этот момент с фронта атаковали крупные силы. Был ли этот охват, жертвой которого

сделалась, несомненно, также и 2-я рота, продолжен дальше до 10-й роты или последняя была подавлена атакой с фронта, неизвестно. Во всяком случае располагавшийся южнее Римской дороги взвод 12-й роты под командой унтерофицера Бодзиан был также атакован с тыла. Последний пишет:

«Внезапно кто-то крикнул: «Томми с тыла!» И действительно, в косом направлении сзади шел один танк, и сзади мы услыхали также крики «ура». В страшном тумане мы, однако, ничего не видели. Теперь мы открыли огонь также и в тыл. Наши люди стойко держались в окопах, все пулеметы стреляли. После этого с фронта один за другим по дороге подошли 3 тяжелых танка, и за ними мы услыхали крики «ура». Следовательно, противник — с фронта и с тыла: нет выхода ни вперед, ни назад. Насколько я мог видеть в этом адском огне, атакующие части раньше подошли к нашим окопам с тыла и забросали их ручными гранатами. Я услыхал лишь еще от нашего левого пулемета крик: «Патроны кончились!», затем возле меня раздался страшный треск — один танк проходил непосредственно возле меня через окоп, — затем еще треск, и я потерял сознание».

О бое 1-й роты 152-го полка рассказывает лейтенант Гергель:

«Около 7.00 возвратились несколько дезертиров 3-й роты и закричали: «Впереди Томми!» Из-за густого тумана контратака была исключена. Чтобы поднять дух людей, я приказал: «Огонь вперед! Стрелять до последних 10 патронов!» Станковый и 2 ручных пулемета были, примерно, через 10 минут приведены к молчанию попавшими в них снарядами. Третий ручной пулемет и оба легких миномета продолжали стрелять. С фронта ружейный огонь по нас не велся. Около 7.30 мы услыхали позади нас гул танков, и немного позднее 2 танка поползли с тыла через наш окоп, ведя в стороны огонь из пулеметов и расстреливая наших людей с расстояния около 20 *м*. Вслед за ними подошли беглым шагом и с диким ревом австралийцы и вытеснили нас из окопов».

Подобная же история, вероятно, произошла и в 8-й роте 152-го полка, которая, наверное, еще до 1-й роты была атакована справа в тыл, видимо, танками, которые повернули перед командным пунктом командира батальона. Остатки ее с двумя пулеметами были перехвачены у западного края балки Кирх частью 2-й роты 26-го саперного батальона под командой прапорщика Шлейх. Когда и здесь стал угрожать охват, эта группа отошла на восточный край балки и оказывала там новое сопротивление вплоть до своего полного окружения. Прорваться удалось лишь 2 саперам.

Все-таки сопротивление 152-го полка было более успешным и продолжалось дольше, чем на участках соседних полков. Если даже участники боя указывают более поздние сроки, то все же западнее Варфюзе, повидимому, шел еще бой, когда в 13-й пех. дивизии все батальоны первой линии и вторые эшелоны были уже подавлены. На это указывают также сообщения противной стороны, которые отмечают более сильное сопротивление на этом участке (стр. 103). Изменить общее положение не смогло также и самопожертвование группы Хацфельда, из которой лишь остатки прорвались на восток. Из батальона 2-го эшелона вернулись 2 офицера и большая часть 4-й роты, которая особенно пострадала от огня противника по 7-й батарее 58-го полка легкой артиллерии и, видимо, была сильно расстроена, так как она отходила назад, не приняв участия в пехотном бою. Уже около 6.00 все орудия этой батареи были непригодны к действию, а в 7.00 невидимые пулеметы открыли огонь по ее огневой позиции. Когда вслед затем поручик Бергхауз, проходя мимо командного пункта командира батальона первой линии 15-го полка, рассказал о судьбе своего батальона (стр. 132), остатки прислуги отошли к 3-й батарее 58-го полка легкой артиллерии, которой, однако, также уже больше не пришлось принимать непосредственного участия в отражении неприятельской пехоты, так как в это время (около 7.30) правее противник уже достиг своей первой цели атаки, а туман еще не рассеялся. Несомненно, батарея была оконча-

тельно окружена, ибо она потеряла 29 человек пропавшими без вести. Еще хуже окончилось дело для 2-й батареи 151-го полка тяжелой артиллерии, из которой не вернулся ни один человек.

Быстрое прекращение огня стоявшей южнее и юго-восточнее Ламот северной артиллерийской подгруппы (3-й дивизион 79-го полка легкой артиллерии), которая, по сообщению капитана Хацфельд, в первое время вела сильный огонь на уничтожение, имеет достаточно веские основания. В 9-й батарее все 3 орудия были преждевременно выведены из строя неприятельским огнем; 8-я и 6-я батареи очень быстро израсходовали все свои снаряды, потому что до 5.00 с лишком они вели окаймляющий огонь по противнику, поддерживая участок 148-го полка.

Более счастливо сложился дальнейший ход боя для 6-й батареи 58-го полка легкой артиллерии и 2-го дивизиона 27-го полка легкой артиллерии. Их огневые позиции были менее подвержены ураганному огню противника и находились в 1—1,5 *км* восточнее его первой цели атаки. Когда противник лишь в 9.20 возобновил свое дальнейшее наступление, туман уже настолько рассеялся, что все 4 батареи имели возможность наблюдать. Это почувствовали вновь введенные противником сильные танковые соединения. Правда, вначале 6-я батарея 58-го полка легкой артиллерии могла вести огонь лишь из двух орудий, так как одно из трех как раз тогда вышло из строя. Однако, оба эти орудия, выкатившись в 8.15 из своих убежищ для стрельбы прямой наводкой, сразу же обнаружили появившиеся в балке Кирх пехотные колонны противника. С дистанции 1 300 *м* загудели по ним первые снаряды и заставили их быстро скрыться. Тогда с того же направления появился один танк, а немного позднее от южного выхода из Ламот еще 2 танка, но все 3 были остановлены. Неприятельская артиллерия, видимо, еще не имела впереди своих наблюдателей, так как в противном случае она могла бы быстро сбить открыто стоявшие орудия. Прошло немного времени до появления новых целей: показались 3 танка с во-

сточной окраины Ламот. И они должны были очень скоро остановиться. Однако, в конце концов еще один танк подошел почти прямо с левого фланга на расстояние 60 *м* и, нанеся огнем своих орудий и пулеметов значительные потери орудийной прислуге, стал угрожать прорывом на позицию. В последнее мгновенье удалось и его вывести из строя. В этих успехах батареи сомневаться не приходится, так как это подтверждается также офицерами 79-го полка легкой артиллерии. Капитан Роте и лейтенанты Зас и Зелиг 3-го дивизиона 79-го полка легкой артиллерии, а также лейтенант Лау 6-й батареи и лейтенант Эрве 8-й батареи того же полка при отходе наткнулись на 6-ю батарею 58-го полка легкой артиллерии и в значительной мере участвовали в ведении этого огня.

Однако, после этих успехов атакующим волнам противника все же удалось приблизиться на угрожающую дистанцию. Так как, кроме того, по Римской дороге и в особенности несколько слева начало продвигаться все большее количество танков, героическая батарея должна была отойти. Тогда открыли огонь 4-я, 5-я и 6-я батарей 27-го полка легкой артиллерии, которые тоже с 9.20 до 9.45 еще с большим успехом боролись против танков и пехоты противника. В боевых донесениях этих батарей сообщалось о подбитии до 10 танков, из которых, однако, некоторые, по всей вероятности, были подбиты с помощью 6-й батареи 58-го полка легкой артиллерии. Во всяком случае на этом участке благодаря отличной выдержке и действиям этих 4 батарей была пробита чувствительная брешь в танковой эскадре, что могло иметь существенные результаты. Однако, как раз на Римской дороге и южнее ее противник ввел не только очень большое количество тяжелых танков, но и один батальон легких танков (12 штук), которые, очень быстро передвигаясь, уже не могли быть подавлены огнем 2-го дивизиона 27-го полка легкой артиллерии, тем более что и у этого дивизиона запас снарядов начал истощаться. Около 9.50 эти батареи пришлось бросить, после того

как еще раньше все 3 орудия 5-й батареи того же полка вышли из строя.

В этом бою участвовала в качестве подвижной противотанковой батареи 1-я батарея 79-го полка легкой артиллерии, расположенная у Прояр. Она стала на позицию на северной окраине Байонвиллер и смогла также остановить несколько танков и затем единственная из своего полка успела взять орудия на передки. Так как противник теперь подошел уже на 400 *м*, ему удалось перебить запряжку одного орудия. Орудие пришлось оставить.

Относительно боя 18-го пех. полка на среднем участке 41-й пех. дивизии имеются весьма скудные материалы. По английским источникам можно, однако, установить, что австралийцы на этом участке нигде долго не задерживались и их атака до занятия первого рубежа протекла планомерно. Из штабов обоих батальонов первой линии и 10 участвовавших в бою рот 18-го пех. полка уцелело лишь 8 офицеров и 50 солдат. Очевидно, передовые роты были совершенно захвачены врасплох, чему еще больше, чем в 152-м полку, способствовал организованный непосредственно возле левого фланга полка поиск 148-го полка. 10-я и 7-я роты тоже были сразу атакованы и подавлены танками и сильными пехотными волнами. Напротив, слабые части правого батальона первой линии и 1-я рота подготовились к отражению атаки. Здесь разыгрался скоротечный огневой бой на ближних дистанциях, в течение которого не успевший еще смениться штаб 1-го батальона понес большие потери: командир батальона капитан Рихерт был смертельно ранен, адъютант лейтенант Берншторф и командир 3-й пулеметной роты лейтенант Андерс — убиты. В общем бой разыгрался здесь, примерно, так, как описывает минный офицер полка лейтенант Клопке; будучи захвачен врасплох ураганным огнем на передовой позиции, он пришел сначала к командиру 11-й роты, а затем, после того как огневой вал начал перемещаться к востоку, перебежал обратно на огневую позицию своих минометов.

«Она (позиция.— *Ред.)* представляла собой картину ужасающего опустошения. Все минометы и снаряды были засыпаны землей. Мои люди уже отрывали их. Два миномета удалось приготовить к действию. Я уже слышал, как минометные гнезда справа сзади нас и слева открыли заградительный огонь. Впереди вспыхивал слабый пехотный огонь. Тут я услыхал шум моторов приближающихся танков, с которыми нам пришлось иметь дело впервые. Отходивших людей 11-й роты я радостно принял на свои позиции как усиление. Один начальник миномета крикнул мне, что справа показался танк. И действительно, огромная тень, еле заметная в густом тумане, прошла мимо нас и исчезла через несколько минут из нашего поля зрения.

Все наше внимание было теперь устремлено вперед, откуда должен был появиться противник. В тумане там и сям показывались его плоские стальные шлемы, однако он держался на почтительном расстоянии. Вслед за этим наши позиции были внезапно атакованы слева, с тыла и с фронта. Мы были обойдены в тумане. В последовавшей схватке ручными гранатами большая часть моих людей была убита и ранена».

К командиру левого батальона первой линии ротмистру Крис в 6.30 прибыл из 7-й роты посыльный с донесением, что противник находится уже в тылу этой роты. Через полчаса перед гарнизоном командного пункта, насчитывавшим 15 штыков, показались первые австралийские части; они были задержаны огнем, пока и здесь не почувствовался охват справа и слева с тыла. Ротмистру Крис в последний момент удалось с несколькими своими людьми отойти на Марселькав. В 7.20 противник полностью достиг своей первой цели атаки.

Южнее железной дороги последовала атака канадцев, которые лишь за несколько часов были выдвинуты в передовую линию. Когда германцы открыли артиллерийский огонь для поддержки поиска на правом фланге 148-го пех. полка, они осмотрительно отошли назад, чтобы не потерять пленных. Итак, ударные

части 148-го полка нашли передовые окопы пустыми и вернулись обратно, не выяснив того важного факта, что перед ними канадцы. Неприятельская артиллерия во время этой операции не стреляла. Боевое охранение было сразу же подавлено последовавшей непосредственно за ураганным огнем атакой. Командир батальона 1-й линии майор Вюрц пишет:

«Около 6.00 возле меня появился боец[1] из передовой линии. Вначале было совершенно невозможно с ним разговаривать. Затем он доложил, что первые неприятельские атаки были отбиты. Лишь появившимися с фронта и левого фланга танками пулеметы и роты были рассеяны.

Примерно через полчаса в наши окопы пришел командир 6-й роты лейтенант Пфейфер, вначале совершенно изнуренный, не будучи в состоянии отвечать. Его первые слова были: «Пулеметное гнездо «Гизела»[2] уничтожено». И он доложил, что первые атаки без танков были отбиты. Лишь благодаря танкам противнику удалось прорваться».

Адъютант 2-го батальона 148-го полка лейтенант Кловекорн, отзываясь о майоре Вюрц как о «наиболее рассудительном, хладнокровном и решительном человеке, которого мне приходилось в течение всей войны узнать и соответственно оценить», сообщает:

«Командир батальона лежал на пшеничном поле в лисьей норе, глубиной около 1,5 *м*. Связь к фронту и в тыл поддерживалась так называемой эстафетой, которая проходила через пшеничное поле и, следовательно, совсем не была защищена от огня. Телефонная проволока, проходившая по этой тропе в пшеничном поле, была проложена прямо по земле и, конечно, была тотчас же порвана огнем, так что после начала ураганного огня командир батальона уже не имел телефонной связи ни вперед с ротами, ни с пулеметными гнездами, ни в тыл

[1] Вероятно, из левофланговой 8-й роты 148-го полка.

[2] Находилось в нескольких стах метрах севернее переднего батальона.

с командным пунктом командира полка. Поэтому рано утром 8 августа командир батальона пребывал в полной неизвестности относительно обстановки и руководствовался донесениями, сообщенными ему несколькими беглецами, которых я остановил, пригрозив револьвером.

Вначале мы предполагали, что англичане ведут заградительный огонь или мстят нам огнем за наш поиск «Эрнте». Правда, сила огня заставила нас задуматься. Я вспоминаю, какое жалкое впечатление производила наша артиллерийская подготовка против огня англичан. Тогда я сказал своему командиру: «Чорт побери, они стреляют лучше нас». Когда затем огневой вал, который вначале обстреливал передовую линию, приблизился, остановился над нами и через 10 минут стал переноситься через нас дальше, на позади лежащую местность, я понял, что англичане идут в атаку, и приказал людям моего штаба выйти из убежища и, вооружившись винтовками и ручными гранатами, занять окопчики, которые мы успели на случай атаки заблаговременно вырыть параллельно фронту. В этой обстановке я остановил двух человек, шедших с передовой линии (если я не ошибаюсь, один 5-й роты и один 6-й роты), и они мне доложили, что крупные силы англичан атакуют с танками; передовая линия прорвана и большая часть людей уничтожена. Я приказал людям занять одиночные окопы, образовав позицию фронтом к противнику, будучи твердо уверен, что мне удастся собрать остатки частей с передовой линии и образовать новую линию обороны. Почти через ¼ часа из густого тумана справа подскочил ко мне человек и донес, что пулеметное гнездо «Гизела», находившееся в непосредственной близости от нас на дороге Марселькав, Виллер-Бретонне, только что уничтожено переехавшим его танком. Несмотря на сильный шум боя, я также смог услышать на дороге грохот гусениц, который затих в направлении на Марселькав. Что нам оставалось делать? Оставаться ли нам с 10 человеками на нашем месте? Так как с фронта больше никто не приходил, а видеть мы ничего не могли и, кроме того, вначале перед нами не было противника, мы решили отойти к селению Марселькав и совместно с находившейся там

2-й ротой 148-го полка занять новую позицию на западной окраине селения, удерживая его против наступавших англичан. Это, видимо, произошло около 7.30.

Итак, широкой цепью, вооруженные винтовками и ручными гранатами, мы подходили к Марселькав и были немало удивлены, когда, подойдя к небольшой дороге, пересекавшей с севера железную дорогу в направлении на юго-западный угол Марселькав, должны были установить, что наш собственный артиллерийский огонь орудий средних калибров уже велся по западной окраине Марселькав. Мы повернули на юг и вышли на юго-западный угол деревни у водонапорной башни. Я пошел с несколькими людьми по дороге в деревню, чтобы найти штаб полка, однако тут же, неподалеку от церкви, по мне был открыт с севера, по направлению от сахарного завода, на близкой дистанции английский стрелковый огонь. Мы сошли с дороги и поспешили через сады на восточную окраину селения, пройдя по пути мимо брошенной батареи и перевязочного пункта. Когда я объяснил врачу, что англичане находятся уже в селении, он приложил руку к козырьку и сказал: «Я остаюсь с моими ранеными». Искать наш батальон 2-го эшелона или 2-ю роту было уже бесцельно. После того как я был обстрелян английским ружейным огнем с того места, где раньше стоял батальон 2-го эшелона, и наших частей больше нигде не видел, я решил, что они разбиты, тем более что батарея была брошена прислугой. Мы пошли дальше через деревню, и здесь почти в 50 шагах восточнее окраины селения в снарядной воронке я нашел моего командира майора Вюрц с остатками штаба. Мы решили подождать здесь наших частей. Перед нами недалеко разрывались отдельные английские гранаты, в том числе наполненные фосфором, от которых загоралась почва. Вскоре из деревни вышла широкая стрелковая цепь. «Ну, — подумал я, — это наша 2-я рота». Я вылез на край снарядной воронки и стал подавать им обеими руками знаки, подзывая подойти к нам и образовать новую линию обороны. Стрелковая цепь остановилась и стала махать нам. Я закричал им: «Вы с ума сошли, ведь нам на окраине селения ничего не видно, идите сюда». Тут мой

верный спутник, связной 5-й роты ефрейтор Мейер, который в течение всего дня не отходил от меня ни на шаг, крикнул: «Г. лейтенант, это англичане!» В этот самый момент английский офицер направил на меня пистолет. На прощанье я швырнул в него ручную гранату и сразу же, насколько хватило силы, бросился назад через совершенно открытое клеверное поле. Мы, 7—8 человек, без пулемета уж ничего не могли больше поделать и должны были бы быть расстреляны поодиночке. С другой стороны, мы не хотели так просто сдаться в плен. Правда, этот бег через открытое клеверное поле на расстоянии 50 *м* от противника представлялся мне безумным. Пули английских винтовок и пулеметов рикошетировали по земле у наших ног, и все-таки из нас убит был всего лишь один человек. Мы с остальными людьми отошли дальше назад и снова остановились у позиции одной батареи южнее леса Пьере [1]. Повидимому, англичане были так же взволнованы, как и мы, и не могли прицелиться. Это случилось около 8.00.

Здесь я остался с остатками моих людей (около 3 человек). Моего командира и несколько человек я при отходе потерял из виду. На батарее я нашел также полкового адъютанта лейтенанта Луттер и лейтенанта Шнейдер, который тогда, кажется, был начальником связи на полковом командном пункте. Я был рад, что, наконец, нашел рубеж, надеясь оказать на нем более или менее упорное сопротивление. Сначала мы пригодились для переноски с опушки леса снарядов на батарею, чтобы дать достаточную пищу орудиям. Снаряды один за другим вылетали из стволов. Между прочим, это была та батарея, которая обстреливала западную окраину Марселькав, когда мы отходили спереди, и огонь которой лейтенант Луттер, принимая во внимание то, что англичане ворвались в Марселькав, направил на это селение. Когда мы развили наиболее сильный огонь, внезапно на полдороге между Марселькав и лесом Пьере появились 2 больших английских танка и направились прямо на нас. Командир батареи приказал выкатить орудия из

[1] 8-я батарея 27-го полка легкой артиллерии, принадлежавшая 117-й пех. дивизии.

закрытий и открыть прицельный огонь. Мы взялись за спицы колес, и сразу же первые снаряды полетели танкам навстречу. Однако, еще прежде чем мы открыли огонь, они скрылись в балку недалеко от нас; хотя там поражать их мы не могли, все же они из нее уже больше не появлялись. Батарея без особой цели продолжала стрелять по Марселькав, посылая туда один снаряд за другим. Между тем нас начала обстреливать английская гаубичная батарея, и над нашими головами загудело несколько английских самолетов. С треском разрывались английские бризантные снаряды, и со свистом летели сверху воздушные бомбы. В это время командир батареи был тяжело ранен, одно орудие попавшим в него снарядом было выведено из строя, часть обороняющихся артиллеристов, пехотинцев различных полков и сапер была ранена и убита. Разорвавшейся подле меня гранатой я был опрокинут на землю и хотя не был ранен, но оглох на одно ухо, от чего я оправился лишь через 4 с лишним недели. И мы все же удержали позицию. Ведь должны же подойти и сменить нас батальоны 2-го эшелона; мы удерживаем опорный пункт впереди, опираясь на который можно организовать контратаку. Мы все так думали и, несмотря на то, что обстреливались сильным огнем, были в прекрасном настроении. Это было юмором отчаяния и безразличия перед надвигавшейся опасностью.

Между тем английская пехота подошла вплотную, и мы (лейтенант Луттер, Шнейдер и я), стоя открыто между орудиями, стреляли по наиболее близко к нам лежавшим англичанам. Из Марселькав на дорогу, которая вела на юго-восток параллельно железной дороге, уже выходили пехотные колонны, представлявшие выгодные цели для стоявших на треногах станковых пулеметов батареи, из которых один обслуживался лейтенантом Шнейдером, а другой мною. Мы направили сосредоточенный огонь по колоннам англичан.

Теперь я приблизительно представил себе, что понимает Стрелковый устав под «огнем по выгодным целям». Результаты огня во всяком случае немедленно сказались, так как колонны тотчас же укрылись в придорожных канавах. Между тем было уже 10.00, а о помощи с тыла ни-

чего не было слышно. Мы имели значительные потери и видели, что наш правый фланг все больше охватывается. В последний и решительный момент мы снова попытались избежать плена. Наводчики вынули из орудий затворы, и мы широкой стрелковой цепью начали отходить назад. Тяжело раненых мы, к сожалению, вынуждены были оставить у орудий. Справа возле нас стояли еще 2 тяжелых орудия[1], которые стреляли почти до 10.00. Когда мы, отходя, подошли к опушке леса, я увидел их толстые пестро камуфлированные стволы, направленные в небо, и в тот же момент они взорвались с такой силой, что осколки просвистели мимо наших ушей. Это артиллеристы перед отходом взорвали их.

Собственно теперь только начался настоящий пехотный бой и возникли новые трудности. Мы, всего около 50 человек пехотинцев различных полков, артиллеристов и сапер, широкой и редкой стрелковой цепью начали отходить назад, поднимаясь из оврага на виду у противника на противоположный скат. Среди нас разрывались английские гранаты, над нами английские летчики проделывали отчаянные трюки, спускаясь так низко, что нам иногда казалось, что они на нас прямо наедут. При этом эти подлецы обстреливали нас с тыла из своих пулеметов и забрасывали бомбами, не причиняя, однако, серьезного вреда. Сзади за нами бросилась английская пехота, правда, весьма нерешительно, так как в противном случае мы не могли бы и думать о выходе из этого заколдованного круга. Несмотря на это, мы перешли через овраг и поднялись на высоты. Луттер, Шнейдер и я разделили между собой командование 50 человеками и на свой риск продолжали вести отступательный бой. Так мы, медленно отходя, с боем к вечеру вышли на линию Арбоньер, где влились в уже развернутый там фронт батальона третьего эшелона».

Командир ударного батальона второго эшелона капитан Мейснер трижды попадал в плен, и всякий раз его грабили. Он на своем командном пункте, в Марселькав в 6.15 был обстрелян сильнейшим огнем, кото-

[1] 41-й тяжелой 150-*мм* пушечной батареи.

рый сильно разрушил его убежище; два выхода из него были разбиты, а через третий едва можно было пройти из-за завалившихся балок и досок. Он пишет в своих воспоминаниях:

«Когда около 7.30 огонь ослаб, стоявший у выхода из убежища пост донес, что мимо пробежали люди с криком: «Томми в селении!» Я решил отправиться с моими людьми к штабу полка, но очень долго выбирался из убежища. С обоими офицерами моего штаба я расположился в воронке между домами против конца дороги, идущей от Виллер-Бретонне, чтобы собрать отходивших людей и занять западную окраину селения. Приказ об этом я еще ранее послал во 2-ю роту. Однако, больше никто назад не отходил. Внезапно по нашей воронке был открыт сильный огонь нашей артиллерии. Мы вышли из нее и, отбежав около 100 *м* назад, расположились в воронках от снарядов. Тогда вдруг в нашем тылу раздался шум боя. Пулеметы и винтовки стреляли прямо возле нас. Оглянувшись назад, я увидел, примерно, в 150 *м* двигавшиеся в тумане несколько танков, за ними в стороне шли ударные подразделения. Кроме того, в 200 *м* слева от нас я разглядел ряд двигавшихся вперед танков. Таким образом, Марселькав был, видимо, обойден танками и атакующими частями; нам пришлось отойти в направлении на лес Пьере. Мы быстро побежали назад. Однако, неприятельские атакующие части и танки, не замеченные нами в тумане, уже прошли дальше. Несколько выпущенных мною выстрелов и наш бег назад привлекли их внимание, и одно из подразделений преградило нам дорогу. Рассыпавшись, оно начало продвигаться к нам. Сопротивление было бы безумием. Мы находились около 500 *м* восточнее Марселькав. Было 8.00. Противник забрался к нам в огромную воронку, потому что как раз в этот момент германская батарея открыла меткий огонь через наши головы. Когда огонь прекратился, подошел канадский офицер и приказал нам самим отправиться в западном направлении.

Скрывшись от наблюдения, мы залегли в воронку от снарядов и стали держать военный совет, не удастся ли

нам как-нибудь прорваться. Однако, из Марселькав уже показалась следующая неприятельская атакующая группа и еще раз взяла нас в плен. Они отобрали у нас деньги, драгоценные вещи и т. д. и отправили нас назад. Теперь я хотел разыскать наш командный пункт, чтобы скрыться в нем, но за это время и последний вход в убежище был разрушен. Беспомощно стояли мы на дороге. Но вот из-за ближайшего поворота дороги выехал танк, направил в нас свой пулемет, и сопровождавшее его подразделение взяло нас третий раз в плен.

Они отобрали у нас последние вещи. Отсюда под конвоем нас отправили к знакомому дереву с двумя верхушками, где как раз занимала позицию моя прежняя 7-я рота. Тяжелая картина предстала перед моими глазами. Окопы были полны убитыми и ранеными из моей роты. В одном месте лежали две шеренги трупов, плотно прижавшись друг к другу. Они могли быть убиты только после того, как попали в плен. По дороге мы зашли в убежище, там лежал тяжело раненый командир 8-й роты лейтенант Кале; мы понесли его на полотнище походной палатки... Вечером я узнал от командира 2-й роты лейтенанта Хегенера, что он не получил моего приказа. Он был взят в плен за полчаса до меня канадцами, вторгнувшимися в Марселькав с юга».

Из этих записок видно, что наши потери на передовых позициях все же были довольно значительны. При быстром продвижении огневого вала эти потери не могли быть вызваны лишь неприятельской артиллерией, так что по крайней мере на некоторых участках фронта имели место жестокие схватки. Если в сообщениях нет указаний о потерях противной стороны, то это можно, повидимому, объяснить тем, что противник уже успел убрать своих убитых и раненых. Тот факт, что шесть стоявших вокруг Марселькав батарей при быстром продвижении австралийцев и канадцев не могли оказать существенного влияния, был неизбежен; ведь и они не имели никаких данных о том, началась ли уже атака и как далеко продвинулись атакующие части. Несмотря на то, что они сделали все,

что могли, и вели огонь до последнего момента, пока прислуга и орудия еще были боеспособны, они были все-таки захвачены надвигавшейся волной атаки и большей частью попали в руки противника. Из штаба 2-го дивизиона и 2-й, 3-й и 7-й батарей 79-го полка легкой артиллерии, а также из 5-й батареи 15-го полка тяжелой артиллерии уцелели лишь 1 офицер и 2 унтер-офицера. В 5-й и 4-й батареях 79-го полка легкой артиллерии к концу остались пригодными к действию всего лишь по одному орудию, которые вели огонь, пока противник не приблизился на 200 *м*; тогда остатки орудийных расчетов отошли на запасную тыловую позицию батареи. Стоявшая в лесу Пьере и вокруг него артиллерия, частично принадлежавшая соседней слева дивизии, могла еще в течение 2 часов вести огонь, так как она стояла восточнее первой цели атаки противника. Но ввиду того, что до возобновившегося наступления противника своя пехота не подошла, эта артиллерия, оказывавшая сопротивление до последнего момента, была потеряна. Около 10.00 и 7-я 150-*мм* батарея была захвачена противником.

148-й полк был атакован 4-й канадской бригадой, имевшей в своем распоряжении 28 танков. Об этом бое Монгомери говорит следующее:

> «Около 1 000 ярдов восточнее исходной позиции 19-й батальон наткнулся на значительное сопротивление, которое сразу же благодаря своевременной помощи танков было сломлено. Тотчас же после 7.00 19-й и 21-й батальоны, причем подразделения последнего охватили селение с севера, ворвались на северную и западную окраины Марселькав. В южной части селения разыгрался жаркий бой (стр. 186), однако пехоте при поддержке танков удалось к 7.45 полностью овладеть Марселькав. Между тем туман рассеялся; теперь неприятельская полевая и противотанковая артиллерия, стоявшая восточнее селения, повела с открытых позиций сильный огонь по нашим танкам. К несчастью, этим огнем были нанесены тяжелые потери танкам и их экипажам. Чтобы компенсировать это, 5-й канадский артиллерийский дивизион и 2-й батальон

канадского пулеметного корпуса настолько успешно поддержали атаку, что 19-й и 21-й батальоны к 7.55 уже смогли достичь своей цели. Немного позднее 18-й батальон занял западный край балки Блиндарм».

4-я канадская бригада была сменена для дальнейшего наступления на второй рубеж 5-й бригадой; последняя начала движение в 9.20.

«Она встретила слабое сопротивление со стороны неприятельской пехоты, однако упорная оборона была проявлена пулеметами. Большое число пулеметов стояло в укрытиях, и пехоте и танкам приходилось подавлять их последовательно; наша артиллерия не могла их как следует наблюдать и уничтожить. С другой стороны артиллерии было важнее вести поддерживающий огонь по лесу Пьере, где наше продвижение было на значительное время задержано пулеметными гнездами. Вскоре противник отошел из леса на Вьенкур» (*Монгомери*, стр. 37).

После того как все батальоны первой линии и вторые эшелоны 41-й пех. дивизии, а также вся артиллерия почти без остатка пали жертвой неприятельской атаки, в резерве еще оставались: 7 пехотных и 3 пулеметных роты из состава 152-го, 18-го и 148-го полков и, кроме того, батальон 2-го эшелона 43-й рез. пех. дивизии (1-й батальон 201-го рез. полка без пулеметной роты, расположенный в Римском овраге непосредственно к югу[1] от Римской дороги) и следовавшая на позиции 1-я рота 26-го саперного батальона. Хотя 1-й батальон 201-го рез. полка был слишком слаб и утомлен, все же эти части, представляя в совокупности силу пехотного полка, при целеустремленном их использовании могли бы задержать противника на длительное время. Правда, для этого требовалась поддержка артиллерии. Последней, однако, не было, так как единственные спасшиеся 3 орудия 1-й батареи 79-го полка легкой артиллерии расстреляли без остатка

[1] На карте 2 этот батальон показан севернее дороги; в тексте или на карте у автора ошибка. — *Прим. перев.*

свои снаряды и были отправлены в Розьер для пополнения боеприпасами. Но пехотные резервы не были использованы целеустремленно.

Вначале в дивизии сложилось впечатление, что главная угроза создалась на участке 148-го полка, так как от обоих других полков никаких сведений не поступало. От командира же 148-го полка, напротив, поступило доставленное почтовым голубем донесение о том, что противник прорвался на его участке через передний край. В этом же донесении просили о высылке поддержки в Байонвиллер. Так как резерв 148-го полка находился дальше всех, то в Байонвиллер сначала был направлен отдыхавший батальон 152-го полка, а на его место была подтянута половина 1-го батальона 148-го полка.

2-й батальон 152-го полка (без 4-й роты) по пути в Байонвиллер попал под артиллерийский огонь, который противник вел по командному пункту бригады у Хузаренгоф и по пересечению Римской дороги с Римским оврагом, и вследствие этого был задержан. Командир батальона капитан Вебер сообщает:

«С той стороны оврага к нам уже начали подходить солдаты 15-го и 13-го полков, сначала одиночные, затем группами; шли они в беспорядке, большинство было без оружия. Они сообщили, что их позиция захвачена и все, кто на ней были, захвачены в плен или убиты и что противник атаковал танками. Так как среди отходивших не было солдат нашей дивизии, можно было думать, что наши батальоны еще держатся. Поэтому я решил двигаться дальше к стыку 13-й и 41-й пех. дивизий. Я доложил об этом командиру 74-й бригады, который и дал свое согласие (в 8.45).

Вскоре после выступления показались отходившие солдаты нашей дивизии[1]: вся позиция потеряна, артиллерия попала в плен. Теперь я хотел броситься на наши передовые позиции для спасения всего, что еще можно было спасти. Но тут внезапно раздался крик: «Танки!» На

[1] Среди них была также главная часть 4-й роты 152-го полка.

расстоянии около 300 *м* из тумана вынырнули чудовища и начали ползти к нам. По ним немедленно был открыт сильнейший ружейный и пулеметный огонь, но безуспешно. Мой адъютант сказал мне, что в бинокль можно ясно видеть, как пули ударяются о стенки танка. Против правого фланга двигалось 3 танка, слева они были еще далеко. Когда танки подошли почти на 50 *м* и оказались неуязвимыми, я приказал отойти на восточный край оврага. Сделать это было не легко, так как от бешеного огня танковых пулеметов и орудий люди, естественно, начали бежать. Чтобы быть первыми на месте и приостановить дальнейшее движение назад, офицерам тоже пришлось бежать, что солдатами было неверно истолковано. К тому же при переходе через овраг неприятельские самолеты сбрасывали фосфорные бомбы, которые, правда, действовали больше деморализующе и не причиняли нам особенного вреда. Несмотря на все это, батальон был остановлен на указанной ему позиции. Осталось также время для приведения части в порядок и для расположения в имевшемся здесь окопе. Батальон стоял на южной стороне дороги, две роты одной ударной дивизии[1], внезапно обнаружившиеся, заняли позицию севернее, так же как и остатки 4-й роты 152-го полка.

Теперь противник возобновил атаку. Вплотную возле меня на дорогу выехало наше зенитное орудие на автомобиле. Мы видели, как люди устанавливали свой дальномер, и мы слышали, как офицер с полным спокойствием отдавал распоряжения; вскоре из одного танка показалось пламя. Овраг очень быстро покрылся дымом, причем нельзя было понять, откуда тот шел. Перед нами поднялась абсолютно непроницаемая для глаза стена. Под ее защитой противник продолжал свою атаку; прошло немного времени и из дыма стали выползать танки.

Передние танки подошли на расстояние в 20—30 *м*. Дальше нельзя было держаться. Батальон ввиду невозможности успешно бороться против танков, растаял. Он буквально разбежался».

---

[1] 1-й батальон 201-го рез. пех. полка.

Вместе с батальоном Вебера в бою участвовали 1-я рота 26-го саперного батальона, 1-й батальон 201-го рез. полка и половина 1-го батальона 18-го полка. Саперы по дороге на позицию попали в Римском овраге под ураганный неприятельский огонь. Командир саперной роты лейтенант Патген предположил, что скоро начнется атака, и поэтому ему казалось вряд ли возможным сменить, согласно полученному приказу, работавшую на фронте 2-ю роту 26-го саперного батальона; он остался в Римском овраге и затем вошел в подчинение капитану Веберу. «Эти саперы вели себя тогда очень храбро», — говорит капитан Вебер.

Лейтенант Патген сообщает:

> «Едва мы успели расположиться севернее дороги для обороны, как над нами прошел огневой вал и показался ряд танков, по которым пулеметы и мои саперы открыли сильный огонь. Я мог отчетливо видеть, как сноп пуль ударялся о танки, но они упорно продолжали ползти дальше по направлению к нам. Тут мы заметили справа от нас, где не было никакой связи с 13-й дивизией, несколько танков, которые уже зашли на несколько сот метров нам в тыл и позади нас запирали Римский овраг, чтобы нас отрезать. Тогда мы перешли на новую линию обороны позади Римского оврага. При этом наша часть была совершенно расстроена; большая часть людей рассеялась в разные стороны. Мне совместно с одним пулеметным офицером удалось задержать недалеко от Хузаренгоф 2 пулемета 152-го и 201-го рез. полков и открыть из них огонь. Густые стрелковые цепи медленно продвигались за танками. Танки подходили все ближе; когда передний из них вместе с одним броневтомобилем подошел на расстояние 30 шагов, зенитное орудие, которое до сего времени вело с дороги сильный огонь, поспешно ушло в восточном направлении».

Здесь речь идет об орудии 29-го зенитного взвода. Оно вывело из строя по крайней мере 3 танка и, наверное, еще несколько автомобилей, причем расстреляло все свои снаряды. Командир был ранен.

1-й батальон 201-го рез. полка, бывший во 2-м эшелоне, сначала был использован 74-й пех. бригадой севернее Римской дороги, так как с участка 13-й пех. дивизии поступали угрожающие сведения. При развертывании 1-я, 2-я и 4-я роты наткнулись на подходившие танки и вместе с батальоном Вебера отошли на восточный край Римского оврага. Открытый ими отсюда огонь — здесь была введена в дело и 3-я рота — причинил чувствительные потери пехоте противника, но против танков он был бессилен. Все же части 2-й и 4-й рот удержались до рукопашной схватки.

«Когда были выпущены последние патроны, они оборонялись штыками и лопатами. Все, кто не был убит, были захвачены в плен» (доклад командира 1-го батальона 201-го рез. полка капитана Кюлейн).

До полубатальона 1-го батальона 18-го полка, расположившегося также биваком в овраге непосредственно южнее Римской дороги, приказ, которым полубатальон подчинялся капитану Веберу, видимо, не дошел. Он был выдвинут на позицию лишь командиром 2-го батальона 18-го полка ротмистром Крис, который, командуя южным батальоном в первом эшелоне полка, отходил через Байонвиллер. В его донесении говорится:

«Мои поиски 2-й, 3-й и 1-й пулеметных рот 18-го полка вначале были тщетны. Я приказал вывести из лагеря обоз. Римский овраг уже находился под очень сильным артиллерийским огнем. Во время отъезда повозок отдыхавшие роты выскочили из имевшихся в овраге убежищ, где они искали защиты от артиллерийского огня, и устремились на высокий скат восточнее оврага. Я приказал занять там позицию. При этом здесь оказались также люди одного батальона 201-го рез. полка и подразделения одной из рот 152-го полка. Во время занятия этой позиции на другой стороне оврага показались танки и броневтомобили в одну линию на интервалах в 50 шагов. Пулеметы открыли огонь по ним, а стрелки — по следовавшей за ними австралийской пехоте. Одна зенитная

пушка подбила 3 танка. Тогда многочисленные самолеты бросили в овраг дымовые бомбы. Оказавшись благодаря этому невидимыми, танки прошли по всему оврагу и охватили наши фланги, особенно левый. Теперь из района западнее Арбоньер выскочили еще два эскадрона конницы. Я отдал приказ 2-й роте 18-го полка отойти и расположиться уступом слева. Этот отход назад побудил также и 3-ю роту самовольно отойти. У самой дороги Прояр, Арбоньер удалось, однако, всех снова остановить, привести в порядок и расположить на позиции. Неприятельские самолеты, обстреливавшие нас из пулеметов и забрасывавшие нас бомбами, моральное действие танков в тылу, неприятельская конница на левом фланге, отсутствие поддержки своей артиллерии — все вместе взятое так подействовало на бойцов, что они при каждом представлявшемся случае пытались разбегаться... Скакавшая на нас конница была расстреляна пулеметным огнем. Но противник занял Арбоньер и снова охватил наш левый фланг. Огнеприпасы у нас подходили к концу; следовательно, оставалась единственная возможность — отойти глубже в тыл. Мы заняли старый окоп за железной дорогой Прояр, Арбоньер. Здесь командир батальона 201-го рез. полка сообщил, что у него осталось всего лишь 40 человек; из наших частей 3-я рота 18-го полка имела еще около 40 человек; 2-я рота — около 20 штыков, причем командир последней был ранен пулеметным огнем.

Вслед за этим противник прошел танками через наш правый фланг по Римской дороге и вышел на линию оврага севернее Эрлевиль.

Так как мы были совершенно изолированы, а конница и танки противника уже достигли Фрамервиль, я приказал отходить на Ренкур. Там впереди селения мы заняли новый фронт».

Этим закончился бой на участке 41-й пех. дивизии. Группы Вебера, Кюлейн и Крис держались восточнее Римского оврага почти до 11.00. В 11.30 противник достиг второго рубежа, а через полчаса — третьего и последнего. Что его конница и бронеавтомобили могли тогда еще дальше атаковать, является печальным до-

казательством того, насколько были разбиты передовые дивизии по обеим сторонам Римского оврага.

***

Английский кавалерийский корпус имел задачу, обогнав как можно раньше передовые пехотные части Канадского и Австралийского корпусов, достичь третьего рубежа и удержать его до подхода пехоты, чтобы, следуя потом непосредственно за нею, атаковать тыловые сообщения германцев на линии Шон, Руа. С этой целью в первом эшелоне за 5-й австралийской и 2-й канадской дивизиями следовали 1-я кавалерийская дивизия из района северо-восточнее и 3-я кавалерийская дивизия из района западнее Каши, которые вместе с пехотой около 10.15 дошли до линии Иньокур, Марселькав. 1-я кавалерийская бригада с приданными ей 16 легкими танками, составлявшая левую колонну 1-й кавалерийской дивизии, подошла севернее дороги Амьен, Шон вплотную к австралийской пехоте и на линии Байонвиллер, Гийокур прошла через ее передовую линию. Ее ближайшей целью был Арбоньер, который был охвачен с севера и юга. Но при своем дальнейшем продвижении она наткнулась у Вовиллер и южнее Арбоньер на германское сопротивление. Части 1-й бригады залегли перед Вовиллер, в то время как несколько эскадронов 5-го гвардейского драгунского полка пошли в обход севернее и даже смогли атаковать Фрамервиль. С ними, следовательно, и имела дело группа Криса. Огнем из Фрамервиль гвардейские драгуны были, однако, остановлены.

С приближением противника к Байонвиллер находившиеся здесь штабы 152-го и 18-го полков отошли через южный конец Римского оврага на Фрамервиль. Адъютант 18-го пехотного полка лейтенант Шредер сообщает:

«На железной дороге западнее Фрамервиль мы собрали отдельных отставших бойцов. На железнодорожной линии гордо стояло железнодорожное орудие. Командир орудия не послушал ни моего благоразумного совета, ни совета одного артиллерийского офицера для связи из

штаба 152-го полка. Он выпустил 3—4 снаряда и лишь после этого попытался отойти. Но тут два самолета обнаружили поезд. После двукратной безуспешной атаки попавшие бомбы взорвали вагон со снарядами как раз начавшего уже отходить поезда. Непосредственно вслед за этим оба полковых штаба с немногими собранными людьми отошли на Фрамервиль. Как только мы подошли к западной окраине, в селении и в отходивших несколько южнее батареях, обозах и пр. внезапно началась дикая паника. На селение шло в атаку по Римской дороге большое число легких бронеавтомобилей, а с юго-запада— конница. Одновременно над деревней появились на высоте не более 100 *м* 80—90 неприятельских самолетов, которые своими бомбами и пулеметным огнем еще более увеличили панику в селении. Нет ничего удивительного в том, что некоторые испытанные на фронте офицеры и бойцы присоединились к этому паническому бегству стоявших в Фрамервиле хозяйственных рот, колонн, обозов и автомобилей. С офицерами штаба 152-го полка мы схватили пулемет и несколько из валявшихся вокруг в огромном количестве винтовок, заняли юго-западную окраину деревни и открыли огонь по скакавшей на нас коннице. Потеряв нескольких всадников, конница повернула назад. Между тем, как бы чудом, и бронеавтомобили повернули назад по Римской дороге».

Бронеавтомобилям удалось проникнуть дальше всех. 17-й броневой батальон (12 машин) на большой дороге восточнее Римского оврага обогнал передовую линию австралийской пехоты.

«Дойдя до фабрики ла-Флак[1], бронеавтомобили своим огнем по долине западнее Фукокур нанесли противнику тяжелые потери. Дорога была здесь быстро закупорена движением неприятельских повозок; ездовые под впечатлением бронеавтомобилей потеряли управление своими запряжками, много повозок наскочило друг на друга и перевернулось. Тогда бронеавтомобили свернули на Прояр и Фрамервиль. В последнем было убито много неприятель-

[1] У перекрестка дорог южнее Прояр.

ских бойцов, большое количество транспортных средств разбито, и германский подвоз приведен в полный беспорядок» *(Монгомери,* стр. 42).

Повернувшие на Прояр бронеавтомобили пересекли железную дорогу севернее его. Их появление принудило также и 9-ю батарею 243-го полка легкой артиллерии сняться с позиции (см. стр. 139). Здесь, однако, они попали под сосредоточенный огонь 7 пулеметов отдыхавшей роты (1-й) 22-го отд. пулеметного отряда (13-й пех. дивизии), которая как раз, выйдя из района расположения южнее Фруасси, достигла леса севернее Шюиньоль (около 12.00). Поэтому бронеавтомобили повернули и отошли без потерь назад. Все же им удалось вскоре после полудня без труда пройти между Прояр и Фрамервиль, так как здесь не показывалось германских частей и сюда германская артиллерия почти не стреляла.

В описанных выше боях последний резерв дивизии— половина 1-го батальона 148-го полка — не участвовал. Когда обнаружилось, что приказание батальону Вебера отходить на Байонвиллер уже невозможно выполнить, 74-я бригада направила туда половину 1-го батальона 148-го полка. При прохождении с запада мимо Арбоньер последний очень скоро попал под артиллерийский огонь противника. Вследствие этого и под влиянием многочисленных атак неприятельских самолетов 3-я рота, наступавшая в хвосте расчлененного полубатальона, потеряла связь и была позднее втянута в бой южнее железной дороги (см. стр. 238). Таким образом, у командира батальона майора Пихт остались лишь 1-я стр. и 1-я пулеметная роты. С ними он успел дойти еще до района восточнее Гийокур, когда обнаружил около 10.45 сильную неприятельскую конницу в движении между Байонвиллер и Вьенкур и вслед затем 7 танков в движении от Гийокур на север. По обеим этим целям пулеметная рота открыла огонь, в результате которого конница остановилась, в то время как танки свернули сначала на Арбоньер, а затем против группы Пихта. И здесь было совершенно

ясно обнаружено, что пулеметы ничего не могут сделать танкам. Майор Пихт сразу же понял, что его слабые части самостоятельно не смогут долго удержаться, и приказал отходить левым флангом вдоль железной дороги. Хотя вскоре было обнаружено движение подкреплений из района восточнее Арбоньер прямо на юго-восток (см. стр. 238), все же обе роты вынуждены были отходить перед охватившими их справа танками и сильно теснившей с фронта конницей; отходили они постепенно, несколько раз останавливаясь для отпора. Упорного сопротивления роты здесь больше уже не оказывали, поскольку танки появились также и южнее дороги, а неприятельские воздушные атаки и артиллерийский огонь из района южнее Байонвиллер причиняли частям 148-го полка большие потери (см. стр. 238).

Таким образом, после 13.30 на германской стороне между Соммой и левым флангом 41-й пех. дивизии (бывшим теперь в районе Фрамервиль) создалось прямо катастрофическое положение. Между Мерикур и лесом северо-восточнее выс. 84 находилась лишь тонкая стрелковая линия, которая имела поддержку только со стороны слабой части, занимавшей гору Георга. Позади стояло только 4 легких батареи. От северо-западных окрестностей Прояр до самой группы Криса больше никакой пехоты вообще не было. Несколько тяжелых батарей заняли позиции севернее Шюиньоль, а также около и восточнее Шюинь, несколько легких батарей тем временем совершало марш с северного берега Соммы в направлении на Прояр, а у Фукокур стоял один легкий артиллерийский полк. При энергичном продолжении наступления по обеим сторонам Римской дороги противник мог бы пройти еще далеко на восток, не встречая германских резервов. Было еще счастьем, что у неприятельского командования нехватило решимости использовать благоприятную обстановку. Оно, по всей вероятности, переоценило фланговую угрозу с северного берега Соммы и, кроме того, видимо, счи-

талось с возможностью непосредственного введения в дело сильных германских резервов. В действительности это произошло гораздо позднее.

4. Возникновение нового фронта в районе 11-го армейского корпуса.

Карты 1 и 2.

Командование 11-го армейского корпуса уже рано утром имело полное представление о всей серьезности положения. Однако, оно не могло оказать быстрой и достаточно сильной поддержки своим передовым дивизиям, так как из единственного резерва корпуса (43-я рез. дивизия) значительная часть пехоты и артиллерии[1] еще не была сменена, прочие же части были преждевременно и разрозненно введены в дело[2]; таким образом, в резерве имелось всего лишь 4½ батальона без артиллерии. Из них 6-я, 2-я пулеметная и 9-я роты 201-го рез. полка после утомительного ночного марша с передовой позиции только что подошли к Фонтенле-Каппи, а 3-й батальон 203-го рез. полка — к Аль. 2-й батальон 202-го рез. полка (без пулеметной роты) находился с предыдущего дня восточнее Каппи, 3-й батальон того же полка — южнее Каппи и 1-й батальон 203-го рез. полка — в Радегонд (возле Перон). Прежде чем эти выдохшиеся в боях, сильно разрозненные и частично утомленные ночным маршем части были направлены к фронту, в дело вмешалось армейское командование. Оно уже около 6.00 подняло по тревоге находившуюся в его резерве 107-ю пех. дивизию и

---

[1] Штабы 201-го и 202-го рез. полков, 6-я рота и 1-я пулеметная рота 201-го рез. полка у Сайи-Лорет, 43-й рез. полк легкой артиллерии (без 4-й, 6-й и 9-й батарей) и 1-й дивизион 16-го полка тяжелой артиллерии.

[2] 1-й батальон 202-го рез. полка на горе Каналь и в Мерикур, 1-я пулеметная рота 201-го рез. полка и 2-я пулеметная рота 202-го рез. полка юго-восточнее Серизи, 1-й батальон 201-го рез. полка (без пулеметной роты) в Римском овраге, 2-й батальон 203-го рез. полка западнее Прояр, 4-я, 6-я и 9-я батареи 43-го рез. полка легкой артиллерии на горе Георга.

вскоре затем решило перебросить ее на грузовых автомобилях к Фукокур, чтобы образовать заслон в направлении важнейшей Римской дороги. Однако, трудность заключалась в том, что артиллерия этой дивизии, за исключением 3 легких батарей, действовала еще в районе 27-й пех. дивизии, т. е. на прежнем участке 107-й дивизии (213-й полк легкой артиллерии без 1-го дивизиона и 1-й дивизион 6-го баварского полка тяжелой артиллерии). Поэтому находившийся также в армейском резерве в районе Эстре, Шон, Виллер-Карбонель 221-й полк легкой артиллерии был тоже подтянут к Фукокур.

Когда затем было выяснено, что атака противника на севере была доведена только до района севернее Морланкур, армейское командование в 7.30 направило также и свою ударную 243-ю пех. дивизию в район 54-го корпуса в направлении на Бре и Сюзан, намереваясь сначала использовать ее по обеим сторонам Соммы. Эта дивизия имела при себе лишь 3 легких батареи, так как главная масса ее артиллерии также действовала на участке 27-й пех. дивизии (238-й полк легкой артиллерии без 1-го дивизиона и 1-й дивизион 36-го полка тяжелой артиллерии). Кроме того, командование 2-й армии обратилось за поддержкой к соседней справа армии. Последняя направила: из 26-й рез. дивизии (ударная дивизия корпусного участка, примыкавшего с севера ко 2-й армии) 119-й рез. пех. полк на грузовиках и 1-й дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии на Каппи.

Обе дивизии, за исключением 479-го пех. полка, оставшегося в 27-й пех. дивизии (см. стр. 100), были подчинены командованию 11-го арм. корпуса. Когда последнее выяснило, что главная опасность угрожает южнее Соммы, оно отдало в 11.10 следующий приказ:

> «478-му пех. полку, 122-му фюзилерному полку (Сюзан), 119-му рез. пех. полку и двум[1] артиллерийским дивизионам (Каппи) следовать в 10.30 в указанные районы

---

[1] В действительности был направлен лишь один дивизион (1-й дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии).

и поступить в распоряжение 11-го арм. корпуса. Они поступают в распоряжение штаба 108-й пех. дивизии[1].

108-й пех. дивизии удерживать этими силами участок Мерикур, перекресток Римской дороги с дорогой Прояр, Арбоньер. Один полк выдвинуть в Шюинь в распоряжение командования корпуса.

По последним данным, Моркур удерживается 13-й дивизией; по полученным донесениям, неприятельские танки — восточнее Байонвиллер.

Находящиеся между Мерикур и Римской дорогой части поступают в подчинение 108-й дивизии, которой для этого установить связь с 13-й и 41-й пех. дивизиями».

Этот приказ содержал слишком оптимистический расчет времени прибытия отдельных полков. В действительности 478-й пех. полк, — однако, без 2-го батальона, который только рано утром вышел из окопов и поэтому позже возвратился, — лишь в 13.45 выступил из района севернее Сюзан на Прояр. На усиление его вместо отсутствовавшего 2-го батальона был направлен 1-й батальон 122-го полка. 122-й фюзилерный полк (без 1-го батальона) смог лишь в 15.30 выступить из Сюзан на Шюинь.

Весьма неутешительную картину увидели головы обеих колонн севернее и южнее Соммы: под действием неприятельского дальнего огня и сильных воздушных атак обозы и парки, сломя голову, бежали в беспорядке на восток, местами в дикой скачке мчались отдельные запряжки, бросившие свои повозки. Однако, увидев подходившие свежие части вюртембержцев, двигавшиеся в порядке, а кое-где и с песнями, они быстро успокоились. Правда, вюртембержцы тоже постепенно втягивались в район действий неприятельских воздушных эскадрилий и артиллерийского огня, вследствие чего их продвижение замедлялось. В 18.30 1-й батальон 478-го полка первым достиг юго-западной окраины Прояр. В 19.00 3-й батальон 478-го полка

[1] Так как штаб 43-й рез. дивизии продолжал руководить действиями на своем прежнем участке, то штаб 108-й пех. дивизии был свободен.

выдвинулся к имению у самой северо-западной окраины этого селения и постепенно вошел в соприкосновение с юго-восточным флангом 1-го батальона 13-го полка. Приданный 478-му полку 1-й батальон 122-го полка расположился во втором эшелоне на железной дороге между Шюиньоль и Прояр. Ему была придана находившаяся при 478-м пех. полку саперная рота 306-го полка для оборудования тыловой позиции на командующей высоте северо-восточнее Прояр. До пехотного боя дело уже больше не дошло.

Когда затем около 22.00 122-й фюзилерный полк своим 2-м батальоном вышел на эту же высоту южнее 1-го батальона 478-го полка и в свою очередь установил влево прочное соприкосновение с 107-й пехотной дивизией, то перед занятым противником фронтом между выс. 84 и Римской дорогой был не только вновь образован сплошной фронт, занятый пехотой, но и достигнуто достаточное эшелонирование в глубину. В распоряжении 108-й пех. дивизии были сосредоточены 6-я, 2-я пулеметная и 9-я роты 201-го рез. полка и 203-й рез. полк (без 2-го батальона), у Фонтен-ле-Каппи, а также 2-й и 3-й батальоны 202-го рез. полка южнее Каппи; кроме того, вечером к Шюинь в качестве корпусного резерва подошел 119-й резервный полк.

Подготовка грузовиков к переброске пехоты 107-й пех. дивизии настолько задержалась, что некоторые полки могли отбыть из своих районов расположения лишь между 12.00 и 16.00.

«Перед ехавшими вперед частями открылось безотрадное зрелище. Навстречу им бесконечной лентой тянулись повозки и колонны, вперемежку с ними в жалком состоянии бежали различные войсковые части. Эти последние, несомненно, могли бы еще оказать действительное сопротивление противнику. В таком же состоянии они лишь замедляли перевозку дивизии. Часто следовавшие рядом повозки переплетались в почти не распутываемый клубок, что препятствовало проезду наших грузовиков. К счастью, авиация противника не летала. В 1 *км*

от Фукокур проезд оказался невозможным, так как здесь батареи сопровождения также выехали на дорогу. Поэтому пришлось выгрузиться и дальше уже следовать походным порядком» (из боевого донесения 232-го рез. пех. полка).

107-я пех. дивизия в 14.00 в Фукокур отдала своей 213-й пех. бригаде приказ немедленно по прибытии полков перейти в наступление по обе стороны Римской дороги с целью выигрыша возможно большей территории в западном направлении. Впереди имелись лишь слабые остатки наших частей на западной опушке Баварского леса и перед Ренкур. Однако, 213-я пех. бригада, имея 232-й рез. полк правее и 227-й рез. пех. полк левее Римской дороги (на фронте в 1 000 *м* каждый), смогла развернуться из оврага восточнее Баварского леса и севернее Эрлевиль только в 17.45. Полкам было придано по одной батарее 1-го дивизиона 221-го полка легкой артиллерии. Остальные батареи этого полка, а также 1-й дивизион 213-го полка легкой артиллерии уже занимали огневые позиции по обеим сторонам Римской дороги (западнее Фукокур). 52-й рез. пех. полк остался в овраге восточнее Баварского леса. Потревоженные лишь самолетами, эти два передовых полка достигли линии около 300 *м* западнее дороги Прояр, ла-Флак и 1 *км* западнее Ренкур. Части 2-го батальона 227-го рез. полка выдвинулись до западной окраины Фрамервиль. Здесь по обоим полкам был открыт сильный артиллерийский и пулеметный огонь. Связь вправо с 478-м полком была вначале весьма непрочная — 122-й фюзилерный полк еще не подошел, — а влево совершенно ненадежная. Очень скоро было обнаружено, что части находятся перед прочно занятой позицией противника, против которой атака была возможна лишь после сильной артиллерийской подготовки, но пока для нее еще не были созданы необходимые условия. Поэтому от дальнейшего продвижения вперед пришлось отказаться. Это было безусловно правильно, так как противник с самого полудня имел время укрепиться на достигнутом им рубеже и подтянуть свои сильные артиллерий-

ские части и, кроме того, 107-я пех. дивизия в течение шестинедельного пребывания на передовых позициях была сильно утомлена. Нескольких дней, которые она простояла на отдыхе в тылу, было, конечно, недостаточно, чтобы восстановить боеспособность этой дивизии.

Этот отказ от дальнейшего наступления, правда, не соответствовал намерениям командования 11-го арм. корпуса, приказом которого от 18.00 предусматривалось:

> «107-я пех. дивизия наступает по обеим сторонам Римской дороги на Ламот. 108-я пех. дивизия наступает совместно с ней всеми имеющимися налицо силами, направляя правый фланг на Моркур. Граница между 108-й и 107-й дивизиями: станция Прояр и далее 500 *м* севернее Римской дороги. 107-я пех. дивизия левым флангом наступает на Байонвиллер».

Так как 107-я пех. дивизия дальше не продвигалась, а противник сильно укрепился также и перед 108-й пех. дивизией, подход же 122-го фюзилерного полка затянулся до 22.00, то корпусное командование отказалось от дальнейшего наступления и в 23.00 приказало закрепиться на достигнутых позициях. Подготовка к атаке на следующее утро должна была продолжаться. Но и этой атаке не суждено было осуществиться.

Вследствие потерь в рядах артиллерии, действовавшей на фронте южнее Соммы, нелегко было усилить 108-ю пех. дивизию сколько-нибудь достаточным количеством батарей. С 478-м, 122-м и 119-м рез. полками прибыли лишь 3-я батарея 238-го полка легкой артиллерии и 1-й дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии, но они подошли так поздно, что уже не могли занять огневые позиции; они остались у Шюинь (3-я батарея 238-го полка легкой артиллерии) и у Эклюзье (1-й дивизион 26-го рез. полка легкой артиллерии).

Таким образом, можно было рассчитывать лишь на способные еще к действию батареи 243-го и 43-го рез

полков легкой артиллерии, из которых, однако, часть должна была быть оставлена севернее Соммы в 43-й рез. и 27-й пех. дивизиях[1]. В итоге на участке 108-й пех. дивизии удалось сосредоточить 9 батарей. 2-й и 5-й батареям 43-го рез. полка легкой артиллерии, которые вместе с 7-й батареей потеряли все свои орудия, удалось, к счастью, получить из парка в Фруасси по 4 орудия и укомплектоваться за счет личного состава 7-й батареи. Имевшаяся в наличии тяжелая артиллерия состояла из батарей или орудий, которые предполагалось направить для усиления или для смены на участки 43-й рез. дивизии (южнее Соммы) и 13-й и 41-й пех. дивизий, но которые еще не были отправлены. Из этих последних 4-я батарея гвард. ландв. тяжелого артиллерийского батальона в течение 8 августа уже неоднократно занимала огневые позиции, но не могла, однако, получить снарядов. К вечеру в 108-й пех. дивизии имелось готовых к открытию огня 12 тяжелых орудий различных калибров. 107-я пех. дивизия имела 221-й полк легкой артиллерии и 1-й дивизион 213-го полка легкой артиллерии; тяжелой артиллерии пока не было, кроме полубатареи 1-й батареи 88-го полка тяжелой артиллерии 117-й пех. дивизии, но последняя еще поздно вечером была переброшена на юг[2]. Однако, к обеим дивизиям подходило в общей сложности 6 легких и 8 тяжелых батарей, которые совместно с готовыми к действию 9 августа 3-й батареей 238-го полка легкой артиллерии, 1-м дивизионом 26-го рез. полка легкой артиллерии и 4-й батареей гвард. ландв. тяжелого артиллерийского батальона могли значительно усилить оборону.

Дальнейший ход событий зависел в значительной мере от того, будет ли противник ожидать с возобновлением своей атаки и успеет ли эта артиллерия подойти и изготовиться к действию.

---

[1] Согласно приказу о передаче батарей, принадлежащих 107-й пех. дивизии (стр. 102).

[2] Расположение артиллерии см. на карте 2.

В. Южнее железной дороги Амьен, Шон.

1. 51-й армейский корпус.

Условия для обороны в районе действий 51-го арм. корпуса были более благоприятны, чем в 11-м арм. корпусе, так как предназначенные для этого участка ударные части (109-я пех. дивизия) имели свои сильные пехотные части и всю свою артиллерию недалеко от фронта. Равным образом отдыхавшие батальоны позиционных дивизий были расположены сравнительно близко за своими полками, так что могли быть быстро и планомерно двинуты в контратаку, что было немыслимо на участках 54-го и 11-го арм. корпусов. Следующее преимущество заключалось в наличии на участке соседнего слева 3-го арм. корпуса (18-й армии) ударного соединения в виде 1-й рез. дивизии, быстрое подтягивание которой было также обеспечено, поскольку позиционные дивизии этого корпуса не были атакованы противником. Участок 51-го арм. корпуса тоже стал сильнее, так как на правом его фланге развернулась совершенно свежая, хорошо подготовленная и укомплектованная 117-я пех. дивизия. Это было тем более ценно, что позиции здесь были расположены очень неудобно. После того как примыкавшие с севера дивизии во время неприятельской атаки 4 июля вынуждены были отвести свои части с фронта Амель, Виллер-Бретонне включительно, мы, в ожидании обратного овладения потерянной территорией, а позднее также в надежде продолжить наступление на Амьен, не захотели очистить позиции, находившиеся в лесистом районе севернее Ангар.

Таким образом, образовалась очень выпуклая дуга, требовавшая несоответственно много сил. Если бы противнику удалось продвинуться в направлении на Марселькав, то эта дуга находилась бы под серьезной угрозой флангового удара. К несчастью, 117-я пех. дивизия была введена в бой лишь 5 августа, и то не полностью. Ее части еще недостаточно знали свои позиции и утром 8 августа частично находились еще в подчинении штаба 109-й пех. дивизии. Последняя,

однако, была далеко не полноценной. Участвуя с конца апреля беспрерывно в боях, она пережила очень тяжелые месяцы и была чрезвычайно слаба и утомлена. Кроме того, в тот момент, когда противник открыл ураганный огонь, некоторые ее отдельные пехотные и артиллерийские части находились еще на позиции, а остальные только что начали отход в назначенные им районы. Таким образом, при наличии благоприятных условий были и неблагоприятные, которые не могли не оказать своего влияния на ход боя.

Участок 51-го арм. корпуса был атакован не только отличавшимися высоким наступательным духом канадцами, но и французами. Внутренние их фланги находились южнее большой дороги Амьен, Руа. Канадский корпус имел в передовой линии, считая с севера на юг, 2-ю, 1-ю и 3-ю дивизии, из которых, как уже говорилось (см. стр. 164), атакой 2-й дивизии был поражен в основном 148-й полк 41-й пех. дивизии, а 2-я и 1-я канадские дивизии должны были без смены атаковать до третьего рубежа, будучи при этом поддержаны главными силами 1-й кавалерийской дивизии. 3-я канадская дивизия, напротив, должна была атаковать лишь до второго рубежа. Затем 3-я кавалерийская и 4-я канадская дивизии должны были пройти ее фронт, развивая наступление дальше. План наступления был тот же, что и у австралийцев: немедленная атака танками и пехотой одновременно с открытием артиллерийского огня и двухчасовая остановка по достижении первого рубежа.

Напротив, для одновременной атаки 31-го французского арм. корпуса была предусмотрена артиллерийская подготовка продолжительностью в 45 минут. Лишь затем, т. е. в 6.05, должна была начать движение пехота. 42-я и 37-я дивизии этого корпуса должны были сначала овладеть командующей выс. 110, лесом у Морейль и плато западнее и юго-западнее Виллер-оз'Эрабль. Тем временем 153-я дивизия, которой было придано два батальона легких танков (90 штук), следуя на близкой дистанции, должна была постепенно выдвинуться в промежуток и ударом в направлении на

Анжест-ан-Сантер обеспечить новый порыв атаки. Из 126-й дивизии был образован второй эшелон.

Атака Морейль была возложена на 66-ю дивизию, причем предусматривалось три этапа. Одновременно с началом атаки 42-й и 37-й дивизиями она должна была восточнее р. Авр атаковать селение с севера (в 6.05); затем в 7.55 должна была пробиться через западную окраину и в 9.20 начать переправу через р. Авр южнее Морейль. В связи с этим в примыкавшем к 31-му корпусу с юга 9-м корпусе было намечено занятие предмостной позиции. Для этого 15-я колониальная и 3-я дивизии должны были в 9.20 перейти в атаку, имея ближайшей целью выход на рубеж выс. 95 и 102 (западнее и юго-западнее Плесье), восточная опушка леса, что северо-западнее Контуар.

Таким образом, в первом и втором этапах наступления три северные позиционные дивизии 51-го арм. корпуса должны были быть атакованы 1-й и 3-й канадскими дивизиями, 42-й, 153-й, 37-й и 66-й французскими дивизиями, а 192-я (саксонская) дивизия — 15-й колониальной и большей частью 3-й дивизии. Это почти двойное превосходство противника было еще значительно усилено поддерживающими эти дивизии могущественной артиллерией, танковыми частями и авиационными эскадрильями [1]. Противник располагал:

	Легкими орудиями	Тяжелыми орудиями	Танками
1-я и 3-я канадские дивизии	240	180	76
31-й арм. корпус	276	340	90
9-й „ „	180	252	—
Всего . . .	696	772	166

В дальнейшем ходе атаки 4-ю канадскую дивизию поддерживали еще 34 танка, а 1-ю и 3-ю кавалерийскую дивизию — 38 легких орудий и 96 легких танков. Благодаря этому усилению кавалерийские дивизии,

[1] Количество самолетов не может быть указано, так как вся масса воздушных сил находилась в непосредственном подчинении армий (стр. 19).

естественно, приобрели значительно бо́льшую боевую ценность, которая должна была дать себя особенно почувствовать; наступление имело быстрый успех, на что неприятельское командование фактически и надеялось. Приходилось считаться с тем, что эта конница успеет еще до подхода германских резервов проникнуть глубоко, помешать планомерному развитию германского контрудара и создаст серьезное замешательство в германском тылу. Указанное превосходство в живой силе и боевых средствах должно было усилиться во много раз, так как столь важный союзник противника, как туман, и на этом участке фронта в значительной степени исключал в начале боя действие германских боевых средств.

2. 117-я пехотная дивизия[1].

Несмотря на то, что 117-я пех. дивизия была наиболее свежей и боеспособной дивизией германской армии и что во главе ее стоял особенно закаленный в боях генерал-майор Хефер, ей не было суждено остановить могучую атаку противника. Особенно осложнилась оборона на правом участке вследствие того, что находившийся здесь батальон первой линии (1-й батальон 22-го рез. полка) лишь несколько часов тому назад занял свою позицию и что в стоявшем позади него батальоне 2-го эшелона (2-й батальон 22-го рез. полка) имелись для поддержки лишь 2 роты, расположенные на линии артиллерийских запасных позиций. Остальные подразделения этого батальона находились в Марселькав для обеспечения стыка с соседней частью. Батальон 2-го эшелона южного полка (3-й батальон 157-го полка) лишь в ночь на 8 августа подошел к району своего расположения и, так же как и 1-й батальон 22-го рез. полка, вообще еще не видел при

[1] Принимая во внимание ограниченные рамки настоящего труда, приходится в основном отказаться от описания отдельных боевых эпизодов боя батальонов первой и второй линий на участке 51-го арм. корпуса. Оно большею частью явилось бы повторением того, что уже говорилось при изложении боевых действий в районе 11-го арм. корпуса.

дневном свете своего участка. Роковым оказалось и то обстоятельство, что батальон 2-го эшелона среднего полка (2-й батальон 11-го гренадерского полка) был расположен вытянутым в одну линию очень близко к переднему краю, где он, попав почти одновременно с передовыми частями под артиллерийский огонь противника, тотчас же был втянут в бой вместе с фюзилерным батальоном.

Как это и следовало ожидать ввиду общего начертания позиции главного сопротивления, оба правые пех. полка были не только атакованы с фронта, но одновременно охвачены с правого фланга, так как быстрое продвижение противника в направлении на Марселькав дало возможность, особенно его танкам, охватить с севера Средний и Восточный лес. Поэтому здесь сложилась необычайная обстановка: расположенные на линии едва оборудованных прикрывающих артиллерию позиций части 22-го рез. полка уже втянулись в ближний бой, в то время как части, расположенные на переднем крае, еще упорно оборонялись на нем или непосредственно позади. Из 1-го батальона 22-го рез. полка уцелели очень немногие. Обе ударные роты 2-го батальона 22-го рез. полка, благодаря этому охвату с севера, были тоже сразу оттеснены на скат юго-западнее Марселькав, где им удалось оказать первое длительное сопротивление. Если бы остальная часть этого батальона перешла в атаку, то ей наверняка удалось бы задержать противника до тех пор, пока не подошел бы отдыхающий батальон. Однако, как уже было указано при описании боя 41-й рез. дивизии, по Марселькав велся особенно сильный артиллерийский огонь, которым полубатальон 2-го батальона 22-го рез. полка был загнан в погреба домов. После этого полубатальон соответственно своей задаче как части, обеспечивающей стык, получил приказ занять северо-западную окраину Марселькав. Но и это было уже поздно. Когда дальнейший перенос назад неприятельского огневого вала позволил выйти из погребов, канадцы с их танками уже ворвались на окраину селения. В южной части селения завязался ожесточен-

ный уличный бой (см. стр. 164); об оказании поддержки двумя остальными ротами того же батальона юго-западнее Марселькав не могло быть и речи. Из этой кровавой схватки почти никто не вышел живым. В какой степени командир полка — на этом участке командовал еще командир стоявшего здесь до сего времени 2-го гренадерского полка — мог оказывать свое влияние на руководство боем, видно из следующего описания, составленного офицером для поручений этого штаба, лейтенантом Цильберг:

«Марселькав беспрерывно обстреливался очень сильным огнем артиллерии всех калибров, особенно фугасными снарядами со взрывателями замедленного действия, в расчете на разрушение погребов. На занимаемые нами здания каждые две минуты падали снаряды, попадавшие лишь в стены и крыши.

В нашем распоряжении было всего 2 роты 22-го рез. полка. Около 7.00 огонь по Марселькав достиг бешеной силы и продолжался с таким напряжением до 7.30. Командир 2-го гренадерского полка майор граф Брокдорф приказал обеим ротам как можно скорее занять северо-западную окраину селения. Противник, повидимому, перенес свой артиллерийский огонь глубже. Но зато усилился пехотный и пулеметный огонь в непосредственной близости от селения. Кроме того, можно было ясно слышать шум моторов, но нельзя было различить, происходит ли он от танков или самолетов.

Около 7.40 наступило очень подозрительное спокойствие. Одновременно послышались шаги. Мы считали, что это шаги проходивших мимо солдат 22-го полка, однако тут же с удивлением услыхали, что разговор ведется на чужом языке. Вестовой командира полка, сделав несколько шагов вверх по ступенькам, чуть не упал со страха и еле слышно проговорил: «Томми».

Тотчас же взрывом большого разрывного заряда, брошенного в двери погреба, последний был частично разрушен, и весь штаб полка был взят в плен.

Исключительным кровопролитием отличался бой в 11-м гренадерском полку. Так, в фюзилерном ба-

тальоне были ранены 3 командира рот, много унтер-офицеров и рядовых; во 2-м батальоне были убиты командир батальона и 3 командира рот. И в этом полку уцелели лишь остатки фюзилерного и 2-го батальонов. Командир полка майор Группенберг тщетно пытался с этими остатками и 2-й пулеметной ротой удержать тыловую позицию в районе бригадного командного пункта. Так как охват из Марселькав достиг уже значительного развития, эти части должны были после 8.00 отойти глубже в тыл, причем во время этого отхода был убит командир полка.

Бой 2-го батальона 157-го полка рисуется так. Командир батальона майор Менде пишет:

«Как только начался артиллерийский огонь противника, я немедленно бросился к телефону, чтобы доложить об атаке, однако провод уже был порван снарядами. Тогда я выбежал наружу, чтобы хоть что-нибудь увидеть, но стоял такой густой туман, что можно было видеть не дальше двух шагов. Был слышен лишь слабый ружейный огонь, так что я предположил, что атака либо отбита, либо еще не началась. Я стал ожидать донесений от рот. Пехотный огонь полностью прекратился, однако сведений никаких не поступало; поэтому я послал во все роты посыльных. Прошло полчаса, никто не приходил, и ничего не было видно и слышно. Наконец, пришел унтер-офицер 5-й роты Бейер и доложил, что противник двигается за ним по пятам, а его командир роты, повидимому, убит. Не успел он это сказать, как первые гранаты полетели в убежище».

Особенно замечательны приключения лейтенанта 8-й роты 157-го полка Хох:

«Рота была распределена по беспорядочно разбросанным гнездам. Туманно забрезжили первые бледные лучи, когда над нами внезапно разразился ураган артиллерийского огня. Командир роты лейтенант Лангнер и я стояли рядом после проведенной абсолютно без сна ночи и наблюдали; выяснилось, что огонь противника быстро продвигается через нас. В несколько секунд рота была в

полной боевой готовности. Я быстро побежал к передовым постам, где, однако, ничего не было видно. Передовые посты, кроме обычного шума работ, ничего не заметили. Кроме свиста летевших через наши головы снарядов, мы не заметили никакой деятельности противника. Тогда в полном спокойствии были приняты обычные мероприятия; в готовности обоих противотанковых орудий я тут же убедился лично. Лейтенант Лангнер попытался связаться по телефону с батальоном, однако линия уже была порвана. В батальон и к соседям были посланы пешие посыльные, которые не возвратились.

Наконец, появился противник. Вначале невероятно низко над нами зажужжало несколько летевших со световыми сигналами самолетов, которые обстреляли нас пулеметным огнем. Наш ответный огонь, к сожалению, остался безрезультатным. Затем показались 2 танка, но за ними не было ни одного неприятельского солдата. Мы открыли огонь, особенно успешный по одному хорошо видимому танку, — тот остановился, в то время как другой довольно быстрым ходом свернул в сторону. Позади остановившегося танка мы обнаружили, повидимому, вылезший из него экипаж, который довольствовался тем, что выглядывал из-за углов и делал нам знаки, что мы должны сдаться. Между тем к танку стало подходить все больше неприятельских бойцов. Перейти в атаку они, однако, не решились, и нам удалось после длительного огня заставить их уйти в укрытие.

Мы себя чувствовали неприятно ввиду отсутствия своего заградительного огня. Наконец, внезапно по нас был открыт огонь с тыла, видимо, двумя танками, которые, по всей вероятности, воспользовавшись лежавшим позади нас оврагом, обошли нас. Пулеметный и орудийный огонь затрещал по нас из этих 2 танков, а также из стоявшего впереди нас танка и из стрелковой цепи, которая там образовалась. Прошло немного времени, и от нашей роты, обстреливаемой со всех сторон и все еще продолжавшей оказывать сопротивление, осталась лишь небольшая кучка бойцов. Вскоре после разрыва совсем близко от меня снаряда, убившего лейтенанта Лангнера, я увидел себя в руках канадских санитаров».

Адъютанту передового батальона удалось пробиться к командиру батальона 2-го эшелона. Этот последний, майор Печельт, составил донесение: «Англичане прорвались, должны быть сейчас здесь». Немедленно приготовил роты своего 3-го батальона 157-го полка к контратаке, однако он тут же был тяжело ранен. Одновременно прямо перед ним из тумана показались плоские шлемы, так что дело до планомерной контратаки уже не дошло. И все же противник был на долгое время задержан.

> «Наиболее упорное сопротивление было оказано германцами в одном окопе западнее Оберкур, служившем прикрытием для некоторых наиболее важных артиллерийских позиций» (*Монгомери*, стр. 36).

В 7.55 первые канадские стрелковые части появились у командного пункта полка, восточнее Оберкур. Штаб полка был взят в плен.

Таким образом, противник, обладавший превосходными силами, около 7.45 полностью владел Марселькав; вскоре после 8.00 он вышел на линию командного пункта бригады и почти одновременно достиг командного пункта 157-го полка; следовательно, самое позднее в 8.15, на один час позже назначенного времени, канадцы на всем участке 117-й пех. дивизии достигли первого рубежа атаки, где они согласно приказу и задержались до 9.20. Поддержка батальонов первой и второй линий артиллерией была весьма слаба. Хотя около 5.30 почти все батареи вели с полным напряжением огонь на уничтожение, к этому моменту много орудий было уже повреждено попавшими в них снарядами, например все 4 орудия 1-й батареи 37-го ландв. арт. полка, вообще не открывавшие огня. Также быстро была разрушена и телефонная связь. Основная же причина ничтожных результатов артиллерийского огня кроется в том, что уничтожающий огонь велся по плану впереди боевого охранения в то время, когда бой шел уже на переднем крае и позади него. Туман и отказ в работе всех средств связи полностью исключили возможность своевременно опре-

делить степень успеха атаки противника; огонь все время велся по полосе, лежащей позади передовых атакующих волн противника. По английским источникам, огонь германской артиллерии нисколько не задерживал продвижения и нанес лишь ничтожные потери. До самообороны дело дошло лишь в нескольких батареях, например, в 3-й батарее 64-го полка[1] тяжелой артиллерии и в 1-й батарее 37-го ландв. арт. полка; в большинстве случаев самооборона вследствие быстрого продвижения противника и охвата была невозможна или быстро парализовалась. С достижением противником первой цели атаки главная масса орудий, включая и большую часть орудийных расчетов, попала в плен. О хорошей работе артиллерийской группы, стоявшей в районе леса Пьере, уже говорилось (см. стр. 159 и 164).

Вопрос, успеют ли отдыхающие батальоны 117-й пех. дивизии своевременно изготовиться и задержать возобновленное после перерыва наступление противника до подхода ударной дивизии, имел решающее значение для дальнейшего развития боевых действий. Одновременный контрудар этих батальонов, объединенных под одним общим командованием, мог бы еще иметь успех. Успех этот, правда, был бы только временным, так как вначале артиллерийская поддержка была бы недостаточна по той причине, что после потери всей позиционной артиллерии имелась налицо только одна отдыхающая батарея (6-я батарея 233-го полка лег-

---

[1] Захваченные во время смены батареи 64-го тяжелого арт. батальона (109-й пех. дивизии) имели лишь по 2 орудия, остальные два были сменены орудиями батарей 88-го тяжелого арт. батальона (117-й пех. дивизии), которые только что успели занять огневые позиции и еще не произвели пристрелки. На огневой позиции 4-й батареи 227-го полка легкой артиллерии находилось: половина этой батареи и половина 8-й батареи 233-го полка легкой артиллерии, на позиции 5-й батареи 227-го полка легкой артиллерии — половина 5-й батареи и половина 9-й батареи 233-го полка легкой артиллерии и, наконец, на позиции 6-й батареи 227-го полка легкой артиллерии — половина этой батареи и половина 7-й батареи 233-го полка легкой артиллерии.

кой артиллерии). К сожалению, эти отдыхающие батальоны не были использованы одновременно. Первоначально командование дивизии направило их в балку Вьенкур. Но так как противник обстреливал сильным артиллерийским огнем весь район до Арбаньер, а, кроме того, батальоны подвергались налетам мощной неприятельской авиации, то движение их сильно замедлилось, причем батальоны несли серьезные потери.

Когда 3-й батальон 22-го рез. полка достиг района юго-восточнее Вьенкур, поступило донесение, что противник уже вошел в Вьенкур. На этом основании командир 22-го рез. полка, следовавший на смену штаба 2-го гренадерского полка в Марселькав и задержанный артиллерийским огнем противника, приказал батальону развернуться против Вьенкур. Вначале в селение были высланы дозоры, которые в 9.00 донесли, что в Вьенкур противника еще нет. Соседних с севера частей нигде обнаружено не было.

Тем временем левее 1-й батальон 157-го полка прибыл на восточный край балки Вьенкур, имея приказ дивизии наступать до балки Блиндарм, так как последнее полученное дивизией донесение гласило, что противник прорвался, главным образом, на левом фланге этой дивизии и на правом фланге 225-й пех. дивизии.

Командир батальона решил вначале перейти находившуюся под сильным огнем балку Вьенкур двумя ротами, а остальной частью батальона занять тыловую позицию на восточном скате балки. В этот момент к 1-му батальону 157-го полка с фронта прибыл командир бригады и, будучи знаком с обстановкой, приказал командиру 22-го рез. полка майору Шерер со своим 3-м батальоном и подчиненным ему 1-м батальоном 157-го полка удерживать высоты восточнее балки Вьенкур. Непосредственно вслед за этим к командиру бригады прибыл конный посыльный и доложил, что левее 1-го батальона 157-го полка расположен 1-й батальон 11-го гренадерского полка. Последний был также подчинен майору Шерер. В результате наступление 3-го батальона 22-го рез. полка

на Вьенкур было приостановлено, и направленные через балку Вьенкур роты 1-го батальона 157-го полка были возвращены назад. Из 1-го батальона 11-го гренадерского полка три роты уже успели пройти 500 *м* за балкой Вьенкур, но наткнулись на сильного противника, который только в 9.20 возобновил свою атаку. После горячего боя, в котором приняли участие отходившие с фронта остатки фюзилерного и 2-го батальонов 11-го гренадерского полка и 2-й и 3-й батальоны 157-го полка, эти три роты были вынуждены отойти через балку Вьенкур назад.

Таким образом, лишь около 10.00 все три батальона, понеся уже значительные потери, соединились на высотах восточнее балки и были поддержаны следовавшей за ними 6-й батареей 233-го полка легкой артиллерии. Непосредственно вслед за этим этот оборонительный рубеж был атакован одновременно с запада и со стороны Вьенкур большим количеством танков, предшествуемых сильным огневым валом. Неприятельская пехота следовала за танками очень осторожно. И на этот раз произведенный охват с севера, где связь с соседом тоже отсутствовала, привел к исходу не в пользу обороняющегося. Несмотря на то, что 6-я батарея 233-го полка легкой артиллерии, оказывая по мере возможности поддержку, вывела из строя несколько танков — донесение полка указывает на 6 подбитых танков,— все же сначала правый фланг (3-й батальон 22-го рез. полка) группы Шерера, под угрозой охвата, все время расширявшегося к востоку и достигшего уже Гийокур, вынужден был отойти на высоты к югу от этого селения. Затем постепенно начали отходить центр и левый фланг, так как опасность полного окружения становилась все серьезнее. Дело в том, что действовавшие южнее железной дороги бригады 1-й английской кав. дивизии (9-я и 2-я кав. бригады) прошли теперь со своими легкими танками передовую линию канадской пехоты и быстрым аллюром двинулись на Кэ. Однако, противник окончательно занял возвышенный район севернее Кайе только около полудня. Ввиду подавляющего превосходства

на стороне противника в артиллерии, танках и самолетах, описанные действия трех отдыхавших батальонов и 6-й батареи 233-го полка легкой артиллерии должны быть особенно отмечены. Они понесли чрезвычайно большие потери. Если бы они были поддержаны хоть сколько-нибудь достаточной артиллерией, то продвижение противника на этом участке было бы весьма затруднено. В 12.30 пехота 2-й канадской дивизии достигла на участке 117-й пех. дивизии второго рубежа наступления.

Какое потрясающее впечатление произвели эти бои на одного из участников, которому удалось выйти из передового района боя, и насколько были подорваны его физические силы, видно из описания, составленного лейтенантом 9-й батареи 227-го полка легкой артиллерии Френцемейер, бывшим артиллерийским офицером для связи при командире батальона первой линии 157-го пех. полка.

«Меня разбудила глухая артиллерийская стрельба. Как будто я только что задремал. Какое-то беспокойство гонит меня тотчас же к ближайшему выходу из убежища — всего было 2 выхода. Поднимаюсь наверх; тут меня задерживает в убежище частый артиллерийский огонь, который, как грозовой дождь, покрывает овраг Мертвых. Ни один человек здесь не пройдет, поэтому нужно подождать, пока огонь ослабнет. Весь овраг заполнен туманом; противник, видимо, стреляет дымовыми и химическими снарядами. Поэтому надо готовить противогазы. Я приказываю людям подойти к выходу, насколько это позволяет убежище, и приготовить оружие, а сам приношу бинокль и карту и надеваю снаряжение. Около 5.50 огонь начинает затихать. Я приказываю бойцам немедленно занять позиции, сам же бегу вниз для доклада командиру; когда я хотел внизу крикнуть ему: «Приготовьтесь к бою», я уже услыхал от него ответ (он звенит у меня в ушах и до сих пор): «Это бесцельно, так как англичане уже здесь». И действительно, канадцы уже ворвались через другой вход в убежище, где находились офицеры штаба батальона, и вследствие внезапности напа-

дения быстро подавили последних и уже очутились внизу. К моему счастью, убежище поблизости от второго выхода имело помещение, отделенное занавеской. Воспользовавшись этим укрытием, чтобы спрятаться за него, бегу к другому выходу, вынимаю пистолет,— внизу слышны еще громкие крики,— собираюсь выскочить наружу. Солдаты жмутся к минным рамам галлереи перед выходом; они показывают мне знаками, что противник находится перед галлереей. «Живым не сдамся», решаю я. Ставлю пистолет на боевой взвод и с криком «За мною!» выскакиваю из убежища. Перед выходом стоит с винтовкой с примкнутым штыком у ноги широкоплечий канадец, повернувшись вполоборота к галлерее. Стреляю в него из пистолета и бегу мимо прямо в овраг. От этого зависит моя жизнь. Перед другим выходом стоят несколько канадцев. Они пускаются за мной. Бегу на значительной дистанции впереди. Мимо моей головы свистят пули. Я не могу себя считать хорошим бегуном, но никогда в жизни я не бегал так быстро. В тумане различаю канадцев, преследующих меня, как тени. Попадаю в полосу огневого вала, лежащего на противоположном краю оврага. Лучше туда, чем в плен. Слышу позади себя только громкие крики, заглушаемые артиллерийской канонадой. Перевожу на мгновение дух и пытаюсь проскочить через огневой вал. Все описанное произошло за несколько минут. Весь гарнизон галлереи, повидимому, попал в плен. Перебежками бегу вперед, держа направление на узел дорог севернее Демуэн. В каменоломне не видно ни одного человека. Севернее Оберкур расположена одна батарея 225-й дивизии[1], офицеров которой я ориентирую в обстановке. Они снимают свои орудия с позиций. Противотанковое орудие, стоящее у края дороги, изготовляется к открытию огня. На батарее несколько офицеров, поэтому иду дальше назад, чтобы дойти до полка. Телефонная связь, естественно, повсюду перерезана. Все улицы и ходы сообщения обстреливаются сильным артиллерийским огнем. Слева у края дороги расположены убежища и блиндажи штаба 157-го полка. До-

[1] 1-я батарея 47-го полка легкой артиллерии.

кладываю командиру полка об обстановке на фронте. Конечно, он приходит в ужас. Он предпринимает подготовительные мероприятия, насколько это возможно. Я спешу через огневой вал дальше и встречаю какого-то телефониста, который на мой вопрос сообщает мне, что больше нет связи ни с одной станцией. Туман все еще густо расстилается по полям. Перепрыгиваю из воронки в воронку. Отдельные пехотинцы с оружием и без него, без командиров отходят назад. Я собираю вооруженных, причем, к сожалению, вынужден некоторым несколько раз угрожать пистолетом. Пытаюсь образовать более или менее сильную часть. Мы приходим на огневую позицию одной тяжелой батареи, южнее Марселькав [1]. Батарея как раз готовится вынуть замки и взорвать орудия ручными гранатами. Одна легкая батарея [2], стоящая неподалеку, выпускает свои последние снаряды по Марселькав и по Римской дороге, обстреливая танки и неприятельские части. Я приказываю пехотинцам занять позицию у самого оврага Вьенкур и встречаю, наконец, одного пехотного офицера, сидящего со своей пулеметной ротой в овраге в ожидании приказа с фронта; под мою ответственность он также идет на высоту занимать позицию. Время от времени подходят еще пехотинцы. В тот момент, когда мы направляем части для занятия позиции, подходит, направляясь к фронту, одна из ударных рот 117-й пех. дивизии [3] под командой ротмистра. В этот момент прибывают взволнованный серьезностью обстановки мой командир полка майор Клейн, затем поручик Асман и лейтенант Цюлов с несколькими бойцами. Они вынуждены были оставить почти все свои подразделения впереди и теперь пытаются разыскать уже смененные батареи. С согласия Цюлова я остаюсь при пехоте. Пожалуй, я могу оказаться полезным. Мы хорошенько окапываемся, используя при этом в виде укрытий старые одиночные окопы.

Перед глазами жуткое, но величественное зрелище: английская конница скачет по-эскадронно на Вьенкур. Ее становится все больше, я насчитал почти 1 500 всадников.

---

[1] Повидимому, 1-я батарея 64-го полка тяжелой артиллерии.
[2] Повидимому, 8-я батарея 27-го полка легкой артиллерии.
[3] Повидимому, из 1-го батальона 157-го полка.

За ними быстрым ходом идут легкие танки, которым тоже нет конца. Я обращаю на них внимание ротмистра, но пехота остается на позиции. Что же будет дальше? Перед нами развертывается неприятельская пехота с тяжелыми танками. Штабы с лошадьми останавливаются недалеко от водокачки в Марселькав. Я очень сожалею, что не могу направить туда артиллерийский огонь. Неприятельская конница снова показывается восточнее Вьенкур, скачет дальше по Гийокур, танки следуют за ней. Я посылаю назад пеших посыльных, которые должны попытаться найти высшие штабы и ориентировать их в обстановке, которая становится все более серьезной. Я надеюсь, что мы скоро получим артиллерийскую поддержку, но никто не возвращается назад. Теперь уже очень мало смысла посылать туда еще людей. Противник обстреливает тяжелой артиллерией район позади наших позиций. Мы пролежали недолго, как вдруг над нами появились густые стаи самолетов в таком количестве, которого мы раньше еще не видели. Два самолета мы сразу же подбили, но это нисколько не помогает. Самолеты обстреливают нас, как бешеные. Они летают над нами так низко, что мы их почти можем схватить руками, и все больше забрасывают наши позиции связками ручных гранат и наносят нам своими пулеметами большие потери. Непосредственно впереди нас появляются неприятельские танки, которые пытаются выйти через дорогу в поле. Мы открываем по этим чудовищам сильнейший ружейный и пулеметный огонь. Мы охвачены со всех сторон. Неприятельская пехота подходит все ближе. Наши огнеприпасы подходят к концу. Пополнения нет. Много раненых и оставшихся без патронов пехотинцев отходит назад. Оставшись лишь с немногими людьми, мы вынуждены теперь сдать позицию. Неужели нет никакой поддержки, никакого пополнения? Первый танк подбит, однако остальные преследуют нас и пытаются уничтожить. Мы видим, как в нашем тылу уже далеко позади по полям шныряют неприятельские танки, атакуя гнезда сопротивления и выгоняя людей из убежищ, и как небольшими группами скачет по местности неприятельская конница. Спасемся ли мы вообще? Мы пытаемся перейти

через ручей Люс и итти на Кэ. В Вовиллер[1], видимо, взорвался склад огнеприпасов. Нас остается совсем небольшая кучка, но мы надеемся еще сегодня встретить наши резервы. Крупных масс войск германцев нигде не видно, всюду только противник. Наконец, мы натыкаемся на одно противотанковое орудие, которое, стоя на огневой позиции и будучи также отрезано от своей части, ведет огонь по выгодным целям и подбило один танк. Мы берем экипаж танка с собой, канадцы ранены и истекают кровью. Уже за полдень, голод дает себя заметно чувствовать. К нашему счастью, кое-где на полях стоит еще не снятый хлеб, который укрывает нас от двигающихся по дорогам танков и следующей за ними пехоты. Наконец, блеснул луч надежды. Севернее Кэ одна батарея 23-го баварского полка легкой артиллерии[2] выскакивает рысью, почти галопом, на огневую позицию, чтобы открыть огонь по открыто следующей неприятельской коннице южнее ручья Люс. К сожалению, я не могу ничего узнать о моих частях, но теперь мы уже надеемся встретить остатки дивизии. На одной из проселочных дорог прямо к западу от Розьер я нахожу, наконец, одну из батарей 227-го полка легкой артиллерии[3]. Лейтенант Вюстендорфер, имея свой наблюдательный пункт в палисаднике, открывает огонь по неприятельской коннице. Я иду дальше. Один дивизионный автомобиль, направляющийся на Арбоньер, берет меня с собою. Но ему уже не удается туда попасть, и мы едем на Вовиллер, где надеюсь найти свою часть. Я вижу, как лейтенант Греффер, проезжая с батареей через селение, собирается занять огневую позицию на дороге в Фрамервиль. Я являюсь к командиру дивизиона капитану Шумбург, затем в штаб полка к майору Рель, который снова направляет меня в 9-ю батарею. Все уже считали меня пропавшим без вести. Передки приходится держать в непосредственной близости. Авиация противника продолжает

---

[1] Склад огнеприпасов взорвался в Розьер.

[2] Речь может итти лишь о 6-й батарее 23-го баварского полка легкой артиллерии, которая, однако, стояла южнее (см. стр. 255).

[3] Повидимому, 2-я батарея 227-го полка легкой артиллерии.

еще усиленно действовать. Лишь вечером прилетели германские самолеты, и теперь неприятельские летчики оставили нас в покое. Как выглядит теперь обстановка на фронте, если вообще можно говорить о фронте? 117-я и наша пехотная дивизии почти целиком уничтожены, пехоты осталось совсем мало. Большая часть попала в плен. Где резервы? Только одна артиллерия еще сдерживает противника. Однако, я должен сказать, что если бы мы, германцы, достигли при прорыве такого успеха, то мы использовали бы его по-иному».

3. 225-я пехотная дивизия.

225-я пех. дивизия занимала участок по обоим берегам ручья Люс, включая большое государственное шоссе Амьен, Руа. Оно имело особенно важное значение для противника, так как район Руа служил целью атаки правого крыла 4-й армии (см. стр. 18). Чтобы обязательно достигнуть намеченного на 8 августа рубежа именно по направлению этой дороги, командование противника поставило действовавшей здесь 3-й канадской дивизии задачу — достичь лишь второго рубежа атаки. Дальнейшее развитие атаки было предположено осуществить свежими силами (4-й канадской и 3-й кавалерийской дивизиями). Командование 3-й канадской дивизии решило нанести главный удар к югу от ручья Люс, для чего наступавшей здесь в первом эшелоне 9-й бригаде было придано 28 танков. По достижении первого рубежа атаки 9-ю бригаду должна была опередить 7-я бригада. Севернее ручья Люс действовала 8-я бригада, которой было придано 14 танков. Ей была поставлена задача достигнуть второго рубежа атаки. Но участок 225-й пех. дивизии был атакован не только перечисленными выше силами; на южной трети участка действовали, кроме того, сильные части 42-й французской дивизии. Таким образом, 225-й дивизии пришлось обороняться против значительно более превосходного противника.

Занятие исходного положения и развертывание 9-й канадской бригады и приданных ей танков в небольшом тет-де-поне у Урж было не так просто. Если бы

оно сорвалось, т. е. было бы преждевременно замечено с находившейся близко от нее германской передовой линии и нарушено артиллерийским огнем, то одновременность атаки была бы поставлена под угрозу. Вот почему занятие исходного положения упомянутыми соединениями служило предметом особых забот неприятельского командования. Поэтому танки должны были подойти к полю сражения не по мосту у Домар, а по более удаленному мосту у Тэнн. Оттуда они должны были выйти в свои исходные районы, двигаясь в мертвом пространстве, вдоль ската, находившегося перед германской линией боевого охранения. Необходимо было избегать малейшего шума. Эти меры предосторожности вполне обеспечили успешное занятие исходного положения. Оно протекло без всякой помехи, хотя боевое охранение 373-го пех. полка еще в 5.00 услышало шум танковых моторов. Однако, донесение об этом поступило не настолько заблаговременно, чтобы огонь артиллерии на уничтожение мог дать сколько-нибудь положительные результаты. С началом атаки канадцев их передние волны и танки круто повернули на северо-восток, чтобы, оставаясь первоначально возможно дольше в мертвом пространстве, охватить с севера передовые позиции германцев. Эти первоначальные передвижения были, естественно, прикрыты особенно сильным артиллерийским огнем. В противовес этому артиллерия 225-й пех. дивизии действовала чрезвычайно слабо. Она располагала всего лишь 59 орудиями, из которых 2 орудия, предназначенные для противотанковой обороны, участия в уничтожающем и заградительном огне не принимали. Кроме того, 7 орудий находились севернее ручья Люс, а в остальных батареях 5 орудий с самого начала были подбиты неприятельским огнем. Поэтому количество орудий, действовавших на участке дивизии южнее ручья Люс, сократилось до 45. Судя по английским источникам, много снарядов, попадая в болотистый грунт низины ручья Люс, давало клевки. Поэтому важнейшая переправа через ручей на большой дороге между Домар и Урж почти все время была до-

ступна для следовавших через нее войск, несмотря на то, что германский артиллерийский огонь был открыт вскоре после 5.20. В результате батальоны первой линии 225-й пех. дивизии имели недостаточную артиллерийскую поддержку.

Вскоре после 6.00 канадцы фронтальным ударом ворвались в Ангар. В 6.30 в небольших рощах севернее и северо-восточнее Ангар (леса Гренц и Нат на карту не нанесены) завязался горячий ближний бой. Он только потому закончился неудачно для 217-го рез. полка, что противник прорвался вдоль самого ручья Люс, где стоял особенно густой туман, а также на участке соседа справа и затем атаковал с тыла оборонявшиеся фронтом на запад гнезда. В 6.40 командир батальона первой линии донес, что он атакован с тыла. Находившаяся при нем станция телеграфа через землю продолжала работать и еще в 8.10 смогла передать, что батальон все еще держится. Однако, поддержать этих храбрецов не удалось, так как стоявшая севернее Демюэн ударная рота была уже давно разбита противником. Правда, здесь, у Оберкур, вступили в бой обе отдыхавшие роты 217-го рез. полка с несколькими станковыми пулеметами, стоявшими у Венского леса. Они могли также оказать фронтально наступавшему противнику упорное сопротивление, и весьма вероятно, что горячий бой, о котором пишет Монгомери (см. стр. 190), относится также и к этим двум ротам и станковым пулеметам. Однако, очень скоро слишком сильный нажим противника с севера заставил их отойти в направлении Иньокур. Они пытались задержаться у Мон-Иде и на восточном скате балки Блиндарм. Однако, сравнительно долго им удалось задержаться лишь восточнее балки Вьенкур, где они вошли в связь с южным флангом отдыхавшего батальона 117-й пех. дивизии (см. стр. 192). Бой здесь прекратился лишь днем, когда последовал отход на Кайе.

Непосредственно южнее ручья Люс противник, действуя в густом тумане против трех слабых рот 217-го рез. полка, тоже быстро достиг успеха. С многочи-

сленными танками он в 7.10 достиг Демюэн и вслед затем захватил в плен полубатарею 7-й батареи 47-го полка легкой артиллерии, после того как она успела вывести из строя один танк. Здесь особенно дала себя почувствовать слабая артиллерийская поддержка. За этим участком стояли лишь упомянутая полубатарея и 6-я и 9-я батареи 47-го полка легкой артиллерии. Этим двум батареям пришлось к тому же в самый критический момент открыть заградительный огонь по восточной окраине Ангар, так как в 6.30 поступили сведения, что противник ведет там атаку с тыла. О быстром же продвижении противника южнее ручья Люс еще ничего не было известно.

Этот успех противника непосредственно севернее и южнее ручья Люс сыграл решительную роль для судьбы всей 225-й пех. дивизии. Южнее обстановка вначале сложилась значительно благоприятнее. Правда, первые неприятельские танки и атакующие волны пехоты вскоре после 6.00 достигли леса Шварцвальд, находившегося на важном шоссе Амьен, Руа. Однако, действовавший здесь 373-й полк оборонялся с исключительным упорством. Несмотря на свое превосходство, противнику лишь около 8.30 удалось полностью овладеть Шварцвальдом. Это служит доказательством, что германская пехота была еще способна к упорной обороне, если она не была опрокинута танками или атакована с тылу. Здесь, в лесу, эти чудовища теряли свою способность к маневрированию.

Севернее, на крутых скатах выемки дороги, идущей на Ангар, противник тоже встретил упорное сопротивление.

«На эту позицию в теснине, согласно приказу, отошли из боевого охранения командир 8-й роты лейтенант Дабек с лейтенантом Планиц, 1 унтерофицером, 15 бойцами и 3 ручными пулеметами. В то время как огонь неприятельской артиллерии еще со всей силой велся по теснине, передовой танк обошел находившийся впереди опорный пункт и открыл огонь по его гарнизону, в тот момент состоявшему из 3 офицеров, 60 рядовых, 2 стан-

ковых и 7 ручных пулеметов. Вслед за первым появился и второй танк. Оба танка были обстреляны пулеметным огнем и ружейными гранатами. Внезапно из оврага на фланге опорного пункта появился третий танк; четвертый подошел от Ангар и также остановился в овраге севернее позиции. Тогда южный танк (третий) пошел через позицию и, забрасываемый ручными гранатами и разрывными зарядами, был остановлен, а экипаж был взят в плен. При подавлении второго танка лейтенант Винер, бросившийся, выполняя приказ, на танк с подрывным зарядом, был убит на месте.

За время боя с этими танками подошли со стороны Ангар незамеченные в тумане неприятельские стрелковые цепи, за которыми следовала пехота в колоннах. Хотя они были с успехом обстреляны легкими минометами и пулеметами, им все же удалось под прикрытием небольшой лощины выйти в тыл этой позиции» (журнал боевых действий 2-го батальона 373-го полка).

Приведенная выдержка характерна для многочисленных отдельных боевых стычек, которые вследствие невозможности занять сплошную позицию сделались обычными. Противник повсюду имел возможность совершать охваты, не встречая препятствий со стороны находившихся в тылу или на флангах гнезд, так как туман препятствовал наблюдению. Как ни отважно оборонялись, даже против танков, подразделения, занимавшие опорные пункты и отдельные участки окопов, они в конце концов падали жертвой окружения; к тому же, чем дольше они держались, тем большее число последующих атакующих волн противника проникало в оборонительную полосу. В 7.15 бой у выемки закончился.

В этих весьма кровопролитных боях у леса Шварцвальд и на позиции у выемки была уничтожена большая часть батальонов первой и второй линий 373-го полка. Дальнейшему продвижению противника по обеим сторонам дороги уже не могли быть противопоставлены более или менее значительные силы. Последующей целью его атаки являлся лесистый район

к югу от Демюэн (Баварский лес севернее и английский сад южнее большой дороги). Стоявшая в Баварском лесу артиллерийская группа не имела никакого пехотного прикрытия. На позицию 1-й батареи 12-го ландштурменного тяжелого артиллерийского дивизиона вскоре после 8.30 пришли несколько человек минометной роты, которые сообщили, что противник достиг уже высоты западнее этого леса. Командир батареи тотчас же отправился в этом направлении, чтобы при улучшившейся видимости лично выяснить обстановку (связь с наблюдательным пунктом была, естественно, уже давно порвана). Едва выйдя из леса, он увидел танк, который как раз подошел уже к западному углу леса (8.45). Возвращаясь обратно к уже открывшей заградительный огонь батарее, он встретил канониров 2-й батареи 405-го полка тяжелой артиллерии, которые доложили ему, что противник только что захватил их орудие. Одновременно замолчала 1-я батарея 405-го полка тяжелой артиллерии. Она была охвачена танками с тыла. Когда командир вернулся обратно на свою огневую позицию, орудия уже обстреливались слева пулеметным огнем. Несмотря на это, батарея продолжала вести огонь с той же силой почти до 9.25. Затем и ее обошли; только командиру батареи с 6 артиллеристами, частью ранеными, удалось прорваться. Аналогичная судьба постигла и 3-ю батарею 405-го полка тяжелой артиллерии. Ее отчаянное сопротивление можно было наблюдать с позиции 2-й батареи 47-го полка легкой артиллерии. После того как ее орудия были приведены к молчанию, орудийная прислуга открыла огонь из пулеметов и подавила неприятельскую пехоту впереди окружавших позицию препятствий. Но вслед затем с тыла подошел танк и положил конец сопротивлению. Ни один человек из этой батареи не спасся.

Таким образом, противник на участке среднего полка достиг первого рубежа атаки лишь в 9.30 (вместо 7.20), главным образом, благодаря упорному сопротивлению пехоты у выемки, а также в лесу Шварцвальд.

Однако это промедление не повлияло на дальнейший ход боя, так как ведь на первом рубеже атаки была предусмотрена двухчасовая остановка. За это время вторая атакующая волна (7-я канадская бригада) подошла вплотную к первой и лишь немного позже, чем это было предусмотрено приказом, повела атаку на второй рубеж. Ей были приданы (кроме уже действовавших 28 танков) еще 6 боевых и 2 транспортных танка; последние были нагружены инженерными средствами и боеприпасами. На германской стороне в этот момент достаточных пехотных поддержек на месте еще не было, а в еще не захваченных батареях большое количество орудий вышло из строя. Фактически на этом участке могли вести огонь только около 15 орудий.

373-й полк тоже располагал лишь 2 ротами отдыхавшего батальона и 4 станковыми пулеметами. Поднятые своевременно по тревоге, они должны были сосредоточиться в овраге Раухенбергер. Однако, лишь небольшая часть их дошла до места назначения и приняла участие в ближней обороне одной из батарей; большая же часть дошла лишь до высоты 102, где она и была атакована из Демюэн. Хотя первые неприятельские атакующие волны и были отброшены контратакой, однако на этот важный пункт велась также атака неприятельской пехотой, наступавшей из Баварского леса и из района севернее. Ей прокладывали дорогу многочисленные танки, двигавшиеся от Демюэн в овраг Раухенбергер. 5-я батарея 47-го полка легкой артиллерии, насколько была в силах, вела огонь, причем ей удалось даже подбить один танк; однако, охватывающие части противника проникли уже на огневые позиции 9-й и 6-й батарей 47-го полка легкой артиллерии. Хотя последним и удалось вывести из строя 3 танка, однако в 9.45 после геройского сопротивления обе они были взяты противником; через 15 минут то же самое случилось и с 3-й и 5-й батареями 47-го полка легкой артиллерии. Теперь танки выползли из оврага и двинулись с северо-запада, севера и даже северо-востока на вершину выс. 102. Части, занимавшие

выс. 102, уже израсходовали полностью все свои бронебойные пули. В 10.30 противник занял выс. 102.

Где же остались оба другие полубатальона отдыхавших батальонов 217-го и 373-го рез. полков? Ведь они стояли биваком в лесу юго-восточнее Кайе и должны уже были давно подойти? Назначенные первоначально в дивизионный резерв (под командой ротмистра Краузе) вместе с не введенными еще в дело 259-й и 344-й саперными ротами, они, по получении первых сведений о прорыве противника на участке 217-го рез. полка и на левом фланге 117-й пех. дивизии, были в 6.30 подчинены командиру бригады для организации контратаки через Кайе *севернее* ручья Люс, куда и направились. Когда же в 7.00 в штабе дивизии стало известно о проникновении противника также и южнее ручья Люс, он отдал распоряжение направить дивизионный резерв в контратаку *южнее* этого ручья. Соответствующий приказ командира бригады дошел до начальника дивизионного резерва лишь в 7.50. Ему нужно было сначала дойти до рощи, что к юго-западу от Иньокур; через час он получил распоряжение от командира бригады выдвинуться под руководством штаба 217-го рез. полка на Демюэн. Однако, командира этого полка не оказалось; в последний раз его видели на передовых позициях его полка. Вследствие всех этих неувязок, а также потому, что он, естественно, был задержан сильным артиллерийским огнем, который противник вел по району Кайе, дивизионный резерв достиг района юго-западнее Иньокур лишь незадолго до захвата противником 9-й и 6-й батарей 47-го полка легкой артиллерии. Непосредственно вслед затем дивизионный резерв был атакован многочисленными танками и сильными стрелковыми волнами противника не только с запада, но и по направлению от выс. 102. После скоротечного боя резерв вынужден был около 10.20 отойти на дорогу Иньокур, Бокур и дальше на Кайе, так как на юге не было никакой связи со своими частями, а пулеметы, не имея бронебойных пуль, были бессильны против танков. После этого отхода, который совершался под силь-

нейшим огнем неприятельской пехоты, танков и под воздействием сильной неприятельской авиации, только уцелевшие остатки рот дошли около 11.00 до Кайе и расположились на высотах восточнее леса (что юго-восточнее Кайе). Здесь они совместно с отколовшимися подразделениями отдыхавшего батальона 117-й пех. дивизии, 217-го рез. полка и различных саперных частей должны были образовать новую линию сопротивления. Единственной артиллерийской поддержкой, которую получил дивизионный резерв, была оттянутая для перевооружения полубатарея 7-й батареи 47-го полка легкой артиллерии. Она заняла огневую позицию западнее Кайе, но скоро расстреляла все свои снаряды.

О бое 18-го рез. пех. полка на левом фланге дивизии имеются лишь скудные сведения[1]. Так как его участок находился в полосе наступления 42-й французской дивизии, его передовая линия была атакована лишь в 6.05. Повидимому, противник одержал здесь первый успех благодаря быстрому продвижению в овраг, лежащий южнее леса Шварцвальд. Передний край обороны был прорван уже в 6.30, и через 20 минут первые атакующие части появились около командира батальона первой линии. Но, видимо, благодаря сделавшемуся возможным из-за небольшой ширины участка большому эшелонированию в глубину батальонов первой и второй линий дальнейшее продвижение противника неоднократно задерживалось, так как передовая батарея (2-я батарея 47-го полка легкой артиллерии) была им захвачена лишь около 9.45. После этого вместе со 153-й французской дивизией, которая влилась к этому времени в переднюю линию (см. стр. 183), двинулась в атаку большая масса танков в направлении Виллер-оз'Эрабль и южнее. Этому подавляющему превосходству в силах не смогли противостоять ни немногие продолжавшие еще вести огонь батареи, ни тыловые подразделения батальонов

[1] Журналы боевых действий штаба полка и 1-го и 3-го батальонов утеряны.

второго эшелона. В 10.00 противник захватил последнюю, 8-ю, батарею 47-го полка легкой артиллерии. Непосредственно вслед за этим он овладел селением Виллер-оз'Эрабль, перед южной частью которого еще раньше появлялись танки и пехота.

В этот момент командование дивизии смогло принять новое решение. Около 9.50 на его командном пункте было получено донесение адъютанта 376-го пех. полка (109-й пех. дивизии): «Полк передан в распоряжение дивизии и его передовые подразделения находятся в движении из района южнее Арбоньер на Кайе». Одновременно командир дивизии узнал, что командование 51-го корпуса подчинило ему также полк Бельмана (командира 3-го батальона 192-го полка), сформированный из трех отдыхавших батальонов 192-й пех. дивизии (см. стр. 231); он должен был сосредоточиться в рощах юго-восточнее Бокур. Командир 225-й пех. дивизии приказал 376-му пех. полку, отдыхавшему батальону 18-го рез. полка и полку Бельмана совместно с батальоном Краузе (см. стр. 206) перейти одновременно в контратаку между ручьем Люс и шоссе Амьен, Руа через выс. 102 и снова овладеть прикрывающими артиллерию позициями. Выполнить это не удалось (см. стр. 236 и след.). Однако, во исполнение этого приказа отдыхавший батальон (2-й) 18-го рез. полка (кроме нескольких подразделений, которые уже были командиром батальона самостоятельно направлены вперед) задержался в балке восточнее Бокур. Между тем, штаб 18-го рез. полка в 8.30 был выбит огнем со своего командного пункта (замок Виллер) и отправился в направлении 2-го батальона. Не зная упомянутого приказа дивизии, он хотел направить его в контратаку. У южного выхода из Мезьер он встретил 2-ю пулеметную роту и приказал ей двигаться в направлении на Виллер. Прибыв в батальон восточнее Бокур, он застал там только три роты (6-я рота была направлена на Белый дом) и узнал, что батальон, согласно приказу дивизии, должен оставаться на месте. Так как вслед затем с выс. 102 появилось большое количество танков и конница, дви-

гавшиеся в восточном направлении, он приказал этим трем ротам занять позицию на скате севернее Бокур и открыть огонь по танкам и коннице. После этого они продолжали вести бой совместно с полком Бельмана (см. стр. 244).

Тем более удивительно, что противник лишь около 13.00 смог занять Мезьер. Очевидно, он был введен в заблуждение искусными мероприятиями, предпринятыми командиром 373-го пех. полка. Тот еще раньше поспешно собрал у северо-западного выхода из Мезьер всех имевшихся налицо посыльных, вестовых, телефонистов, 25 сапер различных саперных рот и 4 человек 18-го рез. полка. Этой группе удалось установить связь влево с частями 4-го баварского пех. полка и привлечь к себе для обороны 2 ручных пулемета баварцев. Когда противник появился на восточной опушке рощи, что севернее Виллер (парк замка), эта небольшая группа открыла сильный ружейный и пулеметный огонь, меняя при этом место своего расположения и вводя противника в заблуждение относительно слабости своих сил. Так продолжалось почти 2 часа, и французская пехота не осмеливалась атаковать. Лишь в 12.30 она пошла густыми массами вперед, после чего оборонявшиеся побежали через деревню и южнее ее и очутились на позиции отдыхавшего батальона 4-го баварского пех. полка (см. стр. 220). Повидимому, в этом бою у Мезьер принимала участие своим огнем также и 2-я пулеметная рота 18-го рез. полка со своих позиций южнее Мезьер, где она не была замечена слабой группой, действовавшей у северо-западного выхода из селения.

Не говоря уже об этом местном бое у Мезьер, судьба всей 225-й пех. дивизии была уже около 11.00 решена. Стоявшая на огневых позициях артиллерия была целиком потеряна, из батальонов первой и второй линий почти никто не спасся, а отдыхавшие батальоны после рассредоточенного введения их в дело были частью опрокинуты, а частью так и не приняли участия в контратаке.

Продолжали еще держаться составленная из самых

различных частей и уже расстроенная группа Краузе на высотах юго-восточнее Кайе и три роты 18-го рез. полка севернее Бокур. Между ними зиял не занятый никем прорыв. И как раз теперь началось предусмотренное противником с самого начала движение вперед 3-й кав. дивизии. Трудно было представить себе более благоприятную обстановку, чем та, в которой ей пришлось действовать.

4. 14-я (баварская) пехотная дивизия.

Передний край на участке 14-й баварской пех. дивизии проходил так же неблагоприятно, как и на участке 117-й пех. дивизии. Выпуклая дуга, тянувшаяся от северо-западной окраины леса Бирнен и доходившая до р. Авр у Морейль, находилась под угрозой охвата противником с северо-запада и даже с севера. Но если бы оттянуть позицию назад, то из-за лесистого характера местности это было бы сопряжено с большими неудобствами, так как привело бы к отказу от обладания самым возвышенным районом, а именно широким плато выс. 110. Ширина участка по линии переднего края равнялась 5 000 *м*. Главная линия сопротивления, включая и боевое охранение, была занята 9 ротами — каждая силою максимум 40—50 штыков — с нормальным количеством приданных пулеметов и минометов. Совершенно очевидно, что такие слабые подразделения заняли плохо оборудованные позиции с очень незначительной плотностью и могли бы удержаться против сильной атаки лишь в том случае, если бы они при хороших условиях наблюдения были поддержаны сильной артиллерией. И то и другое 8 августа полностью отсутствовало, так как туман, стлавшийся по долине р. Авр, держался дольше, чем на высотах, а количество имевшейся артиллерии в связи с широким протяжением фронта было чрезвычайно скудным. Из 52 орудий 3 орудия, назначенные для противотанковой обороны, исключались из участия в заградительном и уничтожающем огне, затем 5 орудий было с самого начала подбито, так что на каждое из остальных 44 орудий приходился участок

фронта протяжением больше 110 *м*. Поэтому даже при максимальной скорости огня не могло быть и речи о возможности создания перед фронтом сплошной огневой завесы. Превосходство противника было здесь еще сильнее, чем в 225-й пех. дивизии. Здесь баварцам пришлось обороняться против сильных частей 42-й, всей 37-й и почти двух третей 66-й французских дивизий, которые, правда, атаковали без танков. Первая атака была подготовлена чрезвычайно сильной артиллерией; артиллерийская подготовка продолжалась 45 минут.

В 6.05 началась планомерная атака против обоих правых участков. С этого момента артиллерия противника обстреливала с особенной силой также и лес Гранатен, который был сильно отравлен ОВ. Поэтому расположенные в нем резервные части находились еще в своих укрытиях, когда на переднем крае уже шел бой. Преждевременный прорыв противника на участке правого соседа, в овраге севернее леса Гранатен (в 6.30), сразу же оказал влияние на правый фланг 4-го баварского пех. полка. Уже в 7.15 с севера появились передовые французские пехотные части непосредственно севернее 3-й батареи 37-го ландв. полка тяжелой артиллерии, охватив, таким образом, и фланг расположения резервов. Одновременно противник прорвался к командным пунктам батальонов первой и второй линий среднего полкового участка. Командир передового батальона 8-го баварского пех. полка капитан Штекель сообщает:

«В 6.45 с передовой линии были поданы ракетами сигналы для открытия заградительного огня; однако, наша артиллерия стреляла чрезвычайно слабо. Одновременно стал слышен пехотный и пулеметный огонь спереди и со стороны расположения командира батальона 2-го эшелона. Когда затем была обнаружена неприятельская пехота со стороны леса Бирнен, находившийся при мне пулемет открыл по ней огонь; начальник пулемета был тут же ранен. С 7.00 противник повел наступление как из леса Бирнен, так и из леса Гранатен, и вскоре

колониальные части, под командой французских офицеров, проникли в нашу балку».

После того как штаб батальона был захвачен в плен, он встретил по дороге на Кастель «новые массы атакующих частей». Здесь речь идет, повидимому, уже о 153-й дивизии, которая двигалась вплотную, чтобы выдвинуться на передовую линию, как только последняя достигнет плато восточнее леса Гранатен.

«В плену, — говорит дальше капитан Штекель, — я встретил адъютанта командира ударного батальона, от которого я узнал, что противник и до него добрался в 7.15».

Это время подтверждается наблюдателем 7-й батареи 23-го полка легкой артиллерии унтерофицером Шерер, который в 6.45 обнаружил со своего наблюдательного пункта (на северо-восточном углу квадрата 6810) непосредственно севернее себя первые атакующие части противника. К сожалению, он уже не имел связи со своей батареей. Таким образом, охват всей позиционной дуги, включавшей участки 4-го и 8-го пех. полков, уже в 7.15 зашел очень далеко. Германский заградительный огонь велся, однако, еще впереди переднего края, так как до этого времени вообще никаких донесений с самого начала неприятельской атаки не поступало. Отдельные части батальонов 1-й и 2-й линий обоих полков продолжали по мере возможности обороняться внутри леса, но так как охват с севера достигал все больших размеров, кольцо вокруг них все более и более замыкалось, и из четырех батальонов уцелели лишь остатки. В 8.00 неприятельская пехота вышла на восточную опушку леса Гранатен. Отсюда она повернула еще более в южном направлении не только для того, чтобы еще глубже охватить с юга фронт германских частей, но и для того, чтобы освободить район для следовавшей сзади 153-й дивизии.

Когда в этой обстановке в 7.55 началась атака противника с запада против Морейль, судьбу батальонов 1-й и 2-й линий левого полка можно было считать уже решенной. Даже если бы оба батальона не

отступили ни на один шаг, противник прошел бы с севера им в тыл восточнее лесистого района, и чем дольше они удержались бы на своих позициях, тем с большей вероятностью они были бы отрезаны. Предотвратить это можно было только своевременной задержкой охвата контратакой отдыхавшего батальона. Но этого не случилось.

Первую атаку батальону 1-й линии пришлось отражать на дороге Тэнн, Морейль. Лейтенант 1-й пулеметной роты 25-го полка Штюрмер, находившийся, видимо, недалеко от 10-й роты, сообщает:

> «6.45 утра. Как при уходящей грозе, гремит теперь далеко в тылу грохот разрывающихся снарядов. Справа показались голубые фигуры. 1-я пулеметная рота ведет огонь. Ко мне подбегает запыхавшийся пеший посыльный: «Приказ от командира батальона: занять одним пулеметом дорогу на Тэнн». Унтерофицер Рис уже спешит со своим пулеметом на холм. С севера и с правого фланга по нему открывают огонь. Он падает замертво; за четыре года он ни разу не был ранен. Теперь огромные массы повалили на нас с правого фланга. Стрекочут пулеметы, грохочут ручные гранаты. Смерть пожинает богатую жатву. Противник гонит впереди себя наших пленных товарищей. Теперь для нас ясна вся безнадежность обстановки: противник в тылу. Как далеко? Об этом мы не имеем представления.
>
> 9.00 утра. С небольшой группой командир 1-го батальона 25-го полка капитан Михель обороняет развалины Морейль. Держаться до последнего человека! Ведь должен же отдыхающий батальон пойти в контратаку. Медленно крошится правый фланг: патроны расстреляны, окопы заняты во много раз превосходящим противником.
>
> Ко мне подходит лейтенант 10-й роты Руп: «Штюрмер, мы идем в конратаку». Само собой понятно, что ее нужно поддержать. «Мы выбьем французов из занятых домов и ударим во фланг!» — кричит он. Тут ко мне подходит запыхавшийся посыльный: «Приказ от капитана Михель: всем отходить, занять лес Люкс!» Три часа назад наше спасение было еще возможно, теперь уже было

> поздно. Но кто же мог раньше предвидеть наше положение? Итак, назад, на высоту.
>
> «Г. лейтенант, целая рота!» — кричит унтерофицер Шик. Действительно она вынырнула в 600 *м*. Я веду огонь из последнего пулемета, в нем — последняя лента; свистя, пули вылетают из ствола. «Здорово, г. лейтенант, отличные попадания!»
>
> Однако, теперь вслед за другими — к лесу Люкс. Изнуренные люди с трудом несут на высоту последний пулемет. Стальные шмели жужжат у наших ушей. Со всех сторон засел противник. Внезапно раздается радостный крик. Здесь 2-й (отдыхавший) батальон. Он подходит к нам из леса Люкс. И вдруг жестокое разочарование: это противник. Шик хочет слева открыть огонь из пулемета. Пулемет не работает. Они теперь подошли на 20 *м*. Захвачен в плен. Это было, повидимому, около 12.00!»

Вначале оборона на правом фланге велась успешно, но затем вследствие охвата с севера обороняющиеся части были сбиты, и противник в виде прелюдии к атаке с запада так сильно обстрелял выдвинутую за Моризель 2-ю роту минометным огнем, что около 8.00 ее сопротивление было сломлено. Но последовавшая вслед за этим атака через р. Авр была отбита на передней линии средней ротой, поддержанной тяжелыми и легкими минометами, установленными в Морейль. Около 9.00 охват с севера сделался чувствительным; он был обнаружен командиром полка, который приказал очистить позиции у Морейль. К сожалению, с этим уже запоздали, и лишь остаткам удалось, отходя прямо на юго-восток, ускользнуть от окружения. У леса Люкс одной слабой группе под командой капитана 4-й роты 25-го полка Зеснера удалось в бою ручными гранатами оказывать сопротивление почти до 10.45; но затем и ей пришлось ввиду охвата с востока отойти через лес у Женонвиль, где она вошла в соприкосновение со стрелками 192-й пех. дивизии на выс. 95.

Командиру ударного батальона подчинялись лишь 11-я, 12-я и 9-я роты, которым были приданы отдель-

ные станковые пулеметы, в то время как большая часть пулеметов 3-й пулеметной роты находилась возле командира батальона. После того как командир 3-го батальона 25-го полка капитан Штелин в 6.30 лично убедился в готовности 12-й и 9-й рот, он поспешил на командный пункт полка:

«От командира полка я получил следующий приказ: «11-й и 12-й ротами занять дорогу из Виллер-оз'Эрабль на Морейль западнее леса Гранатен, 9-й роте расположиться восточнее этих рот, 3-й пулеметной роте подготовиться к открытию огня с позиций южнее командного пункта полка». Под сильным артиллерийским огнем я отправился на свой командный пункт, где около 7.30 отдал приказ командиру 3-й пулеметной роты лично, а прочим ротам через двух наших посыльных. Как я позднее узнал, ни один посыльный до них не дошел. Пулеметная рота, совершая указанное ей продвижение, попала под неприятельский артиллерийский огонь и была рассеяна».

Так как три роты приказа не получили, то упомянутая дорога так и не была занята. Если бы ее удалось занять, то противник был бы надолго задержан перед этим тянущимся на северо-запад участком. Таким образом, 11-я, 12-я и 9-я роты оборонялись как раз там, где они стояли, и были окружены, кроме группы в 25 человек, которая под командой поручика 12-й роты Шиллера постепенно отошла в направлении на Плесье, Розенвиллер.

Ни в одной дивизии не было более благоприятной обстановки для сосредоточенного ввода в дело трех отдыхавших батальонов, чем в 14-й баварской дивизии. Они стояли биваком в лесу Бокур, непосредственно один возле другого и имели приказ в случае тревоги немедленно двинуться на заранее указанный рубеж по балке, подымавшейся в юго-западном направлении от Мезьер на выс. 101. В 5.30 командование дивизии приказало этим трем батальонам быть в полной боевой готовности, но все-таки немедленно и одновременно они выдвинуты не были. Причиной этого слу-

жат мероприятия, проведенные командованием 51-го корпуса (см. стр. 231), а, кроме того, упомянутый приказ дивизии от 5.30 не дошел, видимо, до отдыхавшего 2-го батальона 4-го пех. полка, так как его командир капитан Освальд поднял батальон по тревоге по собственной инициативе и выступил на Виллер. Капитан Освальд пишет:

> «Согласно переданному по телефону из штаба бригады, стоявшего в Бокур, распоряжению, я послал туда адъютанта батальона для получения приказа. Около 6.30 поступил приказ бригады о том, что батальон остается в распоряжении бригады и должен итти обратно в овраг восточнее Бокур».

В Бокур находился лишь штаб 8-й баварской пех. бригады. Бригадой в это время командовал командир 8-го пех. полка, одновременно командовавший и своим полком, почему он и находился на командном пункте полка[1]. Телефонная связь между Бокур и командным пунктом 8-го пех. полка была прервана. Таким образом, получилось, что 2-й батальон 4-го полка лишь в 8.45, согласно новому приказу бригады, выступил из района восточнее Бокур мимо района южнее Мезьер на запад. Два же других отдыхавших батальона (2-й 8-го полка и 2-й 25-го полка) выступили раньше и между 8.20 и 8.30 достигли линии командный пункт 8-го полка, выс. 101. Здесь в 8.25 был получен приказ дивизии: «Противник прорвался в лес Гранатен. Трем отдыхавшим батальонам снова овладеть западной опушкой этого леса. Если это окажется уже невозможным, удержать во что бы то ни стало запасные огневые позиции артиллерии». Не говоря о том, что к этому времени противник прошел уже запасные позиции артиллерии, приказ этот был невыполним еще и потому, что 2-й батальон 4-го полка сюда еще не подошел. К выполнению приказа могли

---

[1] Командир бригады командовал дивизией, заменяя, повидимому, находившегося в отпуску командира дивизии.

приступить лишь оба вторые батальона 8-го и 25-го полков.

Между тем, им стало известно от отходивших раненых и отбившихся от своих частей бойцов, что противник прорвался севернее и быстро продвигается вперед. Поэтому 2-й батальон 25-го полка развернулся в северо-западном направлении и намеревался по собственному почину итти в контратаку в общем направлении на лес Бирнен. В этот момент — около 8.35 — были обнаружены глубоко эшелонированные стрелковые цепи французов, двигавшиеся с запада, именно с направления южной части леса Гранатен и леса Канонен. Батальон немедленно повернул туда и, открыв огонь, главным образом пулеметный, заставил противника залечь. 2-й батальон 8-го полка тоже не пошел в контратаку. Получив сведения, что противник находится уже непосредственно у Виллер-оз'Эрабль, батальон расположился для обороны южнее этого селения, фронтом на запад; вправо связи со 2-м батальоном 4-го полка еще не было.

Адъютант 4-го пехотного полка лейтенант Хейгель сообщает:

«На нашем командном пункте в Виллер стали ходить слухи, что противник охватом занял лес Гранатен и находится на огневых артиллерийских позициях; но ясного представления об обстановке никто не имел. Противник продолжал обстреливать деревню сильным артиллерийским огнем. Около 7.00 прибыл офицер для поручений штаба бригады и сообщил, что три отдыхавших батальона, повидимому, будут подчинены 4-му пех. полку. В 7.30 прибыл энергичный адъютант 2-го батальона 8-го полка поручик Мюллер и сообщил, что его батальон сейчас подойдет и войдет в наше подчинение. Ссылаясь на полученный ранее приказ овладеть контратакой снова лесом Гранатен, если последний оставлен, он просил его ориентировать и поставить ему задачу. В той обстановке, которая рисовалась 4-му полку, выполнить этот приказ было невозможно. Поэтому 2-й батальон 8-го полка был выдвинут приблизительно на участке своего полка с задачей во что бы то ни стало удерживать фронт между команд-

ными пунктами 4-го и 8-го полков. После подхода 2-го батальона 4-го полка его было предположено развернуть севернее 2-го батальона 8-го полка, до Виллер включительно».

2-й батальон 8-го полка был атакован на этой позиции раньше, чем подошел 2-й батальон 4-го полка. Если бы он немедленно по прибытии перешел самостоятельно в контратаку, то сразу же столкнулся бы с противником и, судя по тому, как протекал в дальнейшем бой, был бы охвачен с правого фланга. Недаром капитан Освальд далее сообщает:

«Когда батальон подходил к дороге Мезьер, Плесье, мы встретили много раненых и пеших посыльных, от которых я узнал, что противник прошел уже через лес Гранатен, прорвался на наши артиллерийские позиции и двигается на Виллер.

При переходе через находящуюся под сильным заградительным огнем дорогу я услышал довольно близко ружейный и пулеметный огонь, но из-за густого тумана ничего не мог видеть.

По получении донесения одного раненого, что 2-й батальон 8-го полка ведет бой южнее Виллер, не имея никакой связи со своими частями вправо, я по своей инициативе выдвинул сильное фланговое охранение и развернул свой батальон вправо фронтом на север и, продвигаясь на Виллер, подошел туда, как раз когда французы повели из Виллер и из леса севернее его фланговую атаку против 2-го батальона 8-го полка. Было около 9.00 [1]. Теперь туман уже значительно рассеялся. Эта атака противника была тотчас же остановлена».

Итак, ни сосредоточенной контратаки, ни вообще контратаки отдыхавших батальонов так и не вышло, и в результате вся действовавшая артиллерия дивизии была потеряна. Сама она едва ли могла оказать энергичное сопротивление, так как, помимо выхода из

[1] Здесь ошибка. В действительности приказ на развертывание батальона был отдан в 9.45 у юго-западного выхода из Мезьер, так что этот боевой эпизод не мог разыграться раньше 10.15.

строя большого количества орудийных расчетов и орудий из-за неприятельского огня, она не имела достаточного наблюдения. Почти все нераненые пехотинцы, отходившие назад через их позиции, были настолько деморализованы, что их нельзя было задержать для обороны батарей. Кроме того, батарейные пулеметы и их патроны часто засыпались землей от разрывов снарядов. После того как батареи, особенно занимавшие огневые позиции западнее Виллер, были подавлены большим количеством наступавших с 153-й дивизией танков, огневые позиции одна за другой были сданы. Лишь в южной трети участка отдельные батареи некогорое время энергично задерживали наступавшего противника на почтительном расстоянии. Например, 5-я батарея 23-го полка легкой артиллерии уже в 7.25 изготовилась к ближней обороне. Подошедший затем 1 офицер и 5 рядовых 8-го полка открыли огонь из стоявшего правее батареи, в старом орудийном окопе, станкового пулемета. Несмотря на то, что попавшим неприятельским снарядом было выведено из строя второе орудие слева, у которого взорвались снаряды, и в 7.50 было подбито еще одно орудие, батарея с обоими пулеметами и 2 орудиями оборонялась с 8.15 против подошедшей уже на 400 *м* французской пехоты. Только одно орудие могло стрелять: имевшиеся снаряды подходили к концу; к находившимся позади снарядам никто уже больше не мог подойти, так как справа противник открыл сильный пулеметный огонь. В 9.00 пришлось взорвать последнее орудие и очистить позицию, причем в это время был убит один из 2 офицеров. Аналогичный бой разыгрался и в 8-й батарее 23-го полка легкой артиллерии, которая с 9.00 также могла вести огонь лишь одним орудием. И на этот раз пехотинцы пришли на помощь: один станковый пулемет 3-й пулеметной роты 25-го полка, прибывший с передовых позиций, стал на позиции в пулеметном гнезде. Эти смельчаки держались еще до 10.23, несмотря на то, что пулеметы уже давно обстреливали их с тыла, а неприятельские стрелковые цепи находились уже в 150—200 *м* к востоку от батареи.

Из строя выбыло 9 человек, частью убитыми, частью ранеными или деморализованными, наводчик станкового пулемета был убит, ручной пулемет батареи перестал действовать. Лишь немногие отошли в юго-восточном направлении.

Единственным результатом задержки указанной батареи было замедление атаки противника против 2-го батальона 25-го полка, который смог держаться почти до 11.30. Затем большая часть батальона пала жертвой охвата обоих флангов. Произошло это потому, что южнее батальон не имел соприкосновения ни по фронту, ни в глубину ни с одной из германских частей, а сражавшийся правее 2-й батальон 8-го полка был еще ранее разбит (главным образом, танками), большая его часть попала в плен. Длительное сопротивление оказал 2-й батальон 4-го полка. Его командир капитан Освальд далее сообщает:

«Лишь после того как противник (из Виллер) подошел на дистанцию атаки и левый фланг батальона после прорыва противником фронта 2-го батальона 8-го полка, а правый фланг — вследствие обхода через Мезьер, очутились в критическом положении, я приказал занять тыловую позицию юго-восточнее Мезьер. Здесь батальон, не имея связи вправо и влево, снова задержался до тех пор, пока нажим противника на оба фланга даже через Бокур не принудил меня к очищению этой позиции».

Этим движением, которое началось около 14.00, закончился бой 14-й баварской пех. дивизии.

5. 192-я (саксонская) пехотная дивизия.

Схема 5.

192-я пех. дивизия могла почувствовать фронтальную атаку противника не раньше 9.20, так как только в это время должна была начаться переправа 9-го французского армейского корпуса (15-й колониальной и 3-й дивизий) через р. Авр, южнее Морейль. Неприятельское командование хотело выждать разви-

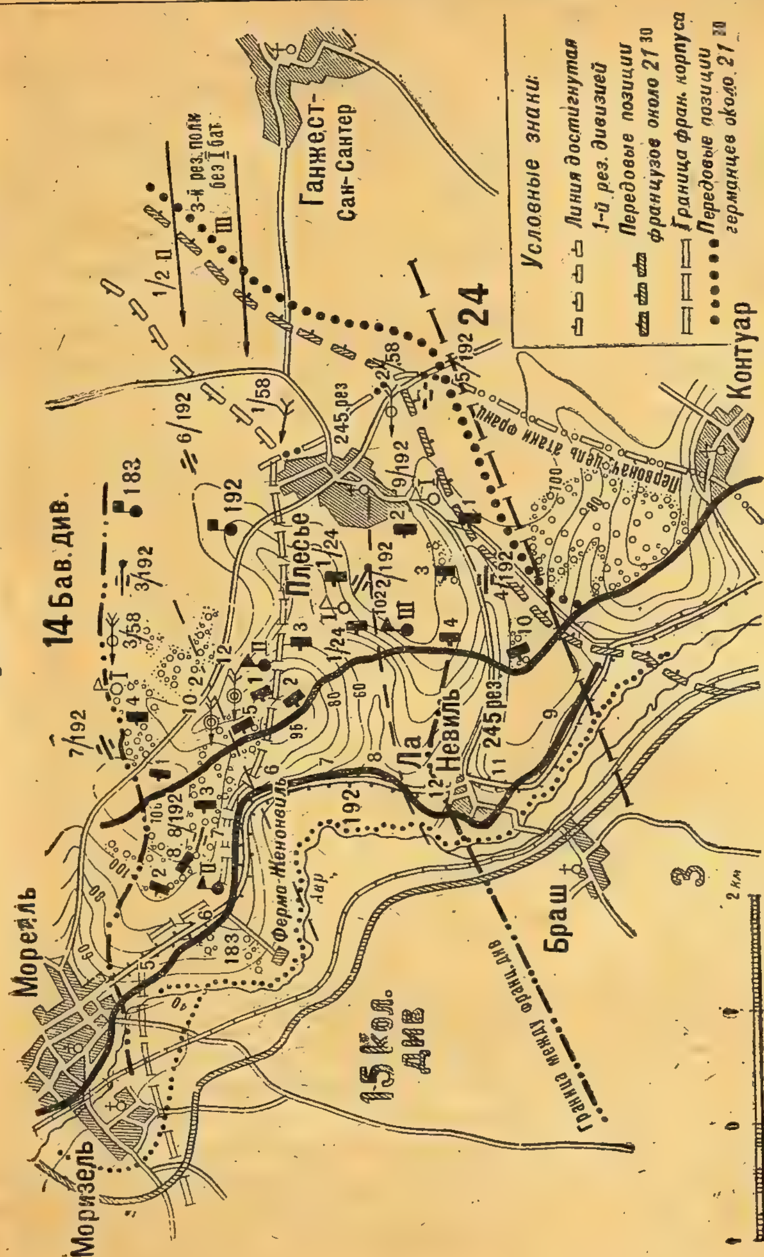

Схема 5. Участок 192-й пех. дивизии.

тия ожидавшегося успеха севернее, с тем чтобы облегчить очень трудное форсирование р. Авр. Этому плану суждено было увенчаться полным успехом, потому что 192-я пех. дивизия была разгромлена не в результате фронтальной атаки через долину р. Авр, а в результате фланговой атаки с севера по участку, занятому баварцами.

Сначала от артиллерийского обстрела противника, начавшего подготовку атаки в 5.20, понес потери только правый фланг дивизии, т. е. все части, расположенные к северу от разграничительной линии между 31-м и 9-м французскими корпусами. Во время артиллерийского обстрела была сильно заражена ОВ роща, причем, к сожалению, сильно пострадали расположенные в этом районе батареи 192-й дивизии; так, 7-я батарея 192-го полка легкой артиллерии сразу же потеряла все орудия.

В 6.15 противник сделал попытку перебросить на восточный берег р. Авр стрелковую завесу, чтобы под прикрытием ее начать переправу. Несмотря на густой туман, эта попытка не удалась; лишь французской пехоте удалось переправиться у фермы Женонвиль. Лихая контратака 7-й роты 183-го полка, энергично поддержанная легкими минометами, отбросила французскую пехоту обратно за ручей. В 8.20 началась артиллерийская подготовка в 9-м французском арм. корпусе; одновременно на всем фронте между Морейль и Амель французы повторили свои попытки навести мосты и перебраться на восточный берег. Первое им местами удалось, последнее же — нет.

Между тем, сразу же после 7.00 в батальоне 1-й линии, расположенном на правом фланге 183-го пех. полка, был услышан из района восточнее Морейль ружейный и пулеметный огонь. Чтобы обеспечить себя от вероятной угрозы с этого направления, командир 2-го батальона 183-го полка капитан Эргард немедленно выдвинул между лесом Люкс и дорогой Морейль, ла-Невиль фланговое прикрытие, состоявшее из двух взводов 8-й роты и одного взвода 5-й роты 183-го полка с двумя станковыми пулеметами. После

8.00 перед этим фланговым прикрытием появились первые цели: густые пехотные части противника вынырнули из тумана юго-восточнее Морейль. Тогда вправо против них развернулась 2-я рота 183-го полка. Эти части упорно оборонялись фронтом на северо-запад и запад против все усиливавшихся французов, пока их сопротивление не было сломлено около 10.00 охватом противника из леса Люкс. С тяжелыми потерями части 183-го полка вынуждены были отойти в южном и юго-восточном направлении. Этим была решена также судьба успешно державшихся до того момента 5-й и 6-й рот. Они были охвачены с тыла одновременно с возобновившейся атакой с фронта; лишь остатки их смогли отойти с боем в район, где находился командир батальона. Энергичными действиями, путем введения в дело последнего взвода 8-й роты, командиру батальона удалось остановить противника перед самым своим командным пунктом. 7-я рота также ввязалась здесь в бой и с другими частями прочно удерживала ферму Женонвиль. Командир батальона капитан Эргард передал командование этими слабыми частями командиру 7-й роты, а сам поспешил назад к 3-й роте, чтобы повести ее в контратаку. Но она, как равно и прочие подразделения батальона 2-го эшелона, давно уже втянулась в горячий бой.

Ввиду быстрого вклинения противника на участке 25-го баварского полка, 1-я и 4-я роты 183-го полка вынуждены были сразу же после 9.00 развернуться в боевой порядок фронтом на северо-запад и север для отражения глубоко эшелонированных пехотных частей: 1-я рота на выс. 106 и 4-я рота на северной опушке Бригадирного леса[1]; немного позже и 3-я рота развернулась на северной опушке леса у Женонвиль. Во время разгоревшегося здесь горячего боя особенно была чувствительна упоминавшаяся выше потеря значительной части артиллерии, тем более что неприятельская артиллерия вела здесь огонь со всей силой,

---

[1] См. карты 1 и 2.

особенно по лесам, обстреливая их химическими снарядами. И, несмотря на это, три слабые роты вначале успешно оборонялись. Однако, около 10.00 сильные французские части на участке баварцев зашли так далеко на восток, что 4-я рота тоже оказалась обойденной и охваченной с правого фланга. Вскоре ее остатки должны были отойти на юг. Естественным следствием этого было то, что наступавший противник открыл с западной опушки Бригадирного леса огонь во фланг и тыл 1-й роты и принудил ее отойти с большими потерями в лес у Женонвиль. Когда капитан Эргард прибыл в 3-ю роту (между 11.30 и 12.00), возле нее на северной опушке этого леса уже находились слабые отошедшие части 2-й и 1-й рот. Капитан Эргард сообщает:

«Я сразу же почувствовал безнадежность положения. Бригадирный лес был занят противником. Между ним и лесом Марбург сосредоточивался целый батальон противника. Танки зашли далеко в тыл в направлении Френуа. Остатки батальона 2-го эшелона развернулись фронтом на север и на восток; их пулеметные патроны были все израсходованы. Я принял на себя командование и решил удерживать лес, пока только это будет возможно, отходя лишь под нажимом на позиции 192-го полка.

Около 12.30 над лесом появился низко летящий самолет противника, обнаружил движение (он был обстрелян пехотным огнем) и снова вызвал уничтожающий огонь. Я был поражен, с каким искусством и точностью огонь почти целый час велся по лесу, несмотря на то, что лес с трех сторон был окружен противником, находившимся от него на близком расстоянии.

Атаковав снова, противник потеснил нас, теперь уже с юга, обратно в середину леса. После того как все патроны были расстреляны и мы оказались окончательно беззащитными (нас всего было 2 офицера и 10 солдат, причем 1 офицер и несколько солдат лежали тяжело ранеными), противник бросился с громким ревом на нас и захватил в плен.

Это было около 14.00».

Этим лесным боем закончилась оборона батальонов 183-го полка, так как в 12.30 последнее сопротивление у фермы Женонвиль, у командного пункта батальона 1-й линии, было тоже сломлено противником. Несмотря на подавляющее превосходство на стороне противника, глубокий охват и слабые действия своей артиллерии, полк сражался героически. Потери противника по наблюдениям отправленных в тыл пленных были весьма значительны.

На среднем полковом участке находившийся в передовой линии 2-й батальон 192-го полка в течение утра отбил все без исключения попытки противника переправиться через реку. Несмотря на то, что уже в 10.00 шум боя на правом фланге указывал на опасность, угрожавшую с севера, и почти одновременно сосед слева был выбит из ла-Невиль и отошел на скат восточнее этого селения, 6-я, 7-я и 8-я роты 192-го полка непоколебимо держались на своих позициях, выдвинутых на проходившую по долине дорогу. Лишь в 8.30 5-я рота, подвергнувшись сильнейшему артиллерийскому и химическому обстрелу, была вынуждена отойти от леса у Женонвиль на северный скат выс. 95. Когда вслед затем положение на участке правого полка сделалось еще более критическим, командир батальона (2-го) первой линии 192-го полка обер-лейтенант Шуберт приказал своим трем передовым ротам постепенно отходить на выс. 95 и на отрог южнее Лишь теперь, т. е. около 12.15, противник смог переправиться через р. Авр и закрепиться на проходившей по долине дороге.

Выс. 95 в течение последующих часов служила главнейшим очагом боя 2-го и 1-го (без 4-й роты) батальонов; здесь завязался, затянувшись на несколько часов, единственный в своем роде бой: на узком пространстве стеснилось 7 рот, которым пришлось одновременно обороняться на запад, север и восток.

Уже вскоре после 11.00 сильные пехотные части противника появились на южной опушке леса Марбург. Северо-восточнее его можно было все время наблюдать продвижение пехоты противника на линию Фре-

нуа, Плесье. Перед пехотой и в ее рядах двигалось большое количество танков. Кроме частей, занимавших выс. 95, северо-восточнее Плесье находились еще лишь 2 слабые группы саксонцев: одна — впереди командного пункта 192-го полка, другая — возле командира батальона 2-го эшелона. Они состояли из вестовых, посыльных, телефонистов и нескольких пулеметов, а под конец — и из подразделений 4-й роты 192-го полка. Эти обе группы, энергично и весьма умело поддержанные 1-й батареей 58-го полка легкой артиллерии и 2-й батареей 192-го полка легкой артиллерии, сдерживали наступление противника у леса Марбург и восточнее, до дороги Плесье, Виллер-оз' Эрабль. Противнику удалось дойти до командного пункта 192-го полка лишь в 14.30, а через 20 минут появились первые танки непосредственно севернее Плесье.

К этому времени противник навалился с очень превосходными силами на участок 192-го полка на фронте: дорога в долине западнее выс. 95, южная опушка леса Женонвиль, дорога из Морейль в Плесье. Обороняющихся непрерывно громила неприятельская артиллерия, все снова и снова налетали на них целые стаи самолетов, попытки атаковать следовали одна за другой. Главный нажим шел из леса Женонвиль. Против него сначала оборонялась 5-я рота, которая уже с 8.30 занимала высоту. Постепенно она была усилена 1-й, 2-й и 3-й ротами, фронт ее удлинялся, причем чем дальше он вытягивался вправо, тем больше загибался (все роты располагались западнее лощины). Крайний правый фланг находился непосредственно в тылу 6-й, 7-й и 8-й рот, которые попрежнему сдерживали противника на дороге. Около 16.00 против частей 192-го полка началась новая атака, особенно из леса Женонвиль. Она тоже была отбита; французам удалось зацепиться лишь на северном скате высоты. Последний человек был введен в дело, последней обоймой заряжена винтовка, последняя лента вставлена в пулемет. Еще раз неприятельская артиллерия, взбешенная неудачей, открыла по этим храбрецам ураганный

огонь, продолжавшийся несколько часов. Около 18.00 части, занимавшие выс. 95, понесли столь большие потери (причем огнеприпасы были почти полностью израсходованы), что широкие участки позиции выглядели, как вымершие. Противник снова начал концентрически наседать со всех сторон. Скрепя сердце, поручик Шуберт отдал приказ об отходе. Последний удался лишь благодаря тому, что 3 ручных пулемета под командой унтерофицеров Элерса (1-й роты) и Ферстера (3-й роты) задерживали последними патронами противника, наступавшего теперь через овраг восточнее высоты. Остатки обоих батальонов отошли в направлении на Плесье.

Теперь лишь части 4-й роты удерживали скат северо-западнее выс. 102 (юго-западнее Плесье); продолжала также держаться группа у командного пункта переднего батальона, которая была усилена несколькими пулеметами и людьми из частей, занимавших выс. 95. Продолжали стрелять отдельные гаубицы 2-й батареи 192-го полка легкой артиллерии, обслуживавшиеся несколькими оставшимися неранеными артиллеристами. Лишь между 19.00 и 20.00 эти части, получив приказ, отошли на юго-восток.

На левом полковом участке батальон 1-й линии (3-й батальон 245-го полка), как было сказано, около 10.00 был оттеснен со своих передовых позиций. Здесь одному из полков 3-й французской дивизии удалось переправиться у Браш через р. Авр и проникнуть в ла-Невиль. Несмотря на то, что 10-я рота была тотчас же направлена в контратаку, батальон был все же вынужден отойти на главную линию сопротивления, где был усилен 4-й ротой. Эту позицию при упорном сопротивлении севернее дороги Плесье, ла-Невиль удалось удержать, а южнее, где находилась лишь 9-я рота она потеряла свое боевое охранение, которое было окружено; позиция была местами прорвана. И все же сильный очаг сопротивления под командой командира роты лейтенанта Вальтера держался на ней почти до вечера. Прорвавшиеся части противника встретили около 400 *м* восточнее этой позиции новое сопроти-

вление, оказанное 1-й ротой 245-го рез. полка, преодолеть которое было тем более трудно, что после полудня подошли еще некоторые роты отдыхавшего батальона соседней слева — 24-й саксонской пех. дивизии.

Как выше упоминалось, уже в 14.50 первые неприятельские полки показались перед северной окраиной Плесье. Так как для обороны этого селения имелись в лучшем случае только отсталые да, пожалуй, еще слабые группы, отошедшие с командного пункта 192-го полка, командир 245-го рез. полка выдвинул вперед свои 2-ю и 3-ю роты и приказал им занять северо-западную окраину селения. Нужно приписать в значительной мере действиям 1-й батареи 58-го полка тяжелой артиллерии, что противник не смог охватить с северо-востока обе роты. Таким образом, удалось удержать Плесье до подхода подкреплений.

Целью атаки противника южнее 192-й пех. дивизии являлось овладение районом северо-западнее Контуар. Однако, оборонявшаяся здесь часть 24-й пех. дивизии отбила все попытки противника переправиться на ее участке через р. Авр. Лишь на крайнем правом фланге, вследствие прорыва противника через передний край на участке 245-го рез. полка, пришлось загнуть передовую линию несколько назад, лесистый же район продолжал быть прочно занят 24-й пех. дивизией.

Командир 192-й пех. дивизии был лишен всякой возможности влиять на боевые действия своей дивизии, так как командование корпуса оставило в своем подчинении отдыхавшие батальоны 183-го, 192-го и 245-го резервных полков (см. стр. 229). Тем выше следует оценивать действия батальонов 1-й и 2-й линий дивизии, которые получили действительную поддержку нескольких, сохранивших боеспособность, батарей, особенно 2-й батареи 192-го полка легкой артиллерии и 1-й батареи 58-го полка тяжелой артиллерии. Конечно, саксонцы имели некоторое преимущество, так как на их участке противник наносил лишь вспомогательный удар, в котором участвовало не так много сил и бое-

вых средств, как на прочих участках атакованного фронта. Благодаря тому, что бой здесь начался позднее, условия наблюдения были лучше, особенно на высотах и скатах, так что при естественной силе позиций оборонительные средства могли действовать более продолжительное время. Однако, глубокий охват с севера представлял серьезную угрозу. И тот факт, что дивизия, несмотря на это, — хотя и с большими жертвами, — смогла долгое время, местами даже до вечера, удержать важные возвышенности западнее Плесье, является светлым пятном на фоне печального сражения 8 августа [1].

Г. Боевые действия резервов в районе 51-го армейского корпуса.

1. Мероприятия командования корпуса.

Сильная артиллерийская канонада и первые поступившие с фронта и от 11-го арм. корпуса сведения создали у командования 51-го корпуса впечатление, что ведется большое наступление, причем главный удар направлен против 11-го арм. корпуса, захватывая частично и участок 51-го арм. корпуса. Однако, вначале фронт неприятельской атаки на юге не простирался за левый фланг 225-й пех. дивизии. При таком понимании обстановки командование корпуса сохранило в своих руках отдыхавшие части обеих южных дивизий: части 14-й баварской пех. дивизии были направлены в район юго-западнее Кайе, а частям 192-й дивизии (полк Бельмана, см. стр. 208) было приказано сосредоточиться в лесу Бокур. 109-я пех. дивизия, которая ранее была в армейском резерве, а теперь возвращена корпусу, будучи заблаговременно поднята по тревоге, получила в 6.30 приказ сосредоточить свои части в районе Арбоньер. Одновременно с поднятием по тревоге 109-й пех. дивизии командование 51-го корпуса обратилось с просьбой к соседнему слева 3-му

---

[1] Окончание боя у Плесье изложено вместе с описанием событий в 1-й рез. дивизии (см. стр. 253—254).

арм. корпусу сосредоточить 1-ю рез. дивизию у северной границы корпусного участка. Эта просьба была немедленно удовлетворена; командование 3-го корпуса в 6.20 отдало 1-й рез. дивизии приказ выдвинуть 2 ударных эшелона на Бушуар и один — на Арвиллер. Этим были исчерпаны все мероприятия 51-го арм. корпуса, направленные к усилению своей обороноспособности, так как другими соединениями он больше не располагал. Напротив, 2-я армия вошла в связь с действовавщей левее ее 18-й армией и попросила спешно перебросить ее резерв, 119-ю пех. дивизию, в направлении на Врели. Это было обещано. Хотя переброска этой дивизии вследствие большого расстояния требовала много времени, однако все же можно было определенно рассчитывать, что в случае необходимости на корпусном участке, кроме отдыхающих частей, можно будет в течение дня ввести в бой три резервных дивизии.

«По направлению наиболее сильного огня, по все поступающим донесениям от дивизий и по сообщениям соседних корпусов снова создавалось впечатление, что неприятельское наступление ограничивается фронтом 117-й и 225-й пех. дивизий... Связь бездействовала. Радиостанции и станции телеграфирования через землю, которые вообще могли бы работать, также не действовали, повидимому, вследствие неприятельского огня. Собак связи было всего лишь несколько штук. Таким образом, в первые часы господствовала полная неизвестность. Донесения высланных назад пеших и конных посыльных, равно как и выдвинутых наблюдательных команд, поступили лишь позднее. Самолеты не могли в первые часы действовать вследствие густого тумана» (отчет о бое штаба 51-го корпуса).

Первые признаки более широкого распространения на юг фронта неприятельского наступления давали донесения 192-й дивизии от 7.25 и 14-й баварской дивизии от 7.50. Обе дивизии доносили, что они потеряли всякую связь со своими полками; однако, уже в 8.50 баварцы донесли, что противник, повидимому, с

севера проник в лес Гранатен и занял его западную опушку. Фактически это произошло уже в 7.15. Таким образом, отдыхавшие батальоны были переданы баварской дивизии лишь в 8.50, вследствие чего они были введены в дело поздно и разрозненно (см. стр. 216).

Полученное донесение об оставлении Марселькав еще более укрепило командование корпуса в его предположении, что противник наносит главный удар правее и что поэтому правый фланг нуждается в особенных мерах по его обеспечению. Марселькав был оставлен в 8.15, о чем стало известно в 9.00. Но фактически противник уже в 7.45 занял это селение. После этого 109-й пех. дивизии было приказано направить на Кайе один пех. полк с дивизионом легкой артиллерии и развернуть его по обеим сторонам селения фронтом в общем направлении на северо-запад для прикрытия переправ через ручей Люс. Эти части должны в Кайе немедленно войти в соприкосновение с 173-й бригадой (225-й пех. дивизии). Одновременно (в 9.20) 225-й дивизии был придан полк Бельмана, а в 3-й арм. корпус была послана просьба подтянуть для контратаки 1-ю рез. дивизию на линию севернее Бокур, Плесье.

2. Бой 109-й пехотной дивизии.

Карта 2.

При быстром продвижении противника между Римской дорогой и Марселькав он неизбежно должен был расстроить сосредоточение 109-й пех. дивизии у Арбоньер. Еще до 10.00 стоявшие восточнее всех батареи 41-й пех. дивизии под нажимом охватившего с обоих флангов противника вынуждены были сдаться (стр. 151—153). Последние резервы этой дивизии уже втянулись в бой по обе стороны Римской дороги западнее Римского оврага или намеревались развернуться на линии последнего (см. стр. 166 и след.). Только полубатальон Пихта в этот момент находился еще на марше из Арбоньер на юго-запад (см. стр. 173).

Далее на юг отдыхавшие батальоны 117-й пех. дивизии были в 10.00 атакованы на своих позициях на высотах восточнее балки Вьенкур, во фланг со стороны Вьенкур (см. стр. 193). Других частей в этом районе не было. Поэтому многочисленные танки и австралийские стрелковые цепи могли продолжать свое безудержное продвижение на восток между Байонвиллер и Гийокур, выслав вперед конную группу 1-й английской кав. бригады (см. стр. 171).

109-й пех. дивизии нелегко было быстро сосредоточить свои части у Арбоньер. Смененные в последнюю ночь пехотные, артиллерийские и минометные части не успели еще дойти до своих районов расположения, когда был получен приказ о сборе. Вследствие перегрузки телефонной сети произошли значительные задержки: некоторые штабы отсутствовали, так как они должны были быть сменены лишь утром. Подход частей, расположенных более глубоко в тылу, требовал времени. Например, расположенные в лесу Штерн (северо-западнее Вермандовиллер) роты 3-го батальона 376-го полка, которые к тому же лишь между 5.00 и 7.00 прибыли с фронта после 15-*км* марша, смогли достигнуть пункта сосредоточения довольно поздно. Штаб 2-го гренадерского полка находился еще в Марселькав, так что пришлось формировать новый штаб полка. Так как в этом полку как раз один командир батальона убыл по болезни в отпуск, возникли большие трудности в замещении командных должностей. Один батальон пришлось принять поручику запаса, а другой батальон — даже лейтенанту запаса. Таким образом, пришлось преодолеть много трудностей и препятствий.

«С выступлением частей погода несколько прояснилась, и в воздухе появились неприятельские самолеты. Они жужжали и гудели над сосредоточивавшимися частями и забрасывали их бомбами. По-ротно или даже по-взводно двигались гренадеры к указанному им пункту сосредоточения, в неглубокую, почти открытую балку. Так как части бригады подходили с разных направлений, воз-

никла неизбежная путаница, и прошло много времени, пока полк смог собраться. Еще менее отрадной была другая картина: недалеко от Арбоньер навстречу гренадерам стремились разбитые остатки атакованных полков, раненые, отходившие артиллерийские парки и, как один участник пишет, «безоружный сброд». Несколько позднее в воздухе пролетел на восток сорвавшийся германский привязной аэростат. В общем тяжелая картина, свидетельствовавшая о серьезности обстановки» («История 2-го гренадерского полка», стр. 434).

Итак, сосредоточение пехоты в балке юго-восточнее Арбоньер, кроме 3-го батальона 376-го полка, который находился еще восточнее Вовиллер, закончилось лишь между 10.15 и 10.30. Одновременно противник приблизился к западной окраине Арбоньер, а его конница, обойдя это селение с севера и с юга, готовила удар на Вовиллер.

Около 9.00 командир 174-й пех. бригады прибыл на командный пункт 117-й пех. дивизии, где он около 9.45 получил от командира этой дивизии генерала Хефер приказ командира корпуса немедленно направить один полк на Кайе. Туда был назначен 376-й полк (без 3-го батальона); в 10.20 и в 10.35 1-й и 2-й батальоны 376-го полка выступили через балку юго-западнее Арбоньер. Намерения командования корпуса об использовании остальных частей 109-й пех. дивизии еще не были известны, штаб последней еще не прибыл. Но какие бы задачи ни были поставлены дивизии, удержание Арбоньер было во всяком случае необходимо, и если бы он тотчас же не был закреплен за нами, то был бы занят противником. Поэтому около 10.30 генерал Хефер приказал занять северо-западную окраину Арбоньер, куда был послан 2-й батальон 2-го гренадерского полка, расположенный почти в 1 *км* юго-западнее Вовиллер.

Когда затем через 20 минут к генералу Хефер прибыл штаб 109-й пех. дивизии, он немедленно связался с корпусом и доложил, что сейчас располагает 6 батальонами и небольшим количеством артиллерии. Ко-

мандир корпуса приказал дивизии развернуться в районе Арбоньер для контратаки, имея задачей занять и удержать рубеж: северо-восточные окрестности Арбоньер, западная окраина Арбоньер, Кайе. Это была довольно ограниченная задача; однако, командование корпуса знало, что положение в 11-м арм. корпусе было очень серьезно и что направленная на Фукокур 107-я пех. дивизия не успеет дойти туда к 13.30 своими передовыми частями. Он знал далее, что противник появился севернее Арбоньер самое позднее в 10.00; таким образом, возникало опасение, что отдыхавшие батальоны 117-й пех. дивизии не смогут дольше держаться южнее Вьенкур. Ему еще было известно, что 225-я пех. дивизия потеряла выс. 102 юго-восточнее Демюэн, а с нею и свою артиллерию. Введение в бой 1-й рез. дивизии и особенно 119-й пех. дивизии могло произойти не скоро. Наконец, следовало учесть, что 6 батальонов состояли из совершенно измученных в боях бойцов и что налицо было лишь «небольшое количество» артиллерии. Более широкая задача была бы поэтому невыполнима.

Несмотря на то, что части дивизии сразу же пошли в контратаку, последняя все же запоздала. 26-й рез. пех. полк с еще ранее направленным сюда 2-м батальоном 2-го гренадерского полка должен был наступать севернее, а 2-й гренадерский полк (без 2-го батальона) с еще не подошедшим 3-м батальоном 376-го полка — южнее линии колоколен в Арбоньер и Байонвиллер.

Во 2-м батальоне 2-го гренадерского полка первой в направлении восточной окраины Арбоньер начала контратаку 6-я рота.

> «Едва только рота двинулась, как ее атаковала неприятельская авиация, обстреливая пулеметным огнем и бомбами. Но так как мои люди инстинктивно расчленились на мелкие группы и не легли на землю, а продолжали движение, то потери были незначительны. Обстановка была нам настолько мало известна, что как только самолеты улетели, взводы снова сомкнулись и спокойно

продолжали движение. Сзади шла пулеметная повозка с ручными пулеметами. Близости противника мы еще не предполагали, знали лишь, что им захвачен Марселькав. Как только рота вышла из узенькой рощицы западнее станции Арбоньер, мы вдруг увидели танк, который вышел из селения и тотчас же открыл по нас огонь. В один миг мы заняли западную опушку рощи, пулеметчики бросились к повозке, схватили пулеметы и выскочили навстречу танку, к которому присоединился еще один танк. Людей едва можно было удержать. Ефрейтор Древс выскочил со своим пулеметом так далеко, что позднее я должен был послать за ним, так как он лежал в 200 *м* впереди нашей линии — вплотную у подбитого танка. Ни одного человека из экипажа этого танка мои люди не оставили в живых. Один бронеавтомобиль вскоре разделил его участь. Пехота противника из домов не показывалась» (донесение командира роты лейтенанта Эркух).

Между тем, 8-я рота, узнав о подчинении 26-му рез. полку, вначале осталась лежать в роще юго-восточнее селения, до которой она только что дошла, впереди частей 26-го полка, и позднее вела бой в его рядах. 5-я и 7-я роты, напротив, очутились восточнее 6-й роты вблизи проходивших теперь через Вовиллер передовых рот 3-го батальона 376-го полка. В одно мгновенье часть 1-й английской кавалерийской бригады атаковала с севера Вовиллер, другая часть повернула на Фрамервиль. Против нее сейчас же развернулись 11-я рота 376-го полка у перехода через железную дорогу восточнее Арбоньер, 10-я рота между нею и Вовиллер, и части 12-й роты западнее Вовиллер заняли дорогу Вовиллер, Арбоньер фронтом на север; роты открыли по неприятельской коннице огонь и заставили ее повернуть обратно. 5-я и 7-я роты 2-го гренадерского полка, повидимому, заметили дальнейшее охватывающее движение неприятельской конницы в направлении на Фрамервиль. Они тоже, вероятно, получили приказ 3-го батальона 376-го полка. Во всяком случае они передвинулись вправо и заняли северную окраину Вовиллер, где и приняли участие в отра-

жении неприятельской конницы. Справа от них находилась 9-я рота 376-го полка. Из района юго-западнее Эрлевиль она могла наблюдать, как неприятельская конница гнала впереди себя германские обозы с запада на Фрамервиль. Один из офицеров штаба бригады передал ей приказание заполнить промежуток между Фрамервиль и Вовиллер. Через эту роту была таким путем установлена довольно слабая связь с группой адъютанта 18-го полка (41-й пех. дивизии), которая также оборонялась против конницы на юго-западной окраине Фрамервиль (см. стр. 171). Таким образом, в короткое время весь 3-й батальон 376-го полка и 2-й батальон (без 8-й роты) 2-го гренадерского полка были скованы сравнительно слабыми конными частями противника и несколькими сопровождавшими их бронеавтомобилями на широко растянутом оборонительном фланге между Арбоньер и Фрамервиль. К сожалению, боевой состав обоих батальонов был очень невелик, так как их пулеметные роты и минометные части находились еще на передовой линии 117-й пех. дивизии и уже давно были захвачены противником.

Таким образом, дивизия могла предпринять контратаку всего лишь 5 батальонами. Для этого 26-й рез. полк развернул фронтом на северо-запад 2 батальона в первой линии и один сохранил в резерве между дорогой Лион, Арбоньер и полевой дорогой, идущей через балку юго-восточнее Арбоньер, от Розьер на Арбоньер. Пройдя немного, оба передовые батальона попали под сильный пехотный и пулеметный огонь с окраины селения и были вынуждены в свою очередь открыть огонь. Одновременно на указанную полевую дорогу и севернее ее выползло несколько танков. Правда, батальоны продвинулись еще несколько вперед, причем внутренние фланги обоих батальонов вышли на линию 8-й роты 2-го гренадерского полка. Но дальнейшее продвижение было приостановлено, так как неприятельское противодействие становилось все более сильным. Многочисленные самолеты производили беспрерывные атаки на пехоту. С минуты на ми-

нуту неприятельский артиллерийский огонь усиливался, так как противник выдвинул на высоту между Гийокур и Байонвиллер сильную артиллерию сопровождения (включая и артиллерию кавалерийской дивизии). Одновременно можно было видеть, что части 2-го гренадерского полка, находившиеся слева уступом впереди полка, тоже дальше не продвигаются.

Впереди в северо-западном направлении наступал 1-й батальон, имея правый фланг почти у дороги, проходящей по лощине. Фюзилеры[1] должны были следовать слева уступом назад. Через несколько сот метров открытый противником из Арбоньер огонь заставил правый фланг 1-го батальона остановиться; центр еще мог немного продвинуться вперед, а левый фланг, напротив, должен был повернуть на запад, скорее даже на юго-запад, так как южнее железной дороги Гийокур, Розьер двигались шесть легких танков и конница. Итак, батальон около 11.00 закрепился на дугообразном фронте между проселочной дорогой в балке и восточнее дороги Арбоньер, Кэ, имея центр в удалении около 800 *м* от южной окраины Арбоньер. Ввиду непрерывных налетов авиации и вследствие большого протяжения фронта в нем образовались разрывы. Части подразделений фюзилерного батальона рассыпались в этих промежутках, другие удлинили левый фланг 1-го батальона фронтом на юго-запад почти до железнодорожной линии. Выползший из Арбоньер танк был принужден повернуть обратно, а танк, шедший впереди других легких танков, в тот момент, когда он переходил в северном направлении железную дорогу по дороге Арбоньер, Кэ (видимо, западной), загорелся от попавшего в него снаряда; но, несмотря на это, дальнейшее продвижение на северо-запад было немыслимо. Влево никаких войск не было; со скатов юго-западнее Арбоньер спускались глубоко эшелонированные стрелковые цепи с танками, а неприятельский артиллерий-

---

[1] Их пулеметная рота и минометная команда действовали на передовой линии 117-й пех. дивизии и там были тоже захвачены противником в плен.

ский огонь сильно обрушился также и на части 2-го гренадерского полка. Но своей артиллерийской поддержки ни этот полк, ни 26-й рез. полк все еще не чувствовали.

Командир дивизии решил прекратить контратаку, по крайней мере до тех пор, пока не даст себя чувствовать подход 107-й пех. дивизии из Фукокур. Он приказал удерживать рубеж Фрамервиль, западная окраина Вовиллер, станция Арбоньер и далее в направлении на середину между Кэ и Розьер.

Направленные на Кайе оба батальона 376-го полка не могли уже дойти до места назначения. Под воздействием постоянных налетов авиации противника они сильно расчленились по фронту и в глубину. Когда их передовые части дошли до линии двух находящихся южнее железной дороги рощ (в квадрате 6222), они были внезапно атакованы с запада быстроходными легкими танками 1-й английской кавалерийской дивизии (без 1-й кавалерийской бригады) и ее конными эскадронами. Вслед за ними двигались густые пехотные цепи 2-й канадской дивизии с их тяжелыми танками. Правда, отдельные роты и взводы 376-го полка повернули севернее и южнее железной дороги направо, развернулись и открыли огонь. Однако, им не удалось быстро образовать оборудованный и сплошной рубеж обороны, на котором можно было бы в течение долгого времени препятствовать прорыву отдельных танков и спешенных частей конницы, усиленных пулеметами. И хотя севернее железной дороги в этот бой вступила группа Пихта (148-го пех. полка), а южнее отделившаяся от нее 3-я рота того же полка (см. стр. 173), после 12.00 их сопротивление было сломлено. Части, действовавшие севернее железной дороги, с боем отошли к частям 2-го гренадерского полка, а те, что были южнее железной дороги,— частично в направлении на Розьер, а частично в рощу северо-восточнее Кэ. Неоднократно задерживаясь для обороны, южный фланг вошел в соприкосновение с отдыхавшими батальонами 117-й пех. дивизии, которые понесли большие потери и отходили в полном беспо-

рядке под сильным нажимом преследовавших их конницы, танков и самолетов противника. Постепенно они были оттеснены в балку севернее Кэ и в долину ручья Люс.

Между тем (в 11.45) командование корпуса возложило на командира 109-й пех. дивизии руководство боевыми действиями всех частей, находившихся между Фрамервиль и ручьем Люс. Командир дивизии приказал 174-й бригаде организовать оборону севернее, а генералу Хефер — южнее железной дороги. Чрезвычайно энергичными действиями генерала Хефер удалось остановить поток бежавших назад людей и частей. Наперекор беспрерывным воздушным атакам и невзирая на все усиливавшийся ружейный и танковый огонь, он выехал на своем автомобиле в ряды отходивших пехотных частей и заставил их занять оборонительный рубеж. Его донесение об обстановке в 14.30 гласит:

«По обе стороны железной дороги Гийокур, Розьер зияет прорыв шириною около 800 *м*, прикрываемый пулеметами. У Кэ в 14.00 бежали в беспорядке обратно на восток части четырех дивизий [1]. Я остановил их на высотах у Кэ и подчинил подполковнику Дюкер (командиру 173-й пех. бригады 225-й пех. дивизии). Части чрезвычайно слабые. Огнеприпасов (особенно для пулеметов) нет. Дивизия организовала подвоз. Западнее Розьер стояла одна батарея [2]. В 14.30 с запада началась сильная атака на Кэ».

Упоминаемые здесь пулеметы, прикрывавшие прорыв на железной дороге, принадлежали учебной и пулеметной школам 225-й пех. дивизии; они были заблаговременно подтянуты к переезду через железную до-

---

[1] Часть 376-го полка . . . . 109-й пех. дивизии
" 148-го " . . . . 41-й " "
" 22-го рез. полка . . . . }
" 11-го гренадерского полка . . . . } 117-й " "
" 157-го полка . . . . }
" 217-го рез. полка . . . . 225-й " "
" нескольких саперных рот 14-й баварской пех. дивизии.

[2] 6-я батарея 233-го полка легкой артиллерии (см. стр. 193).

рогу на восточной дороге Арбоньер, Кэ (одна пехотная и одна пулеметная роты). Их заслуга в том, что вышедшие на железную дорогу танки не пошли дальше. Совместно с частями 2-го гренадерского полка их пулеметы вызвали в 2 танках пожар, а 2 танка заставили повернуть обратно.

Чрезвычайно неприятно сказывалось на ходе боя пехоты 109-й пех. дивизии то обстоятельство, что она в течение утра оставалась без артиллерийской поддержки. Какая была польза в том, что 227-й полк легкой артиллерии (1-й дивизион, полудивизион 2-го дивизиона и 3-й дивизион) и половина 3-го дивизиона 233-го полка легкой артиллерии могли быть на месте одновременно с пехотой, если в батареях вовсе не было или было весьма незначительное количество огнеприпасов! Уже в 7.45 расположенный в Гийенкур-ле-Гран и в Маршельпо 1-й дивизион 227-го полка легкой артиллерии, штаб которого был превращен в штаб питания огнеприпасами, получил приказ отойти под командой штаба 1-го дивизиона 233-го полка легкой артиллерии в балку у Арбоньер. Лишь около 10.00 он прибыл в Лион и вскоре достиг Розьер, чтобы здесь пополнить огнеприпасы; наткнулся при дальнейшем движении в балку юго-западнее Арбоньер на неприятельскую конницу, был вынужден отойти обратно на Розьер и только в 13.30 был готов открыть огонь, заняв огневую позицию несколько севернее Розьер[1]. Половина 2-го дивизиона 227-го полка легкой артиллерии была лишь в последнюю ночь снята со своих огневых позиций и только что прибыла в Шон. Другая половина и штаб еще не были сменены. Для полудивизиона 2-го дивизиона 227-го полка легкой артиллерии и полудивизиона 3-го дивизиона 233-го полка легкой артиллерии (в Фукокур) сборным пунктом был назначен Вовиллер. Из первого полудивизиона, видимо, лишь полубатарея 6-й батареи достигла своей цели, причем она очень скоро была захвачена неприятель-

[1] 2-я батарея 227-го полка легкой артиллерии, повидимому, вначале занимала огневую позицию прямо на запад от Розьер. См. рассказ Френцемейера, стр. 198.

ской конницей; во всяком случае лишь одно орудие без прислуги, однако, еще с частью запряжки, «было снова обнаружено у юго-восточной окраины Фрамервиль». После этого 4-я и 5-я полубатареи были выдвинуты на огневую позицию около 1,5 *км* западнее Лион. Равным образом полубатарея 7-й батареи 233-го полка легкой артиллерии сделалась жертвой неприятельской конницы. Хотя подробных данных о том, где это произошло, не имеется, но нужно думать, что донесение полубатальона 2-го батальона 2-го гренадерского полка с северной окраины Вовиллер от 15.30 относится к этим обоим орудиям; в нем сказано:

> «На правом фланге 5-й и 7-й рот стоят 2 орудия без прислуги. Прошу срочно прислать людей, чтобы вывезти их».

Эти орудия были вывезены с наступлением темноты. Полубатареи 8-й и 9-й батарей 233-го полка легкой артиллерии, повидимому, находились тогда на огневой позиции на линии Вовиллер, Розьер; более подробные данные отсутствуют.

Еще позже был открыт огонь 3-м дивизионом 227-го полка легкой артиллерии. Этот дивизион должен был немедленно перейти из Мегарикур на Кэ, захватив по пути в Розьер огнеприпасы. В Розьер, однако, как раз тогда взорвался склад боевых припасов. Огнеприпасы пришлось подвозить из Лион и других пунктов, расположенных глубже в тылу; поэтому эти три батареи могли лишь в 15.00 занять огневые позиции между Фрамервиль и Вовиллер.

Несомненно, в первые часы пехотного боя отсутствовала также поддержка со стороны 9 батарей 227-го и 233-го полков легкой артиллерии. Напротив, переданный уже несколько дней тому назад в подчинение 51-го корпуса 3-й дивизион 1-го рез. полка легкой артиллерии (Мегарикур) прибыл на место назначения скорее. После того как ему в 8.45 было сообщено о подчинении его 109-й пех. дивизии, он в 11.10 уже открыл огонь, борясь с танками и конницей, а позднее — с пехотой и артиллерией противника, имея 9-ю батарею на огневой позиции, примерно, в 1 *км*

южнее Вовиллер, а 7-ю и 8-ю батареи — на огневых позициях приблизительно в 500 *м* севернее железнодорожной станции Розьер. После полудня обе южные батареи совместно с 1-м дивизионом 227-го полка легкой артиллерии, от которого 3-я батарея была выдвинута в район юго-восточнее Розьер для обстрела оврага между Розьер и Врели, и с 6-й батареей 233-го полка легкой артиллерии действовали весьма успешно в районе севернее и восточнее Кэ, благодаря чему положение участка Хефера с его сильно расстроенными пехотными частями было значительно облегчено.

Весьма жалкими были действия тяжелой артиллерии, которая смогла открыть огонь лишь поздно пополудни или даже совсем вечером. К сожалению, в журналах военных действий нельзя найти обоснования этому. Но здесь, несомненно, сказались недостатки в передаче распоряжений, отсутствие точных данных об обстановке, закупоривание дорог стремившимися назад обозами, артиллерийскими парками и т. д. и, наконец, отсутствие единого руководства вначале. Например, полубатарея 1-й батареи 88-го тяжелого артиллерийского батальона не смогла открыть огня в течение всего дня; она занимала огневую позицию западнее Фукокур и открыла огонь лишь в 16.15, и то лишь в районе действий 107-й пех. дивизии (см. стр. 181). Сводная батарея, составленная из полубатареи 2-й батареи 88-го тяжелого артиллерийского батальона и 2-й батареи 64-го тяжелого артиллерийского батальона, хотя и выехала около 15.00 на позицию в 1 *км* северо-восточнее Розьер, «но так как нельзя было установить телефонную связь, батарея огня не вела, а затем в 17.00 переехала на другую позицию на северо-западный угол леса Трапец (северо-западнее Лион), откуда она в 20.30 выпустила 18 снарядов по Кэ» (журнал военный действий 2-й батареи 88-го тяжелого артиллерийского батальона). Расположенная южнее 100-*мм* батарея (по полубатарее от третьих батарей 64-го и 88-го тяжелых артиллерийских батальонов), видимо, вообще огня не открывала. Полубатарея 1-й батареи 64-го тяжелого артиллерийского батальона открыла огонь

лишь вечером, а из вновь приданных только утром мортирных батарей 2-го баварского полка тяжелой артиллерии лишь 4-я батарея вела пристрелку по Кэ.

При такой крайне слабой артиллерийской поддержке было еще большим счастьем, что противник удовлетворился лишь достижением своего третьего рубежа атаки, которым он овладел севернее железной дороги Амьен, Руа между 10.45 и 11.45, а южнее — несколько позже. После этого на новом участке 109-й пех. дивизии более или менее значительных боев уже не было, так что дивизия после наступления сумерек постепенно привела в порядок свои пехотные части и, оторвавшись немного от противника, получила даже возможность частично эшелонироваться в глубину (последнее положение см. на карте 2). Но не может быть сомнения в том, что широко растянутый фронт дивизии (протяжением почти 5 *км*), особенно на участке Хефера, обладал лишь слабой оборонительной силой. Слабые и без того 2-й гренадерский, 26-й рез. и 376-й пех. полки снова понесли большие потери, а во время боя 117-й пех. дивизии потеряли, кроме того, ценных офицеров и лучшие подразделения. Отошедшие части 117-й пех. и 225-й пех. дивизий представляли совершенно истощенные остатки, не обладавшие вовсе физической и моральной силой сопротивления. Если бы противник на следующий день возобновил свою сильную танковую атаку прежде, чем удалось организовать значительную артиллерийскую поддержку и привести в готовность свежие резервы, то пришлось бы считаться с перспективой дальнейшей потери территории, тем более что установленное лишь поздно вечером соприкосновение с соседней слева 19-й пех. дивизией было очень непрочным, а правый фланг этой дивизии был весьма слаб.

3. Бой сводного полка Бельмана и 1-й резервной дивизии.

Между ручьем Люс и большой дорогой Амьен, Руа около 11.00 произошло следующее.

Противник намеревался танками и пехотой проникнуть в Кайе; еще за полчаса до того он овладел важ-

ной выс. 102 (юго-восточнее Демюэн), и его свежая 7-я канадская бригада подошла близко ко второму рубежу атаки. Непосредственно за ней из Иньокур вышли передовые части 3-й кавалерийской дивизии, которым была поставлена задача атаковать с этого рубежа, *предшествуя* пехоте, третий рубеж и удержать его до подхода пехоты.

На стороне германцев из частей, принимавших здесь участие в бою, имелась лишь группа Краузе (см. стр. 206) с полубатареей 7-й батареи 47-го полка легкой артиллерии, намеревавшаяся занять высоты восточнее леса (что юго-восточнее Кайе), а также три роты отдыхавшего батальона 18-го резервного полка, занимавшие линию обороны севернее Бокур (см. стр. 208). Единственным еще не использованным резервом 225-й пех. дивизии являлся сосредоточенный в лесу Бокур (восточнее Бокур) полк Бельмана (см. стр. 208), который мог быть поддержан подходившей полубатареей 1-й батареи 192-го полка легкой артиллерии. Находившаяся на полпути между Бокур и Кенель отдыхавшая батарея 14-й баварской пех. дивизии (6-я батарея 23-го баварского полка легкой артиллерии) вначале не могла принять участия в бою, так как она была без снарядов. Глубже в тылу в районе Кенель, Арвиллер была сосредоточена 1-я резервная дивизия.

Около 10.30 капитан Бельман, до сего времени не имевший никаких сведений об обстановке, получил от 225-й пех. дивизии первый приказ, который требовал от его трех слабых батальонов не меньше, чем занятия опорной позиции на линии Кайе, Бокур и прикрытия долины ручья Люс на участке Кэ, Кайе. Этот приказ, естественно, был отдан в том предположении, что с фронта еще подойдут значительные части пехоты, которые полк, служа для них костяком, включит в свой состав. После того как капитан Бельман двинул все свои три батальона, вслед за первым был получен второй приказ дивизии: атаковать в северо-западном направлении между Бокур и Мезьер (см. стр. 208). Теперь нужно было повернуть батальоны на новые участки и направить: 3-й батальон 192-го полка

правее, а 2-й батальон 245-го рез. полка левее дороги Бокур, Демюэн; 3-й батальон 183-го полка, без одной роты, которая в качестве резерва должна была следовать по указанной дороге, иметь уступом позади справа.

«Едва успел капитан Бельман, бывший комендантом форта Во во время геройской обороны форта в конце октября 1916 г., отдать новый приказ и начать своими частями движение, как внезапно, словно град, посыпались ошеломляющие донесения: противник захватил Мезьер, находится западнее Бокур; конница спускается с выс. 102; танки выползают из оврага с направления Кайе; конница с севера подходит к Кэ. Вскоре над нами спустилась группа самолетов и обстреляла весь район развертывания полка пулеметами и ручными гранатами[1]. Таким образом, противник предупредил нас в атаке. Батальоны, еще не успевшие развернуться в боевой порядок для атаки (3-й батальон 192-го полка, сложив свое снаряжение, только что перешел через дорогу Кэ, Бокур), были вынуждены перейти к обороне. Артиллерийский взвод был тут же (на северо-восточном углу леса южнее дороги Кэ, Бокур) выброшен на позицию, с которой открыл огонь по показавшимся танкам севернее Бокур и в направлении Кайе» (записки адъютанта лейтенанта 11-й роты 192-го полка Флакс).

Этим было окончательно сорвано намерение командования 225-й пех. дивизии восстановить положение атакой всеми имевшимися в его распоряжении резервами. Группа Краузе была брошена в атаку, 376-й полк вовсе не дошел до района дивизии, а полк Бельмана уже в момент развертывания сам был атакован. Единственное преимущество, имевшееся у полка Бельмана, заключалось в том, что он скоро мог быть поддержан 1-й рез. дивизией.

Отданный 1-й рез. дивизии в 6.20 приказ 3-го арм. корпуса наступать двумя эшелонами на Бушуар и

[1] В оригинале «mit Handgranaten». Видимо, подразумеваются легкие авиабомбы, сбрасываемые руками без прицельных приспособлений. — *Прим. перев.*

одним на Арвиллер (см. стр. 230) был расширен в том отношении, что для направленных на Бушуар частей конечной целью был намечен Кенель. Однако, название «эшелон» годится здесь лишь в ограниченной степени, так как из 1-го рез. полка легкой артиллерии налицо был лишь 1-й дивизион; 3-й дивизион был направлен в 109-ю пех. дивизию, а 2-й дивизион не имел материальной части; последняя могла быть подвезена лишь к вечеру. Около 9.30 сосредоточились: 1-й рез. пех. полк, 59-й рез. пех. полк и 2-й дивизион 1-го рез. полка тяжелой артиллерии — у Кенель, 3-й рез. пех. полк (без 1-го батальона)[1] и 1-й дивизион 1-го рез. полка легкой артиллерии — восточнее Арвиллер. Тем временем дивизия была передана в подчинение 51-му корпусу. В 9.25 последний отдал приказ: дивизии приготовиться к контратаке фронтом на северо-запад, правый фланг — у бивака Ландграфен (в середине леса Бокур), левый фланг протянуть до Френуа. Однако, следующий приказ корпуса в 10.42 уже отказывается от активного использования дивизии: 1-й рез. дивизии занять Бокур и занять рубеж западная окраина Бокур, район Френуа; один полк иметь уступом за левым флангом; батареи — на выжидательной позиции в районе Френуа, Кенель. Преградить противнику продвижение через линию западная окраина Бокур, цепь высот западнее Френуа.

Между 11.15 и 11.30 части под интенсивным артиллерийским огнем противника начали свое продвижение вперед: 1-й рез. пех. полк имел 2-й батальон на правом фланге, 3-й батальон — на левом и 1-й батальон — уступом позади правого фланга; 59-й рез. пех. полк: 1-й батальон — справа, 2-й — слева и 3-й — уступом за левым флангом. Границей между обоими полками служила большая дорога. 3-й рез. полк (без 1-го батальона)

[1] 1-й батальон 3-го рез. полка, большая часть которого 23 июля попала в плен, был заново укомплектован и в то время имел лишь 2 роты общей численностью в 182 человека и 1 пулеметную роту. Вначале дивизия задержала этот батальон в своем распоряжении.

сначала следовал из района восточнее Арвиллер до дороги Кенель, Анжест. 1-й дивизион 1-го рез. полка легкой артиллерии и 2-й дивизион 1-го рез. полка тяжелой артиллерии заняли огневые позиции северо-западнее, юго-западнее и южнее Кенель, а также в последнем. С началом движения пехоты начались сильные атаки многочисленных неприятельских самолетов. Это был момент, когда полк Бельмана был вынужден перейти к обороне.

Последнему пришлось прежде всего иметь дело с конницей противника. Впереди всех на Бокур наступала канадская кав. бригада, за ней двигалась 7-я кав. бригада, сразу повернувшая несколько на восток, чтобы наступать через лес юго-восточнее Кайе. 6-я кав. бригада вначале следовала за 7-й, чтобы затем двинуться в общем направлении на Кенель. Незадолго до 11.00 по канадской бригаде севернее Бокур был открыт огонь трех рот 2-го батальона 18-го рез. полка (см. стр. 208). Передовые части, сопровождаемые танками, тотчас же свернули на запад и окружили Бокур с юга, следующие эскадроны атаковали по низине на Френуа и по большой дороге. Другая кавалерийская группа с 8 танками, охватывая с востока, стремилась зайти в тыл частями 18-го рез. полка. Главная масса кав. бригады пошла в атаку на Бокур с фронта. Под нажимом этого охвата с обоих флангов три роты с боем отошли через Бокур и через балку восточнее его на полк Бельмана.

3-й батальон 183-го полка (без 9-й роты, выделенной в полковой резерв), выполняя порученный им первый приказ о занятии долины ручья Люс, прибыл на позицию между Кэ и Кайе, на которой он ни с кем не имел соприкосновения ни вправо, ни влево (см. карту 2). Сомнительно, имела ли выдвинутая дальше других вперед и вправо 10-я рота зрительную связь с группой Краузе, так как сразу же после ее прибытия несколько влево впереди нее перед лесом появились танки и конница противника, двигавшиеся на восток. По ним группа Краузе, повидимому, больше уже не вела огня. Как только рота открыла ружейный и пулеметный

огонь, конница скрылась, в то время как танки повернули на роту. Рота смогла удержаться здесь до 12.45, но затем должна была отойти, так как противник показался уже западнее и юго-западнее Кэ, и его сильные спешенные кавалерийские части с пулеметами обстреливали роту фланговым огнем слева с опушки леса. На выс. 96 10-я рота снова заняла позицию фронтом на северо-восток и север. Этим 7-я английская кавалерийская бригада обеспечила себе обладание плато юго-восточнее Кайе и двинулась на линию высот южнее Кэ.

Тем временем 12-я и 11-я роты 183-го полка и 10-я и 11-я роты 192-го полка со своими пулеметами удачно действовали против 6-й английской кав. бригады. Командир 3-й пулеметной роты 183-го полка оберлейтенант Вундерлих сообщает:

> «К счастью, пехота открыла огонь лишь тогда, когда третий и, видимо, последний эшелон английской конницы перешел через высоты севернее Бокур. Сильнейшим огнем, в особенности из станковых и ручных пулеметов, конная атака была в несколько минут отбита. Вид этой конницы, которая только что неслась в гордой атаке, а теперь сразу превратилась в беспорядочно перемешавшуюся массу, останется у меня в памяти».

В этом бою чрезвычайно большое содействие оказала полубатарея 1-й батареи 192-го полка легкой артиллерии, которая вела огонь, главным образом, по танкам. Охватывавшие Бокур с северо-востока части канадской кав. бригады тоже попали под ее огонь и были отброшены с большими потерями. Главным силам канадской конницы удалось ворваться в Бокур, и тогда они попытались с восточной и южной окраины селения продвинуться дальше вперед. Но перед фронтом 12-й роты 192-го полка и расположенных югозападнее от нее частей 18-го рез. полка эти усилия оказались вначале тщетными.

В более тяжелую обстановку с самого начала попал 2-й батальон 245-го рез. полка. Он только что вышел

из леса, чтобы, обойдя Бокур с юга, выйти на свой боевой участок; в этот момент он был внезапно атакован частями канадской кав. бригады, обошедшими Бокур с запада.

Под огнем 2 пулеметных рот конница повернула далее на юг; однако, двинувшиеся затем в атаку легкие, а вслед за ними и тяжелые танки сделали дальнейшее продвижение невозможным. Повидимому, эти части 245-го рез. полка должны были частично даже отойти назад, так как их главная масса очутилась, наконец, на западной и юго-восточной опушках леса Бокур. Таким образом, полк Бельмана занял резко выраженную дугообразную позицию, фланги которой были под угрозой со стороны Кэ и Френуа; имевший же прорывы средний участок был сильно атакован с севера преимущественно танками.

В такой обстановке подошла 1-я рез. дивизия. Между 12.00 и 12.30 2-й и 3-й батальоны 1-го рез. полка, а также 1-й батальон и 8-я рота 59-го рез. полка достигли рубежа: выдающийся угол леса восточнее Бокур, выс. 94, северо-восточная окраина Френуа. 1-й батальон 59-го рез. полка незадолго до этого нанес большие потери и отбросил шедшую из района южнее Бокур в конном строю канадскую конницу. Но в дальнейшем больше уже было невозможно воспрепятствовать эскадронам проникнуть с севера во Френуа. 5-я и 6-я роты 59-го полка обошли селение с юга и расположились на высотах восточнее балки, идущей в направлении Плесье. В 13.30 2-й батальон 59-го рез. полка вытеснил неприятельскую конницу из Френуа, освободил там части 4-го баварского пех. полка и занял скат западнее селения[1]. Однако, временно оба фланга этого вновь занятого обоими полками рубежа

[1] По данным журнала боевых действий 2-го батальона 4-го баварского пех. полка, он лишь около 17.00 вошел во взаимодействие со 2-м батальоном 59-го рез. полка во Френуа и в окрестностях. Повидимому, ворвавшиеся во Френуа части 2-го батальона 59-го рез. полка были вследствие артиллерийского огня противника снова выведены из селения.

были удлинены: правый — путем расширения участка 1-го батальона 1-го рез. полка до северной опушки леса Бокур, левый — путем ввода 9-й и 11-й рот 59-го рез. полка на участке, примерно, до 400 *м* к югу от Френуа. Внутренние фланги 1-й рез. дивизии и полка Бельмана (с частями 18-го рез. полка) при этом примкнули друг к другу.

Правее и впереди 1-го рез. полка части 3-го батальона 192-го полка и 3-го батальона 183-го полка, занимавшие район до выс. 96, вели теперь упорные бои с танками, пулеметами и орудиями 6-й кав. бригады; впереди же 59-го рез. полка все еще держались баварцы батальона Освальда (см. стр. 220).

Если бы в дальнейшем в этом бою пришлось иметь дело лишь с конницей, то эта позиция севернее большой дороги, несмотря на отсутствие связи вправо, могла бы быть удержана до самого вечера, т. е. до прибытия на восток от них новых резервов. Но ввиду того, что совершенно свежая 4-я канадская дивизия с 13.40 перешла со второго рубежа в энергичную атаку (см. стр. 184), положение 1-го рез. полка и полка Бельмана очень скоро значительно ухудшилось.

Справа от восточного фланга полка Бельмана соседних частей не чувствовалось. С подходом 4-й канадской дивизии 6-я кав. бригада получила свободу маневра, так как она могла передать атаку полка Бельмана пехоте и ее тяжелым танкам, а сама атаковать сильными частями район между выс. 96 и Кэ в направлении на Бокур, Кенель. Полубатарея 1-й батареи 192-го полка легкой артиллерии уже давно выпустила свой последний снаряд, а артиллерии 1-й рез. дивизии и без того было много дела на участке своей дивизии. Однако, лесистая местность юго-восточнее Кайе и расположенные западнее ее балки, равно как и селение Бокур, предоставляли танкам и пехоте 4-й канадской дивизии благоприятные возможности для сближения. Произошло то, что должно было случиться: после упорнейшей обороны, в особенности на участке полка Бельмана, и после того, как танки во многих местах

прорвали фронт пехоты, 1-й рез. полк и полк Бельмана вынуждены были около 15.15[1] начать постепенный отход. Отличные действия батарей 1-го дивизиона 1-го рез. полка легкой артиллерии дали возможность 1-му рез. полку неоднократно задерживаться на рубежах, а полку Бельмана, без всякой артиллерийской поддержки и несмотря на непрерывное фланкирование с севера (остатки 10-й роты 183-го полка были оттеснены со своих позиций у выс. 96 и к юго-западу от Врели), даже еще раз подготовиться к задержке противника на долгое время на проселочной дороге Кэ, Кенель. Но так как до самого наступления темноты всякая связь вправо отсутствовала, то сильно ослабленные тяжелыми потерями саксонские батальоны вынуждены были отойти. Они снова остановились в старых окопах на полпути между дорогой Кэ, Кенель и железнодорожной веткой. Правда, большое количество самолетов и танков на обоих полковых участках было выведено из строя, однако эти потери противника нисколько не облегчили положения, так как он располагал огромным количеством этих боевых средств. Насколько глубоко зашел теперь охват полка Бельмана, видно из того, что подошедший тем временем к Фоли полубатальон 1-го батальона 3-го рез. полка (см. подстрочное примечание на стр. 246), который получил в 16.00 приказ дивизии выдвинуться к западу мимо Бофор для прикрытия правого фланга, был атакован на линии железной дороги (в районе выс. 96) сначала конницей, а затем пехотой и танками. Обе атаки были отбиты. Между 18.00 и 19.00 фронт германцев восточнее дороги проходил следующим образом: полубатальон 1-го батальона 3-го рез. полка — на железной дороге северо-западнее Бофор; слева уступом вперед полк Бельмана в упоминавшихся старых окопах между тянущейся к Кэ балкой и перекрестком полевых дорог Бофор, Кенель и Кайе, станция Кенель; влево была установлена связь с 1-м рез. полком, ко-

[1] По данным журнала боевых действий, 2-й батальон 18-го рез. полка, 245-й рез. и 1-й рез. полки начали отход уже значительно раньше (сразу после 14.00).

торый, будучи усилен 1-й ротой 34-го саперного батальона, удерживал северную и северо-западную окраины Кенель, а также дорогу Кенель, Френуа, до половины расстояния от большой дороги. И здесь, непосредственно впереди Кенель, танки снова пытались прорваться. И после того как многие из них были выведены из строя, 1-я батарея 1-го рез. полка легкой артиллерии все еще продолжала занимать огневую позицию северо-западнее Кенель и действовала отлично, остальные танки повернули назад.

На участке 59-го рез. полка оборона батальона Освальда, продолжавшаяся почти до 14.00, вначале была успешна. Но в 14.20 противник повел по самой большой дороге на 1-й батальон сильную танковую атаку. Артиллерия подбила четыре танка, подошедших вплотную к пехоте. Экипажи подбитых танков пытались закрепиться со своими пулеметами непосредственно возле своих чудовищ, однако части 59-го рез. полка их атаковали, выбили из занятых ими гнезд и взяли около 50 человек в плен. Следовавшая за танками пехота была отброшена. Следующий сильный удар последовал около 16.00 со стороны Мезьер на 2-й батальон, действовавший теперь вместе со 2-м батальоном 4-го баварского полка, и против 9-й и 11-й рот 59-го рез. полка. После горячего боя и эта атака была отбита.

Тем временем 3-й рез. полк (без половины 1-го батальона) тоже был выдвинут для заполнения промежутка между левым флангом 59-го рез. полка и ведущими бой у Плесье частями 192-й пех. дивизии (см. схему 5). Под сильнейшим неприятельским артиллерийским огнем 3-й батальон 3-го рез. полка, развернувшийся первым, достиг около 14.30 линии высот северо-восточнее Плесье и вошел своим левым флангом в соприкосновение с частями 192-го полка (см. стр. 228). Но справа еще оставался значительный незанятый промежуток до частей 59-го рез. полка, который был заполнен лишь после того, как сюда подошли около 18.00 7-я и 5-я роты 3-го рез. полка. Но как раз в этот момент пришлось загнуть назад правый фланг 59-го рез. полка (1-й батальон) до до-

роги Френуа, Кенель вследствие того, что правый сосед был оттеснен назад. Какие героические усилия проявили на этой позиции 59-й и 3-й рез. полки, наиболее ясно видно из приказа 31-го французского арм. корпуса от 17.30. После новой сильнейшей артиллерийской подготовки должны были наступать: 42-я дивизия — на Арвиллер, 153-я дивизия — через Анжест на Эрш и 37-я дивизия — на выс. 97 (между Анжест и Сальшуа); «сегодня вечером корпус должен безусловно достичь Арвиллер». Следовательно, 3 дивизии с большой массой легких танков (первоначально их было 90) навалились на 4 слабых батальона, которые, правда, были поддержаны 2-м дивизионом 1-го рез. полка легкой артиллерии, изготовившимся к открытию огня в 16.30 (у Анжест и затем переехавшего в Арвиллер). Сильные авиационные эскадрильи беспрерывно атаковали пехоту. Значительные потери были понесены также от могущественного артиллерийского огня. И тем не менее вначале все атаки были отбиты. Однако, в 20.30 танки прорвали позицию 6-й роты 59-го рез. полка западнее Френуа, и это селение было потеряно. Здесь полк вынужден был ввести в дело последние свои резервы (10-ю и 12-ю роты), однако ему уже не удалось больше вырвать деревню из рук противника. Поэтому больше ничего не оставалось, как отодвинуть позиции 2-го и 3-го батальонов назад, около 300—500 *м* к востоку от Френуа (21.20).

На крайнем левом фланге 1-й рез. дивизии положение ухудшилось уже 2 часами раньше. Плесье был захвачен противником. Как было сказано выше (см. стр. 228), для удержания этого селения в 192-й пех. дивизии имелось лишь несколько подразделений 192-го полка, а также 2-я и 3-я роты 245-го полка. Восточнее Плесье стоял в готовности один батальон правофлангового полка (1-й батальон 179-го полка) соседней слева дивизии; но он не подоспел своевременно на помощь защитникам селения, чтобы воспрепятствовать противнику ворваться в него. Вскоре после 19.00 сопротивление саксонцев на северной и северо-западной окраинах Плесье было сломлено. Французы тотчас же

вышли на восточную окраину селения и затем попытались атакой в тыл отрезать державшиеся еще на выс. 102 юго-западнее Плесье части 245-го рез. полка, которые в 18.15 были усилены 6-й ротой 133-го полка 24-й пех. дивизии. Французам, пожалуй, это удалось бы, если бы стоявшая юго-западнее Плесье 7-я рота 133-го полка[1] решительной атакой не отбросила противника обратно в селение. Когда затем незадолго до 20.00 остатки 3-го батальона и 4-й роты 245-го рез. полка, а также 6-й роты 133-го полка под нажимом возобновившего атаку противника должны были сдать выс. 102, они смогли, обойдя Плесье с юга, снова закрепиться на высоте в 1 *км* южнее Плесье. 1-й батальон 179-го полка также задерживал противника на восточной окраине Плесье почти до 21.00. Однако, чтобы не остаться на ночь изолированным от соседей, этот батальон также отошел на высоты в 1 *км* восточнее селения, а вслед за этим находившиеся между Плесье и Френуа части 1-й рез. дивизии последовали его примеру. Хотя дивизии 31-го французского арм. корпуса были еще далеко от рубежа, которого они должны были «безусловно достигнуть», они продвигались весьма медленно, у них уже нехватило силы для следующей энергичной атаки. С наступлением сумерек бой на участке от дороги до р. Авр затих на достигнутом к 21.00 рубеже (см. схему 5)[2].

4. Прибытие 119-й пехотной дивизии на вновь образованный вечером 8 августа фронт 2-й армии.

К счастью, противник между ручьем Люс и выс. 96 (на полдороге между Кэ, Бокур) лишь очень медленно продвигался вперед. Около 13.00 сильные части 6-й и 7-й английских кав. бригад перешли дорогу Кэ, Бокур, после чего могли сразу же выйти в тыл сильно расстроенным частям на участке Хефера и полку Бель-

---

[1] 2-й батальон 133-го полка (без 6-й и 7-й рот) вел бой на внутренних флангах 192-й и 24-й пех. дивизий.

[2] Позднее здесь еще имели место продвижения на восток и снова на запад; однако, они не вызывались действиями противника.

мана. Сплошного рубежа сопротивления конница у германцев не встретила, так как лишь у Кэ и южнее находились еще слабые части обороняющегося. Они состояли из 3-й и 17-й баварских рез. саперных рот, которые лишь вечером 7-го августа вновь прибыли в распоряжение 14-й баварской пех. дивизии и из расположенного в Кэ на отдыхе взвода 10-й баварской рез. саперной роты. Последний по своей инициативе поспешно занял позицию недалеко к юго-западу от Кэ, в то время как обе другие роты, расположенные на биваке Заксен (южнее Кэ [1]), также самостоятельно расположились для обороны в старых окопах недалеко от этого лагеря — повидимому, у выс. 95 (около 11.00). Появившиеся вначале перед этими позициями конные части противника были отбиты без особого труда. Когда затем между 13.00 и 14.00 через возвышенный район юго-западнее Кэ начали движение пехотные части, саперы открыли настолько действительный огонь, что тем пришлось окопаться, ввести в дело пулеметы и открыть по расположению сапер сильный артиллерийский огонь. Видимо, уже к этому моменту 6-я батарея 23-го баварского полка легкой артиллерии открыла огонь (см. стр. 244). Она, наконец, получила некоторое количество снарядов и стала на позицию южнее Баварского леса (лес, в котором находились Саксонский и Баварский лагери). Продвижение неприятельской конницы вначале было полностью приостановлено. Но вследствие того, что германские части, которые вели бой севернее ручья Люс, отошли далее в направлении Розьер, по позициям сапер очень скоро был открыт фланговый пулеметный огонь из Кэ и с высот восточнее последнего. Вследствие этого отдыхавший взвод 10-й роты, а затем и 3-я рез. саперная рота были вынуждены отойти назад. 17-я же саперная рота, загнув назад свой правый фланг и введя в дело 2 приданных ей пулемета, продержалась до 16.00. К сожалению, баварская батарея снова быстро расстреляла свои

[1] Обе выдвинули по одному взводу вперед (на Мезьер и на Бокур), однако взводы снова присоединились к своим ротам еще до начала боя.

снаряды и снялась с позиции. Когда затем на 17-ю саперную роту начали наступать с юго-запада танки, а с фронта сильные пехотные части, ей пришлось постепенно отходить; снова она остановилась в рощице, в 1,5 *км* севернее Бофор. Повидимому, английская конница вначале была введена в заблуждение относительно силы этих обороняющихся германских подразделений. Ее осторожность была, видимо, еще вызвана донесениями летчиков о подвозе германских подкреплений. Во всяком случае сопротивление 2½ рот и 6-й батареи 23-го баварского полка легкой артиллерии способствовало тому, что обе кавалерийские бригады достигли третьего рубежа атаки непосредственно южнее ручья Люс только к 15.40, а в районе Баварского леса — даже еще позже. Здесь они, согласно приказу, стали выжидать подхода пехоты 4-й канадской дивизии.

Полки 119-й германской пех. дивизии еще в 9.30 получили приказ о подготовке к выступлению (см. стр. 230). Их пехота должна была быть быстро подвезена к Врели на грузовиках, а артиллерия — следовать походным порядком. Но ввиду того, что пехотные части находились на учебных занятиях и окопных работах, а предоставление достаточного количества грузовиков значительно замедлилось, переброска началась лишь в 11.30. Затем из-за закупорки дороги Руа, Врели (карта 1) отходившими обозами, колоннами и пр., а также вследствие неприятельских воздушных атак произошла новая задержка, в результате чего передовые части прибыли к Врели не раньше 14.00, а последний батальон смог выгрузиться у Варвиллер лишь в 20.30. Артиллерия, вследствие изнуренности конского состава, прибыла также очень поздно.

119-я пех. дивизия, по первоначальному предположению, должна была находиться в армейском резерве. Но после того, как армейскому командованию между 13.00 и 14.00 стало ясно, что к югу и юго-западу от Кэ образовался большой прорыв, для заполнения которого других частей не было, оно в 14.10 передало дивизию в подчинение командования 51-го арм. корпуса. При этом было дано указание сосредоточить дивизию

между Врели и Мегарикур, чтобы, в зависимости от развития удара противником, она могла быть направлена для контрудара или в северном направлении, или между Кэ и Бокур. Предположения об использовании дивизии затем еще несколько раз изменялись, пока в 18.15 не последовал окончательный приказ корпуса: «контрудар — до рубежа Арбоньер, Кенель, имея сильный правый фланг; дальнейшее — согласно указаниям командира 192-й пех. дивизии». Последний был освобожден от руководства своими частями, находившимися на позиции, от которых он уже давно был отрезан 1-й рез. дивизией, и принял командование участком, ограниченным справа северными окраинами Кэ и Врели, а слева — западной окраиной Кайе и восточной окраиной Кенель. Так как здесь уже вел бой полк Бельмана, а позднее и половина 1-го батальона 3-го рез. полка (см. стр. 251), то 119-й пех. дивизии была назначена полоса наступления между ручьем Люс и западным краем балки, ведущей от Бофор на Кэ. Штабы 192-й и 119-й пех. дивизий с 15.00 находились в Варвиллер, где они и получили между 18.40 и 18.55 распоряжения о переходе в контратаку. По последним сведениям, противник достиг железнодорожной станции северо-западнее Врели и ворвался в Кенель. Последнее, правда, не соответствовало действительности. Дивизия двумя полками в передовой линии должна была овладеть господствовавшими над Кэ высотами, а один полк сосредоточить между Врели и Мегарикур, в дивизионном резерве. Вся наличная артиллерия должна была поддержать атаку.

Однако, на основании прежнего приказа корпуса прибывший ранее 46-й пех. полк получил задачу занять западные окраины Розьер и Врели. Для этого его 2-й батальон был переброшен на северный берег ручья Люс, где он у выс. 94 (западнее Розьер) частью своего состава усилил передовую линию участка Хефера. Остальные подразделения батальона расположились южнее до долины ручья Люс. Равным образом и 3-й батальон 46-го полка выдвинулся из Врели до высот около 1,5 *км* западнее селения. Таким образом,

само собою выходило так, что 46-й полк должен был вести контратаку на правом фланге дивизии. Однако, для этого он должен был сейчас же использовать и свой последний (1-й) батальон с задачей закрыть прорыв между правым флангом 3-го батальона и ручьем Люс. Таким образом, полк не мог выполнить требование приказа наступать сильным правым флангом. Получил ли действительно 2-й батальон 46-го полка приказ принять участие в атаке, не выяснено. Атака могла иметь успех лишь при том условии, если бы в ней приняли участие и части участка Хефера и если бы имелась достаточная артиллерийская поддержка. Оба эти условия были невыполнимы. Поэтому на участке 2-го батальона 46-го полка и не было достигнуто сколько-нибудь заметного выигрыша территории.

В западной половине дивизионного участка был направлен в атаку 46-й рез. полк. Его передовые части (2-й батальон) вместе с передовыми частями 58-го пех. полка между 16.00 и 17.00 подошли к Врели. Нельзя было предвидеть, что 58-й полк сосредоточится фактически раньше, чем части 46-го рез. полка, иначе его использование в первой линии было бы более целесообразным, ибо 1-й батальон 46-го рез. полка прибыл в Варвиллер лишь в 19.00, а 3-й батальон — в 20.30, так что вначале только 2-й батальон мог наступать в первой линии. Последний при получении приказа о наступлении находился западнее мельницы (мельница юго-западнее Врели) и связался с находившейся в роще слева и впереди 17-й баварской саперной ротой (см. стр. 255), а на правом фланге примкнул к 3-му батальону 46-го полка. Командир полка приказал 1-му батальону наступать уступом слева сзади за 2-м батальоном, а 3-му батальону—за 1-м батальоном. Кроме того, в его распоряжении имелась 16-я баварская саперная рота (прибывшая в Варвиллер в распоряжение 192-й пех. дивизии), которая вошла в его подчинение в Варвиллер.

Проведение в жизнь этого приказа заняло чрезвычайно много времени. К тому же части не были знакомы с местностью и не имели карт. Возможно, что

задержке способствовало также и желание дать возможность своей артиллерии открыть огонь. Передовая линия (1-й и 3-й батальоны 46-го полка и 2-й батальон 46-го рез. полка) тронулась лишь в 20.40. Вначале она успешно продвигалась вперед и смогла на всем фронте перейти через железную дорогу. Однако, вскоре оказалось, что артиллерия поддерживает лишь 46-й рез. полк, а именно 3-м дивизионом 237-го полка легкой артиллерии и одной батареей 192-й пех. дивизии (западная окраина Варвиллер), вооруженной 5 легкими полевыми гаубицами, взятыми из различных резервных соединений. Когда остальные артиллерийские части 119-й пех. дивизии открыли огонь, осталось невыясненным. Во всяком случае части 46-го полка не заметили действия собственной артиллерии. А они-то и нуждались как раз в помощи артиллерии, так как при приближении 1-го батальона к южной опушке леса, что юго-восточнее Кэ, по нему был открыт сильный огонь всех видов не только из леса, но и с высот севернее ручья Люс, следовательно, почти с фланга. Несмотря на то, что вслед затем 3-й батальон 46-го полка попытался охватить указанный лес дальше с юга и этим оказать помощь 1-му батальону, атака обоих батальонов приостановилась в тот момент, когда передовые стрелковые части с напряжением достигли рубежа, не доходя 200—300 *м* до опушки леса и неприятельской позиции к юго-западу от него.

На участке 46-го рез. полка 1-й батальон, продвигаясь, постепенно вышел на одну линию со 2-м батальоном; в 21.30 он вошел в соприкосновение с полубатальоном 1-го батальона 3-го рез. полка (почти на линии железной дороги северо-западнее Бофор). Несмотря на сильное сопротивление, 2½ батальона подошли правым флангом почти на 200 *м* к Баварскому лесу, а левым — к рощице, что южнее отм. 76 (в северо-западном углу квадрата 6722). Затем, наряду с все усиливающимся сопротивлением противника, наступившая темнота прекратила атаку. Таким образом, овладение господствующими над Кэ высотами не было достигнуто. Все же 119-я пех. дивизия смогла закрыть

последний оставшийся разрыв на фронте 2-й армии и расположиться на нем непосредственно перед занятыми противником позициями. Правда, вследствие продвижения 3-го батальона 46-го полка вперед в направлении на лес, что юго-западнее Кэ, образовался промежуток между обоими передовыми полками этой дивизии, который и в дальнейшем остался открытым. Однако, кроме 3-го батальона 46-го рез. полка (у железнодорожной насыпи северо-западнее Бофор) стоял еще целиком 58-й пех. полк (юго-восточнее Врели) в виде совершенно еще нетронутого резерва. Поэтому положение на участке дивизии казалось более или менее устойчивым, тем более что влево от полубатальона 1-го батальона 3-го рез. полка снова выдвинул несколько вперед свои позиции полк Бельмана, правда, сильно потрепанный. Артиллерия же 119-й пех. дивизии поздно вечером была усилена еще одним дивизионом 268-го арм. полка легкой артиллерии (передовые пехотные позиции между Розьер и Кенель — см. карту 2). Между 22.00 и 23.00 на участке 119-й пех. дивизии затихли последние выстрелы «черного дня германской армии».

Д. Заключение

Когда 8 августа на поле сражения 2-й армии наступил вечер, *небывалое с самого начала войны тяжелое поражение германской армии стало совершившимся фактом*. Атакованные между Соммой и Авр позиционные дивизии были почти целиком разбиты. Сильно пострадали также и передовые части, занимавшие фронт севернее Соммы, а равно и большая часть резервов, введенных в бой на протяжении дня. Общие потери всех действовавших в районе 2-й армии частей оцениваются в 650—700 офицеров и 26—27 тыс. солдат[1]. Было потеряно свыше 400 орудий, а также огромное

---

[1] Точные цифры отсутствуют, так как в документах, поскольку они вообще имеются, потери или вообще не приводятся или приводятся общим числом, без выделения 8 августа.

количество пулеметов, минометов и прочих боевых средств. Противник вклинился в глубину германского расположения почти на 11 *км;* почти повсюду он достиг цели своей решительной атаки. Он мог бы еще более развить свой успех, если бы не придерживался упрямо своего первоначального плана.

Правда, германскому командованию удалось путем введения всех наличных резервов образовать к позднему вечеру новый, до известной степени сплошной фронт и даже подтянуть свежие силы, часть которых расположить непосредственно позади этого фронта, а часть — подвести настолько, чтобы они уже на следующий день могли достигнуть поля боя. Однако, эти соединения зачастую состояли из неуспевших еще отдохнуть или изнуренных в боях частей; кроме того, их артиллерия была не в полном составе или могла подойти лишь позднее. Поэтому едва ли можно было рассчитывать, что новые неприятельские атаки будут полностью отбиты. Фактически в последующие дни противник и на других участках фронта повторил свои атаки, и хотя они сопровождались лишь небольшими успехами, зато снова стоили германцам больших потерь.

Главное командование еще до окончания этого сражения пыталось выяснить, как могло произойти столь жестокое поражение. Еще 8 августа генерал Людендорф командировал в атакованные противником дивизии и в штаб 2-й армии офицеров генерального штаба с поручением лично ознакомиться с состоянием войск и положением на фронте и доложить ему об этом. Впечатления этих офицеров были просто потрясающие и не оставляли никаких сомнений в том, где нужно искать решающую причину поражения: войска в буквальном смысле слова были истощены до последней крайности.

«Было бы величайшей несправедливостью сделать войска ответственными за поражение». С этими словами начальник штаба 2-й армии встретил делегата главного командования. И все-таки казалось, что веские факты опровергают это утверждение: противник

достиг своего успеха с неожиданной быстротой и с чрезвычайно малыми жертвами, и в то же время более двух третей всего числа германских потерь составляли попавшие в плен. Почти повсюду имели место случаи, что германские солдаты сдавались противнику, бросали винтовки и орудия и старались спасаться бегством. Разве это не преступное проявление бессилия? Положительный ответ на этот вопрос мы находим в словах Людендорфа: «Действовавшие там дивизии дали себя полностью разгромить». И еще яснее об этом мы находим у Беймельбурга: «Впервые войска совершенно открыто не исполнили своего долга»[1]. Напротив, генерал Куль утверждает: «Падение боеспособности нельзя объяснить просто упреком в слабоволии»[2].

Для внесения ясности в эти разноречивые мнения необходимо найти ответ на следующие вопросы: во-первых, сделало ли германское командование все от него зависящее, чтобы сделать войска способными к успешной борьбе, и, во-вторых, могли ли бы бойцы 2-й армии в данных условиях отбить неприятельское наступление или по крайней мере остановить его в пределах боевой зоны?

Необходимо со всей непреложностью констатировать, что невозможно было предоставить позиционным дивизиям более длительное время для отдыха, ни усилить фронт всей 2-й армии путем подвоза свежих сил. Ясно доказано, что вследствие этого подавляющее число соединений армии не было способно к ведению крупного сражения. Кроме того, следует считать также доказанным, что германское командование на этом участке не ожидало в первых числах августа крупного наступления. В этом заключалась недооценка боеспособности вооруженных сил противника в тот период, ошибка, которой никогда нельзя на войне полностью избежать. И основания, на которых это убеждение было построено, были действительно вескими. Однако,

---

[1] *Беймельбург*, Заградительный огонь вокруг Германии, стр. 485.

[2] *Фон-Куль*, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, стр. 106.

между 4 и 6 августа стали известны два обстоятельства, которые могли бы поколебать эти основания: исчезновение 2 канадских дивизий с прежнего участка фронта после короткого пребывания там (см. стр. 24) и появление около 100 танков непосредственно перед левым флангом 2-й армии (см. стр. 22 и 23). Главное командование считало вероятным, что канадцы появятся в районе 4-й (или же 3-й) английской армии; подтверждали ли это еще какие-либо сведения, не выяснено. Но уже в течение долгого времени было хорошо известно, что передовые пехотные части 2-й армии как севернее Соммы, так и особенно между Соммой и дорогой Амьен, Руа определенно предполагают, что противник подготовляет атаку, притом атаку с танками. Допустим, что вначале донесения о шуме танков можно было считать не соответствующими действительности, но 6 августа наличие большого количества танков не могло уже подвергаться сомнению. Следовательно, имелось несколько довольно важных признаков того, что на этот участок фронта надвигается гроза.

Но против этого, с другой стороны, говорит то, что большое количество пленных, взятых во время контратаки 27-й дивизии 6 августа, не знало о наступательных планах противника или не сообщало о них. И все же непростительным был тот факт, что донесение летчиков о 100 танках не побудило командование предпринять оборонительные мероприятия. Имелась полная возможность быстро сосредоточить сильные авиационные части и организовать мощную разведку в тех районах, где предполагались канадцы и были обнаружены танки. Подобная усиленная воздушная разведка наверняка дала бы хорошие результаты, так как противник вообще уже в течение нескольких месяцев чувствовал себя в отношении германских самолетов в значительной степени в безопасности. Считать теперь, после выяснения всего хода событий, что уже 6 августа на основании донесения летчиков необходимо было на всякий случай подтянуть к могущему подвергнуться угрозе участку фронта несколько резервных дивизий,

было бы мудростью дешевого качества, но *совершенно недопустимо, что германское командование было до такой абсолютной степени застигнуто врасплох неприятельской атакой.*

Еще менее понятно, что существенные уроки боев 18 июля совершенно не были известны 8 августа штабу 2-й армии и ее войскам. И хотя генерал Людендорф говорит: «Все уроки 18 июля были (2-й армией. — *Автор)* учтены», но тот факт, что французы тогда впервые в крупном наступлении начали пехотную и танковую атаку сразу же вслед за открытием артиллерийского огня и что поэтому им полностью удалось захватить врасплох германские позиционные и ударные дивизии, *об этом нигде в документах 2-й армии, ее корпусов и дивизий не упоминается, не говоря уже об указаниях, как должны действовать войска в условиях этого новшества.* Но было совершенно очевидно, что германцы должны были считаться с возможностью повторения этих измененных тактических приемов и при последующих атаках противника, после того как эти приемы себя прекрасно оправдали. Какое роковое влияние оказали эти приемы 8 августа, с одной стороны, захватив врасплох позиционные дивизии, а с другой стороны, исключив влияние артиллерийского огня, об этом выше уже неоднократно упоминалось. *Из одного этого вытекает, что было бы несправедливо делать ответственными за поражение только одни войска.*

При решении второго вопроса, могла ли неприятельская атака вообще быть остановлена, следует заметить, что новая форма ее проведения приобрела еще более решительное значение потому, что оборона была чрезвычайно затруднена туманом. Бесспорно, что всякая серьезная атака лишь тогда может быть остановлена, *если обеспечены безукоризненное взаимодействие и четкая слаженность работы всех средств обороны. Об этом 8 августа вообще не могло быть и речи,* не потому, что отдельные роды войск отказались действовать, но потому, что они ничего не видели, потому, что они не могли знать, куда им следует направить свой огонь и где им надлежит искать противника. Даже

если бы ни один миномет, ни одно орудие не выбыло из строя и все без исключения через 2—3 минуты после начала неприятельского ураганного огня открыли бы хорошо подготовленный огонь на уничтожение, — все равно первый решительный момент был бы почти повсюду упущен, так как к этому времени свои и противник уже перемешались бы между собой. И это «слишком поздно» все время становилось хуже, «куда» делалось все более неясным не только для минометов и орудий, но и для винтовок и пулеметов, пока не рассеялся туман. И чем позднее, тем больше огневой бой сводился к бессистемной стрельбе в туман; для прицельного же огня время измерялось лишь минутами.

Теперь о *танках*. От пехоты можно потребовать, чтобы она их пропускала и продолжала стойко держаться, так как борьба с этими боевыми машинами является задачей артиллерии и расположенных в глубине минометов или пулеметов. Это требование хорошо дисциплинированные и хорошо обученные части могут свободно выполнить, при условии, что их сила воли не надломлена изнурением.

> «Войска победоносно выдержали 1917 год; однако, при этом также выяснилось, что удержание фронта на западе путем пассивной обороны при огромнейшем количестве технических средств, которыми располагала Антанта, более уже не было обеспечено... Этот факт становится все более очевидным по мере того, как наша пехота приобретала характер милиции, чем больше мы теряли убитыми и ранеными лучших бойцов и чем чувствительнее становилось падение дисциплины»[1].

Эта оценка армии относится к началу 1918 г. Однако, в последние 7 месяцев были снова потеряны тысячи бойцов, милиционный характер всех соединений — фактически без вины в том войсковых частей — значительно усилился, дисциплина пала еще более низко. С другой стороны, «огромнейшее количество техниче-

[1] *Людендорф*, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., стр. 434.

ских средств» сделалось для обороны еще более опасным в особенности вследствие увеличения количества танков. И вот 8 августа истощенным войскам 2-й армии пришлось обнаружить, что танки не могут во-время поражаться артиллерией и минометами и даже совсем ими не поражались, так как туман полностью их маскировал; своими глазами они должны были видеть, что все прочие огневые средства ничего не могут поделать с этими бронированными чудовищами, становившимися видимыми лишь на отдельные мгновения, что последние продолжают ползти вперед, заходят во фланг и тыл и расстреливают с нескольких шагов. Но если войска временно укрывались, чтобы пропустить через себя танки, или просто подбирались к ним со связками ручных гранат, тогда им на горло становилась атакующая пехота противника. Пока туман не рассеялся, эти несчастные люди стояли перед лицом невозможной задачи, а когда туман, наконец, исчез, судьба была уже в руках противника, вследствие чего хребет обороны оказался сломленным.

Допустим, что кое-где имело место бесчестное поведение; допустим, что в слишком большом количестве частей и были люди, не желавшие больше сражаться, — все же решающими эти факторы не являлись. Несчастье стряслось потому, что *уровень физических и моральных сил массы бойцов был уже таков, что им оказалось не под силу отразить большую атаку;* это несчастье приняло грандиозные размеры вследствие того, что 8 августа принесло 2-й армии такую массу трудностей, какие вряд ли когда-либо вставали перед обороной.

Германскому командованию пришлось убедиться в горькой истине, что так ясно обнаружившееся во 2-й армии падение духа войск было не единичным явлением, оно имелось в таких же размерах во всей армии, и командованию пришлось сделать из этого следующий вывод:

«Наш боевой механизм уже больше не был полноценным. 8 августа показало падение нашей боеспособности и при таком состоянии укомплектования лишило меня

надежды найти стратегические мероприятия, которые снова укрепили бы положение в нашу пользу... Войну надо было кончать»[1].

Через 6 дней после поражения состоялся решающий государственный совет в Спа, на котором было решено приступить к мирным переговорам. Катастрофа 8 августа 1918 года открыла мрачный путь через Компьенский лес в зеркальный зал Версаля.

---

[1] *Людендорф*, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., стр. 551.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Боевой состав 4-й английской армии[1].

Командующий армией генерал *Ролинсон.*

Начальник штаба генерал *Монгомери.*

3-й армейский корпус.

Ген. *Бутлер.*

12-я дивизия Ген. *Хиггинсон*	18-я дивизия Ген. *Ли*	47-я дивизия Ген. *Горринг*	58-я дивизия Ген. *Рамзай*
35-я пех. бригада 36-я „ „ 37-я „ „ 62-я бригада легкой арт. 63-я бригада легкой арт. 69-я, 70-я и 87-я сап. роты Один сап. батальон 12-й батальон пулеметного корпуса	53-я пех. бригада 54-я „ „ 55-я „ „ 82-я бригада легкой арт. 83-я бригада легкой арт. 79-я, 80-я и 82-я сап. роты Один сап. батальон 18-й батальон пулеметного корпуса	140-я пех. бригада 141-я „ „ 142-я „ „ 235-я бригада легкой арт. 236-я бригада легкой арт. 517-я, 518-я и 519-я сап. роты Один сап. батальон 47-й батальон пулеметного корпуса	173-я пех. бригада 174-я „ „ 175-я „ „ 290-я бригада легкой арт. 291-я бригада легкой арт. 503-я, 504-я и 511-я сап. роты Один сап. батальон 58-й батальон пулеметного корпуса
Приданы Дивизионная артиллерия 25-й дивизии (2 бригады легкой арт.) 169-я бригада легкой арт. 232-я бригада легкой арт.	Приданы 5-я кон. арт. бригада 18-я бригада легкой арт. 65-я бригада легкой арт. 175-я бригада легкой арт.		Приданы Дивизионная артиллерия 50-й дивизии (2 бригады легкой арт.) 108-я бригада легкой арт.

Корпусные части.

	Тяжелая корпусная арт.
2 корпусных кав. полка	8 батарей 127-*мм* пушек
1 корпусный батальон самокатчиков	3 „ 152 „ „
35-я авиаэскадрилья	20 „ 152 „ гаубиц
10-й танковый батальон (марка „V“)	6 „ 203 „ „
2-й батальон гвардейского пулеметного полка	4 „ 234 „ „
	1 „ 305 „ „

Примечание. Каждая английская пех. бригада имеет 3 батальона. Среднее количество штыков в батальоне — около 400 (численный состав около 700 чел.). Каждая английская дивизия имеет 2 батареи средних минометов.

[1] Боевой состав включает только действующие войска. Части связи, парки, обозы и др. не указаны.

Австралийский армейский корпус.

Ген. *Моназ.*

1-я австралийская дивизия Ген. *Глезгоу*	2-я австралийская дивизия Ген. *Розенталь*	3-я австралийская дивизия Ген. *Гелли-бранд*	4-я австралийская дивизия Ген. *Синклер-Маклаган*	5-я австралийская дивизия Ген. *Тальбот-Гоббе*
1-я австралийс. пех. бригада 2-я австралийс. пех. бригада 3-я австралийс. пех. бригада 1-я австралийс. бригада легкой арт. 2-я австралийс. бригада легкой арт. 1-я, 2-я и 3-я австрал. сап. роты 1-й австралийс. сап. батальон 1-й австралийс. батальон пулеметн. корпуса	5-я австралийс. пех. бригада 6-я австралийс. пех. бригада 7-я австралийс. пех. бригада 4-я австралийс. бригада легкой арт. 5-я австралийс. бригада легкой арт. 5-я, 6-я и 7-я австрал. сап. роты 2-й австралийс. сап. батальон 2-й австралийс. батальон пулеметн. корпуса П р и д а н ы 298-я англ. бригада легкой арт.	9-я австралийс. пех. бригада 10-я австрал. пех. бригада 11-я австрал. пех. бригада 7-я австралийс. бригада легкой арт. 8-я австралийс. бригада легкой арт. 9-я, 10-я и 11-я австрал. сап. роты 3-й австралийс. са батальон 3-й австралийс. батальон пулеметн. корпуса П р и д а н ы 16-я англ. кон. арт. бригада 23-я англ. бригада легкой арт. 189-я англ. бригада легкой арт. 3-я австралийс. бригада легкой арт. 12-я австрал. бригада легкой арт.	4-я австралийс. пех. бригада 12-я австралийс. пех. бригада 13-я австралийс. пех. бригада 10-я австралийс. бригада легкой арт. 11-я австралийс. бригада легкой арт. 4-я, 12-я и 13-я австрал. сап. роты 4-й австралийс. сап. батальон 4-й австралийс. батальон пулеметн. корпуса	8-я австралийс. пех. бригада 14-я австрал. пех. бригада 15-я австрал. пех. бригада 13-я австрал. бригада легкой арт. 14-я австрал. бригада легкой арт. 8-я, 14-я и 15-я австрал. сап. роты 5-й австралийс. сап. батальон 5-й австралийс. батальон пулеметн. корпуса П р и д а н ы 14-я англ. бригада легкой арт. 76-я австрал. бригада легкой арт.

Корпусные части.

1 австрал. корп. кав. полк
1 австрал. корп. батальон самокатчиков
3-я австрал. авиаэскадрилья
5-я танковая бригада
2-й танк. батальон (марка „V“)
8-й „ „ „
13-й „ „ „
15-й „ „ (марка „V*“)
17-й бронеавтомобильный батальон

Тяжелая корпусная арт.

8	батарей	127-*мм*	пушек
4	„	152 „	„
23	„	152 „	гаубиц
5	„	203 „	„
4	„	234 „	„
1	„	305 „	„

П р и м е ч а н и е. Каждая австралийская пех. бригада имеет 4 батальона. 12-я и 13-я австралийские пех. бригады имеют лишь по 3 батальона. Среднее число штыков в батальоне—490 (цифра сильно колеблющаяся). Каждая австралийская дивизия имеет 2 батареи средних минометов.

Канадский армейский корпус.

Ген. *Кэрри.*

1-я канадская дивизия Ген. *Макдонел*	2-я канадская дивизия Ген. *Бэрстол*	3-я канадская дивизия Ген. *Липсет*	4-я канадская дивизия Ген. *Уотсон*
1-я канадск. пех. бригада 2-я канадск. пех. бригада 3-я канадск. пех. бригада 1-я канадск. бригада легкой арт. 2-я канадск. бригада легкой арт. 1-я канадск. сап. бригада 1-й батальон канадск. пулеметного корпуса	4-я канадск. пех. бригада 5-я канадск. пех. бригада 6-я канадск. пех. бригада 5-я канадск. бригада легкой арт. 6-я канадск. бригада легкой арт. 2-я канадск. сап. бригада 2-й батальон канадск. пулеметного корпуса	7-я канадск. пех. бригада 8-я канадск. пех. бригада 9-я канадск. пех. бригада 9-я канадск. бригада легкой арт. 10-я канадск. бригада легкой арт. 3-я канадск. сап. бригада 3-й батальон канадского пулеметного корпуса	10-я канадск. пех. бригада 11-я канадск. пех. бригада 12-я канадск. пех. бригада 3-я канадск. бригада легкой арт. 4-я канадск. бригада легкой арт. 4-я канадск. сап. бригада 4-й батальон канадского пулеметного корпуса
Приданы	Приданы	Приданы	
Дивизионная артиллерия 5-й канадск. дивизии (2 бригады легкой арт.) 77-я англ. бригада легкой арт.	150-я англ. бригада легкой арт.	104-я англ. бригада легкой арт. 179-я англ. бригада легкой арт. 8-я канадск. бригада легкой арт.	

Корпусные части.

2 корпусных кав. полка
1 корпусный батальон самокатчиков
5-я авиаэскадрилья
4-я танковая бригада
1-й танковый батальон (марка „V*")

4-й танковый батальон
5-й „ „
14-й „ „
} (марка „V")

1-я канадск. моторизованная пулем. бригада
2-я канадск. моторизованная пулем. бригада

Тяжелая корпусная арт.

10	батарей	127-*мм*	пушек
3	„	152 „	„
22	„	152 „	гаубиц
5	„	203 „	„
3	„	234 „	„
1	„	305 „	„

Примечание. Канадская пех. бригада имеет 4 батальона. Среднее число штыков в батальоне—около 490 (цифра сильно колеблющаяся). Канадская сап. бригада имеет 3 батальона. Каждая канадская дивизия имеет 1 батарею тяжелых и 2 батареи средних минометов.

Кавалерийский корпус.

Ген. *Каванаг.*

1-я кав. дивизия Ген. *Мэллипс*	2-я кав. дивизия Ген. *Питмен*	3-я кав. дивизия Ген. *Хармен*
1-я кав. бригада	3-я кав. бригада	6-я кав. бригада
2-я „ „	4-я „ „	7-я „ „
9-я „ „	5-я „ „	Канадская кав. бригада

Корпусные части.

6-я авиаэскадрилья
3-я танковая бригада
3-й танковый батальон } танки „Уиппет"
6-й „ „ }

Примечание. Каждая кав. бригада состоит из 3 кав. полков 3-эскадронного состава (в каждом эскадроне 4 ручн. пулемета), 1 пулем. эскадрона в составе 16 станковых пулеметов и 1 конной батареи в составе 6 орудий (в канадской кав. бригаде 2 конных батареи по 4 орудия). Каждая кав. дивизия имеет конно-саперный эскадрон.

Армейские части.

5-я авиабригада.

15-я (корпусная) авиагруппа [1]
8-я эскадрилья
9-я „
22-я (армейская) авиагруппа
24-я эскадрилья (развед.)
41-я „ „
84-я „ „
23-я „ „
80-я „ „
201-я „ „
209-я „ „
48-я „ „
83-я бомбардировочная эскадрилья
101-я „ „
205-я „ „
5-й отряд привязных аэростатов
Штаб 9-й авиабригады (придан)
Одно 305-*мм* железнодорожное орудие
„ 356 „ „ „

Общие примечания.

1. Каждая пехотная рота имеет 4 ручных пулемета; станковые пулеметы сведены в каждой дивизии в пулеметный батальон, в котором 4 роты по 16 станковых пулеметов, всего 64 пулемета.

2. Каждая пех. бригада имеет минометную батарею из 8 легких минометов. Имеющиеся в дивизиях батареи средних минометов имеют по 4 средних миномета, батареи тяжелых минометов имеют по 4 тяжелых миномета.

3. Пех. дивизии конницы не имеют; при необходимости она придается им из состава корпусной конницы.

---

[1] 3-я (австралийская), 5-я, 6-я и 35-я эскадрильи вошли в состав корпусов.

4. Батареи 6-орудийного состава; лишь тяжелые (305-*мм* гауб.) имеют по 2 орудия. Каждая бригада легкой артиллерии имеет 3 пушечных и 1 гаубичную батареи, конноартбригада имеет 3 пушечных батареи.

5. Сап. батальон не является инженерной частью, это — пех. батальон, имеющий специальную подготовку, применяемый для окопых работ.

6. Авиаэскадрилья имеет 4 отряда по 6 самолетов — всего 24 самолета.

7. Нормальная организация танковых батальонов:

Батальон танков марки „V“ имеет 3 роты 4-взводного состава; в каждом взводе — по 3 танка, а всего в батальоне 36 танков.

Батальон марки „V*“ имеет 3 роты 3-взводного состава; в каждом взводе — по 4 танка, а всего в батальоне 36 танков. Кроме того, имеются танки снабжения и танки как резерв материальной части.

Вооружение: танки-самцы имеют две 5,7-*см* пушки и 1 пулемет; танки-самки имеют 5 пулеметов; „Уиппет“ (Whippet) имеют 2 пулемета.

Номер батальона тяжелых танков, имевшегося по английским источникам в распоряжении армии, не выяснен.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Действия до 8 августа 1918 г. позиционных и резервных дивизий 2-й армии, атакованных 8 августа.

54-я рез. дивизия.

23 марта — 27 мая — в наступлении[1] и в окопах[2]; в это время 8 дней — во 2-м эшелоне[3].

28 мая — 28 июня — на отдыхе.

С 28 июня — в окопах.

43-я рез. дивизия.

В начале февраля прибыла с Восточного фронта, проходила боевую подготовку до второй половины марта.

С 9-го по конец апреля — в наступлении и в окопах; 1 мая — 12 июня — на отдыхе (эпидемия тифа); с 16 июня — беспрерывно в окопах.

41-я пех. дивизия.

28 марта — 5 июня — в наступлении и в окопах; 6 июня — 4 июля — на отдыхе; с 10 июля — в окопах.

225-я пех. дивизия.

До середины мая — в окопах (в Лотарингии); с 24 мая — беспрерывно в окопах (в составе 2-й армии).

243-я пех. дивизия.

С 26 марта по 27 апреля — в наступлении и в окопах; в это время была на 8 дней оттянута назад; 29 апреля — 12 мая — на отдыхе; 24 мая — 6 (частично до 14) июля — в окопах и затем во 2-м эшелоне.

107-я пех. дивизия.

1 марта — начало мая — в наступлении и в окопах; до 15 мая — на отдыхе; до 23 мая — в окопах; 24 мая — 20 июня — во 2-м эшелоне; 21 июня — 2 августа — в окопах; в дальнейшем — в арм. резерве.

108-я пех. дивизия.

Середина января — середина апреля — в окопах; 29 апреля — 10 июля — в окопах; 11 июля — 5 августа — во 2-м эшелоне; с 6 августа — в окопах.

---

[1] В наступлении — участие в наступлении в составе армии.

[2] В окопах — расположение в окопах на позиционных участках фронта.

[3] Во 2-м эшелоне — расположение во 2-м эшелоне армии в качестве ударных дивизий для контратак из глубины.

109-я пех. дивизия.

В середине марта прибыла из Румынии, несколько дней проводила боевую подготовку, затем перебрасывалась.
27 апреля — 5 августа — беспрерывно в окопах; затем — во 2-м эшелоне.

14-я (баварская) пех. дивизия.

13 января — 22 апреля — в окопах (в составе 1-й армии); 2 мая — 23 июня — в окопах (в составе 2-й армии); 24 июня — 12 июля — на отдыхе, во 2-м эшелоне, в передвижениях; с 23 июля — в окопах.

27-я (вюртембергская) пех. дивизия.

21—24 марта—в наступлении; до начала апреля—в арм. резерве; 4—22 апреля—в наступлении и в окопах; 23 апреля — 25 июля — в корпусном резерве, во 2-м эшелоне, на отдыхе; с 2 августа — в окопах.

13-я пех. дивизия.

26 марта — 12 апреля — в наступлении и в окопах; 13 — 20 апреля—во 2-м эшелоне; 22 апреля — 14 мая — в наступлении и в окопах; 15 мая — конец июня — во 2-м эшелоне, на отдыхе; с 2 июля — в окопах.

117-я пех. дивизия.

В начале марта прибыла с Восточного фронта, проходила боевую подготовку.
11 апреля — 7 мая — в наступлении и в окопах; 8—30 мая — на отдыхе; 1 — 20 июня — в окопах; 20 июня — начало августа — на отдыхе; с 5 августа — в окопах.

192-я (саксонская) пех. дивизия.

19 февраля — 22 апреля — в окопах (на маасском фронте); 23 апреля — 7 мая — на отдыхе; с 13 мая — беспрерывно в окопах (в составе 2-й армии).

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Авр, река, 29, 58, 184, 210, 214, 220, 222, 225, 227, 228, 254, 260
Ай (Hailles), 42
Айи (сюр-Нуа), 23
Акрош, лес, 103
Аль, 175
Альбер, 12, 28, 29
Амель, 8, 25, 29, 42, 49, 105, 106, 108, 113, 182, 222
Амьен, 5, 6, 9, 15, 17, 18, 23, 28, 29, 49, 103, 142, 171, 182, 183, 199, 202, 208, 243, 263
Ангар, 182, 201—203
Анжест, 247, 253
Анжест-ан-Сантер, 18, 184
Анкр, река, 18, 23, 58
Арбоньер, 18, 161, 170, 171, 173, 174, 177, 192, 198, 208, 229, 231—238, 240, 257
Арвиллер, 230, 244, 246, 247, 253
Аррас, 12, 25, 33
Артиллерийская балка, 146
Асвиллер, 21

Б

Баварский лес, 179, 204, 205, 255, 256, 259
Байонвиллер, 144, 145, 154, 166, 169, 171, 173, 174, 177, 180, 232, 234, 237
Бапом, 33
Бирнен, лес, 210, 211, 217
Блиндарм. балка, 165, 192, 201
Бокур, 206, 208—210, 215, 216, 229, 231, 244—250, 254, 255, 257
Бофор, 251, 256, 257, 259, 260
Браш, 227
Бре, 29, 54, 83, 84, 86—91, 94, 96, 99, 100, 102, 176
Бригадирный лес, 223, 224
Бригадный хребет, 77, 79, 129, 135, 138
Бронфе, ферма, 99, 100
Брюк, овраг, 70, 71, 73, 74, 76, 81, 91
Буа-де-Бер, 49
Бухгейм, балка, 114
Бушуар, 230, 245, 246

В

Варвиллер, 256—259
Варфюзе, 103, 121, 146, 149, 151
Вель, река, 11, 13, 14, 15, 18, 51
Венский лес, 201
Вермандовиллер, 232
Версаль, 267
Вестфальский овраг, 60, 99
Виллер-Бретонне, 21, 22, 23, 25, 29, 36, 55, 157, 162, 182
Виллер-Карбонель, 176
Виллер-Коттере, 12
Виллер-оз'Эрабль, 183, 207—209, 215, 217, 218—220, 226
Виллер-Шапель, 94
Виль-сюр-Анкр, 29
Вовиллер, 171, 198, 233, 235, 236, 240, 241, 242
Вогезский лагерь, 137
Восточный лес, 186
Врели, 230, 242, 251, 256—258
Вутенау, овраг, 124, 125
Вьенкур, 165, 173, 192, 193, 196, 197, 201, 232, 234

Г

Гайи (Gailly), хут., 106
Ганноверский лагерь, 128
Гаспе, 44
Гасфуртская лощина, 72
Георга гора, 76, 83, 141, 174, 175
Гербер-Назе, 133
Гийенкур-ле-Гран, 240
Гийокур, 171, 173, 193, 197, 232, 237, 239
Гинденбурга позиция, 5
Гранатен, лес, 211, 212, 215, 216, 217, 218, 231
Гренц, лес, 201
Гресер, лес, 59, 87, 89, 92, 94—96, 99

Д

Демюэн, 195, 201, 202, 204, 205, 206, 234, 244, 245
Дернанкур, 18, 29, 59
Домар, 200
Дулан, 17
Дэвиц, высота, 114.

Е

Егерские скаты, 72, 73, 76

Ж

Женонвиль, 214, 222—226

З

Заксен, гора, 60, 86, 91, 98, 99, 100, 255
Западный овраг, 87
Зенелагер, 44

И

Иньокур, 171, 201, 206, 244
Ипр, 12

К

Кайе, 193, 201, 206—208, 210, 229, 231, 233, 234, 235, 238, 243, 244, 245, 247, 248, 250, 251, 257
Каналь, гора, 76, 77, 81—84, 98, 101, 141, 142, 175
Канонен, лес, 217
Капеллен, 103
Каппи, 77, 141, 175, 176, 178
Каши, 24, 171
Кастель, 212
Кеммель, 12, 24
Кенель, 244, 246, 247, 250, 251, 252, 257, 260
Кенигин, овраг, 76
Кирх, овраг, 151, 152
Компьенский лес, 267
Контуар, 184, 228
Корби, 29, 54, 84, 86—91, 94, 96, 99, 102
Кэ, 193, 198, 237—245, 247—251, 254, 255—257, 259, 260
Кюхен, овраг, 89, 90, 91, 95, 101

Л

Ла-Бассе, 12
Лазарет, овраг, 114, 120
Ламанш, 11
Ламот, 127, 133, 146, 149, 152, 153, 180
Ландграфен, лагерь, 246
Ла-Невиль, 222, 225, 227
Лаффо, 42
Лейпцигский лагерь, 76
Лион, 236, 240, 241, 242
Лонго, 24
Любекский лагерь, 41
Люкс, лес, 213, 214, 222, 223
Люс, р., 25, 54, 198—202, 206, 208, 231, 239, 243, 244, 247, 254—259

М

Малар, лес, 53, 60, 69, 70, 76, 81, 82, 101, 102
Марбург, лес, 224—226
Марна, река, 11, 12, 13, 14, 15, 29
Марселькав, 33, 38, 39, 155, 157—164, 171, 182, 185—188, 192, 196, 197, 231, 232, 235
Маршельпо, 240
Мегарикур, 241, 257
Мезьер, 208, 209, 215, 216, 218, 220, 244, 245, 252, 255
Менден, 43
Меольт, 42, 88
Мервиль, 12

Мерикур, 18, 77, 100, 120, 134—137, 141, 142, 174, 175, 177
Мертвых овраг, 194
Мондидье, 12, 15, 18
Мон-Иде, 201
Морейль, 12, 18, 28, 29, 42, 49, 55, 183, 184, 210, 212—215, 220—223, 226
Моризель, 23, 214, 215
Моркур, 59, 69, 77, 114, 128, 134—137, 142, 177, 180
Морланкур, 18, 29, 42, 52, 55, 59, 78, 82, 87—89, 91, 94, 97—100, 176

Н

Нат, лес, 201
Нахтигаллен, лес, 103
Небель, балка, 124
Нель, 142
Нуайон, 12, 18

О

Оберкур, 190, 195, 201

П

Падерборн, 44
Париж, 11, 18
Перон, 142, 175
Плесье, 184, 215, 218, 226—229, 231, 249, 252—254
Прояр, 137, 139—141, 144, 154, 170, 172—175, 177—180
Пьере, лес, 159, 162, 164, 165, 191

Р

Радегонд, 175
Рауxенбергер, 205
Регимент, овраг, 85, 87, 89, 131
Реймс, 12, 14
Рейн, река, 17
Ренкур, 170, 179
Римский овраг, 134, 135, 136, 139, 141, 165, 166, 168, 169, 170, 171, 172, 175, 231
Римское шоссе, 38, 42, 79, 135—138, 145, 147, 150, 153, 165, 166, 169, 170, 172, 174, 176—180, 196, 231
Розенвиллер, 215
Розьер, 166, 198, 236, 237—242, 255, 257, 260
Ромер, овраг, 141
Руа, 18, 23, 29, 171, 183, 199, 202, 208, 243, 256, 263

С

Сайи, 107, 121
Сайи-Лорет, 24, 52, 71—74, 76, 78, 175
Селестин, лес, 78, 82, 83, 142
Сенека, лес, 29, 42
Серизи, 74, 79, 80, 106, 108, 112—114, 117, 118, 120, 127, 135, 136, 141, 175
Сальшуа, 253
Сомма, река, 18, 23, 25, 28—30, 46, 49, 50, 52, 54, 59—61, 71, 74, 76—81, 83, 96, 98—100, 102—107, 114, 115, 117, 119, 120, 128, 135, 136, 141, 142, 174, 176, 177, 180, 181, 260, 263
Спа, 267
Средний лес, 186
Суассон, 12, 13, 15, 16
Сюзан, 97, 176, 177

Т

Тай, лес, 59, 87, 89, 94, 98
Томас, овраг, 60, 65, 67, 69, 72—74
Трапец, лес, 242
Тэнн, 200, 213

У

Уаза, река, 15, 51
Урж, 24, 199, 200
Урк, река, 12

Ф

Флак, фабрика, 172, 179
Фландрия, 12, 14, 15
Фоли, 251
Фонтен-ле-Капли, 175, 178
Фрамервиль, 170—174, 179, 198, 235—236, 238, 239, 241
Фрейбург, 85

Френуа, 224—226, 246, 247, 249, 250, 252—254
Фридриха-Августа лагерь, 76
Фруасси, 173, 181
Фукокур, 172, 174, 176, 179, 238, 240, 242
Фюзилерная дорога, 72

Х

Хехт, гора, 71, 72, 81
Хузаренгоф, 166, 168

Ц

Цвикау, лагерь, 83

Ш

Шато-Тьери, 16
Шварцвальд, лес, 202—204, 207
Шверинский лес, 103
Шипильи, 60, 69, 71, 73, 74, 78, 80, 82, 83, 91, 98, 100
Шмен-де-Дам, 11, 20, 51
Шон, 18, 103, 142, 171, 176, 182, 240
Штаумюле, 43
Штерн, лес, 232
Шюинь, 174, 177, 178, 180
Шюиньоль, 139, 173, 174, 178

Э

Эклюзье, 180
Элет, река, 51
Эн, река, 11, 12, 29, 51
Эрлевиль, 170, 179, 236
Эрш, 253
Эстре, 176
Этинем, 59, 97, 100

Оглавление

Стр.

От издательства 5

Глава I. Развитие общей обстановки на Западном фронте с 21 марта до начала августа 1918 г. 11

Глава II. План неприятельского наступления 8 августа и его подготовка 18

Глава III. Боевые действия 2-й германской армии до 8 августа, боеспособность ее войск и оборудование позиций 28

Глава IV. 6 и 7 августа севернее Соммы. Ночь на 8 августа 52

Глава V. Неприятельское наступление 8 августа 59

А. Севернее Соммы . . . . —

1. 43-я резервная дивизия 60

2. 27-я (вюртембергская) пехотная дивизия 84

Б. Между Соммой и железной дорогой Амьен, Шон . . 103

1. 43-я резервная дивизия . . . . —

2. 13-я пехотная дивизия 120

3. 41-я пехотная дивизия 142

4. Возникновение нового фронта в районе 11-го армейского корпуса 175

В. Южнее железной дороги Амьен, Шон 182

1. 51-й армейский корпус . . . . —

2. 117-я пехотная дивизия 185

3. 225-я пехотная дивизия 199

4. 14-я (баварская) пехотная дивизия 210

5. 192-я (саксонская) пехотная дивизия 220

Г. Боевые действия резервов в районе 51-го армейского корпуса 229

1. Мероприятия командования корпуса . . . . —

2. Бой 109-й пехотной дивизии 231

3. Бой сводного полка Бельмана и 1-й резервной дивизии 243
4. Прибытие 119-й пехотной дивизии на вновь образованный вечером 8 августа фронт 2-и армии . . . 254
Д. Заключение 260
Приложение 1. Боевой состав 4-й английской армии . . 268
Приложение 2. Действия до 8 августа 1918 г. позиционных и резервных дивизий 2-й армии, атакованных 8 августа 273
Указатель географических названий 275
Карты 1 и 2. Англо-французское наступление 8 августа 1918 г. (вкладкой в конце книги).

Сдано в производство 15.5.1937 г. Формат бумаги 84×108/32.
Подписано к печати 31.7.1937 г. Объем 17,5 п. л.+2 к . = 1/2 п. л. 14,2 авт. л.
В бум. листе 122.480 знаков

Уполн. Главлита № Г—7281 Изд. № 107 Зак. № 239

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Цена книги 3 р., переплет 75 к.

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

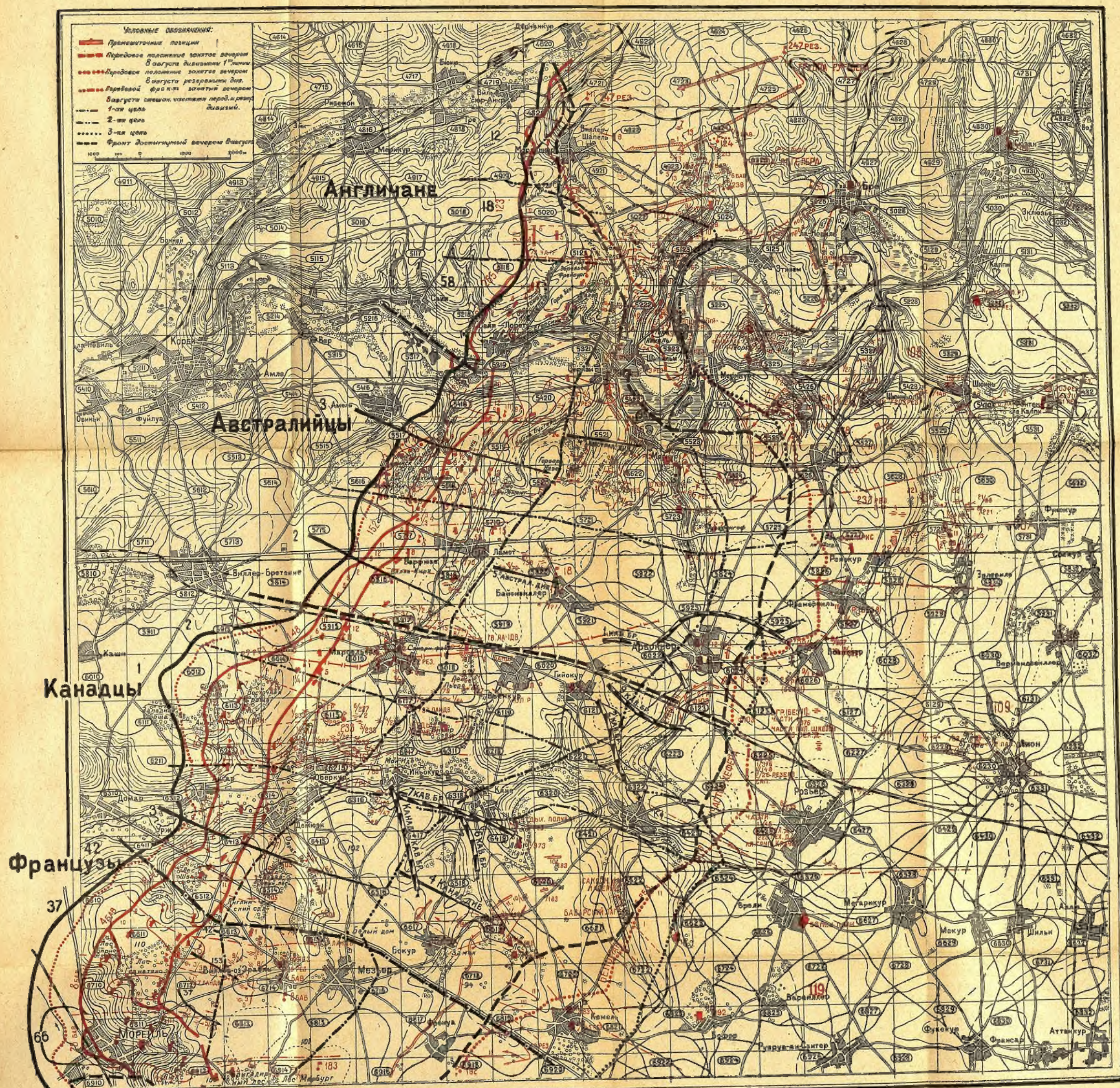
Карта I. Наступление англо-французов 8 августа 1918 г.

Воен. Зак. 239

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

Карта II. Наступление англо-французов 8 августа 1918 г.

Цена 3 р. 75 к.